

Институт языкознания РАН
Институт перевода Библии

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences
Institute for Bible Translation

РОДНОЙ ЯЗЫК

Лингвистический журнал

Rodnoy Yazyk

Linguistic Journal

№1 2024

Москва, 2024

ISSN

DOI 10.37892/2313-5816-2024-1

УДК Эдельман 811.221

Кашкин, Винклер 811.511.131

Родина, Протасова 81'272

Шеллер 811.511.12

Грид 811.512.145

Рудницкая 811.512.212

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

*В. М. Алпатов, М. Беерле-Моор, А. В. Дыбо,
А. А. Кибрик, Г. Ц. Пюрбеев, М. З. Улаков*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

*Т. Б. Агранат (главный редактор), А. Н. Биткеева, П. Босале, Т. Вьер, А. Вио,
В. Ю. Войнов, К. Т. Гадилия, К. Д. Гаррисон, Т. А. Майсак, О. А. Мудрак,
Ю. В. Псянчин, М. Рисслер, Е. Л. Рудницкая, Л. Уэйли, М. Ш. Халилов, Д. Эршлер*

Редактор *Т. О. Майская* Верстка *А. А. Маженова*

Адрес редакции: Москва, 119334, Андреевская наб. 2,
Институт перевода Библии

Тел.: (495) 956-64-46

Интернет-сайт журнала: <https://rodyaz.ru>
email: ibt_inform@ibt.org.ru, editor@rodyaz.ru

EDITORIAL COUNCIL

*V. M. Alpatov, M. Beerle-Moor, A. V. Dybo,
A. A. Kibrik, G. Ts. Pyurbееv, M. Z. Ulakov*

EDITORIAL BOARD

*T. B. Agranat (editor-in-chief), A. N. Bitkeeva, P. Bocale, D. Erschler, K. T. Gadilia,
K. D. Harrison, M. Sh. Khalilov, T. A. Maisak, O. A. Mudrak, Yu. V. Psyanchin,
M. Rießler, E. L. Rudnitskaya, A. Viaut, V. Voinov, L. Whaley, T. Wier*

Editor *T. O. Mayskaya* Typesetting *A. A. Mazhenova*

Address: Institute for Bible Translation, Andreevskaya nab. 2,
Moscow 119334

Tel.: (495) 956-64-46

Internet: <https://rodyaz.ru>,
email: ibt_inform@ibt.org.ru, editor@rodyaz.ru

СОДЕРЖАНИЕ TABLE OF CONTENTS

Лексикология и лексикография *Lexicology and lexicography*

*Д. И. Эдельман. К ареальным вариантам семантики
в истории лексики восточноиранских языков*

*J. I. Edelman. On areal variations in semantics in the history
of the vocabulary of East Iranian languages 5*

Язык и общество *Language and society*

*Е. В. Кашкин, М. Э. А. Винклер. Языковая ситуация
у татышлинских удмуртов:
наблюдения экспедиций ОТиПЛа МГУ*

*E. Kashkin, M. E. Winkler. The Tatyshly Udmurt language situation:
Evidence from recent fieldwork 16*

*Н. М. Родина, Е. Ю. Протасова. Взаимодействие семьи
и детского сада при воспитании двуязычия:
анализ практик*

*N. M. Rodina, E. Yu. Protasova. Interaction between family
and preschool in raising bilingual children:
An analysis of various practices 44*

Проблемы грамматики
Issues in grammar

- E. Scheller. Partitive or genitive plural?*
Use and formation of the partitive case in Kildin Saami
- Э. Шеллер. Партитив или генитив множественного числа?*
Употребление и образование разделительного падежа
в кильдинском саамском языке 70

Лингвистические аспекты перевода Библии
Linguistic aspects of Bible translation

- T. Greed. Seven Tatar translations of the Lord's Prayer*
(1803–2015) [Part 1]
- Т. Грид. Семь переводов молитвы «Отче наш»*
на татарский язык с 1803 г. по 2015 г. [Часть 1-я] 131

Слово народа
Mother-tongue texts

- E. L. Rudnitskaya. Три рассказа на джелтулакском*
и усть-нюкжинском говорах эвенкийского языка
- E. L. Rudnitskaya. Three stories in the Jeltulak*
and Ust'-Nyukzha dialects of Evenki 171

Хроника
Recent events

- E. M. Budyanskaya, A. P. Evstigneeva, O. M. Pavlova.*
Весенняя школа «Как передать язык детям»
- E. M. Budyanskaya, A. P. Evstigneeva, O. M. Pavlova.*
Spring School on Intergenerational Language Transmission 185

К ареальным вариантам семантики в истории лексики восточноиранских языков

Джой Иосифовна Эдельман

Институт языкознания РАН
Москва, Россия
joy.edelman@gmail.com

Историческая индоиранская лексика ареала Центральной Азии выявляет интересные семантические факты, заставляющие по-новому взглянуть на этимологические гнезда слов, происходящих от единого индоевропейского корня. В статье рассматривается группа восточноиранских слов, которые восходят к единому праиранскому корню, но при этом в ареале Центральной Азии выявляют значения, дающие возможность новой семантической интерпретации данного корня.

Рассмотрению подвергается праиранский корень **carǰ-* с условной семантикой 'действовать, делать; работать; предпринимать усилия; быть сильным, деятельным' и динамика семантики продолжающих его слов на иранском (как восточноиранском, так и западноиранском) и индоевропейском материале, с особым вниманием к языкам Памиро-Гиндукушского региона.

Исследованные ареальные слова с их этимологиями могут свидетельствовать о наличии в общей семантике праиранского корня **carǰ-* дополнительных значений 'плести, вязать', которые прежде не отмечались. Такая конкретная хозяйственная семантика могла быть унаследованной из более глубокой древности, вплоть до свойственной индоевропейским диалектам.

Наличие этих семантических элементов у данного праиранского корня, совпадающих с аналогичными элементами древнерусского глагола *вързати*, — показатель еще одного звена в системе славяно-иранских изоглосс.

Ключевые слова: индоевропейские языки, индоиранские языки, восточноиранские языки, лексика, семантика, Центральная Азия, ареал

Для цитирования: Эдельман Дж. И. К ареальным вариантам семантики в истории лексики восточноиранских языков. *Родной язык*, 2024, 1: 5–15.

DOI: 10.37892/2313-5816-2024-1-5-15

On areal variations in semantics in the history of the vocabulary of East Iranian languages

Joy Iosifovna Edelman

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences

Moscow, Russia

joy.edelman@gmail.com

The historical Indo-Iranian lexicon of the Central Asian linguistic area reveals interesting semantic facts that force us to re-consider the etymological sources of words derived from a single Indo-European root. The present article examines a group of East Iranian words that go back to a single Proto-Iranian root, but at the same time exhibit meanings in the Central Asian area that allow for a new semantic interpretation of this root.

Under consideration is the Proto-Iranian root **uarǝ-*, tentatively reconstructed as meaning ‘to act, to do; to work; to make efforts; to be strong, active’. The article investigates the semantic development of this root in later Iranian words (both East Iranian and West Iranian), as well as in Indo-European words, with special attention to the languages of the Pamir-Hindu Kush region.

The etymologies of the areally diffused words under examination may indicate that the semantics of this Proto-Iranian root included a previously unnoticed additional meaning of ‘weave, knit’. This specific meaning may have been inherited from deep antiquity, possibly even from the protolanguage that birthed the Indo-European dialects.

These semantic elements in the Proto-Iranian root under investigation coincide with similar elements in the Old Russian verb *вързати* (*vъrzati*). This is an indicator of an additional link in the system of Slavic-Iranian isoglosses.

Keywords: Indo-European languages, Indo-Iranian languages, East Iranian languages, lexicon, semantics, Central Asia, area

For citation: Edelman J. I. On areal variations in semantics in the history of the vocabulary of East Iranian languages. *Rodnoy yazyk*, 2024, 1: 5–15.

DOI: 10.37892/2313-5816-2024-1-5-15

Историческая индоиранская лексика ареала Центральной Азии выявляет интересные семантические факты, заставляющие по-новому взглянуть на, казалось бы, хорошо исследованные этимологические гнезда слов, происходящих от единого индоевропейского корня.

В данной статье речь пойдет об иранских словах, восходящих к праиранскому корню **uaz- : uz-* с условной семантикой ‘действовать, делать; работать; предпринимать усилия; быть сильным, деятельным’ [Ch. EDIV, 425–427]. Корень восходит к индоевропейскому **uerg-* : *ureg-* ‘делать, трудиться’, ср. нем. *Werk, wirken*, англ. *work* [Pok. IEW: 1168–1169].

Продолжения этого корня зафиксированы в древних иранских языках. В языке Авесты это глагол *varəz-, vərəz-* ‘действовать, делать; совершать, выполнять, заниматься чем-л.’; и ряд имен, например *varəza-* (< **varza-*) ‘деяние’, *avərəzika-* (< **a-uzika-*) ‘бездеятельный’, *vərəzi-čašman-*, *vərəzi-dōidra-* ‘с сильными глазами, зоркий’ [Barth. AiW: 1374–1378]; с превербом **abi-* этот глагол и его производные обозначали ‘возделывать землю’. В древнеперсидском отмечен корень *vard-* ‘работать, делать, действовать’ в имени собственном *Artavardiya-*, с закономерным отражением древнеперсидским *-δ-* праиранского **-ž-* из индоевропейского звонкого палатального **-ǵ-* [Kent OP: 207]. Реконструирован также мидийский корень **vuz-* ‘действовать, делать’, зафиксированный в качестве заимствования в других языках в составе производных слов — имен собственных: **vuzana-* (из ассирийского источника), буквально ‘действующий, делающий’, **vuzanta-* (из эламского источника), буквально ‘деятельный’ [Hinze 1975: 272; Раст. СИГЗЯ-Ф: 40].

То есть, фонетический облик праиранского корня **uaz- : uz-* уже на основании древнеиранских данных

восстанавливается непротиворечиво, а реконструируемый круг значений «деяние, активная деятельность; жизненная активность» — без явной конкретизации, представляется довольно общим, хотя какие-либо виды активной деятельности при этом могли подразумеваться.

В дальнейшем в некоторых живых и вымерших иранских языках находим различные продолжения этой общей семантики. Например: курд. курманджи *bil-* : *bilîn* ‘увлечься, усердно заниматься чем-либо; выполнять что-либо’ (заимствовано из юго-западного источника) [Цаб. ЭСКЯ I: 178]; осетинское *warzyn* : *warzt* / *warzun* : *warzt* ‘любить’ [Аб. ИЭСОЯ IV: 54]; хорезмийское *wžy-* ‘напрягаться, прилагать усилия; использовать’ (из позднего **warzaya-*) [Sam. Chwar. Verb.: 230].

Особое развитие получила семантика рефлексов этого корня в продолжениях среднеперсидского языка. В среднеперсидском языке в пехлевийских словарях отмечены имя *warz-* ‘труд, земледелие’ и вторичный глагол *warzīdan*, передающие не только общее значение ‘работать, действовать, практиковать что-л.’, но и конкретное ‘обрабатывать землю, заниматься земледелием’ [MacK. CPD: 87]. Аналогичное сочетание общего и данного конкретного значений находим в лексике манихейских среднеперсидских и парфянских текстов, например среднеперсидское и парфянское *warzigar* ‘работник; крестьянин, земледелец; работающий, обрабатывающий землю’, *warzišn* ‘работа, земледелие’ [D-M DMMPP: 344–346].

В новоиранских языках — потомках среднеперсидского, то есть в классическом персидском, современных персидском, таджикском языках, в языке дари Афганистана — сходное звучание и круг значений данных слов в целом сохраняются. При этом их историческая фонетика (наличие начального *w-* и срединной группы *-rz-*) свидетельствует о заимствовании первоисточника из какого-то языка северо-западной группы (парфянского? мидийского?). В этих живых иранских языках, где праиранский **ɰ-* в начале слова, как правило, переходит в согласный *b-*, ожидался такой же переход в данных словах, однако он

происходит только в «гибридном» варианте основы в виде *barz-*, при этом в ней сужается семантика, происходит терминологизация имен для обозначения «земледелие», например *barz(a)gar* ‘земледелец, крестьянин’, *barz(a)gari* ‘земледелие, сельское хозяйство’.

Однако в классическом персидском языке фиксируются и слова с начальным *v-*, уже целиком заимствованные из северо-западного источника. Это главным образом относительно старые имена, например кл. перс. *varz* ‘сев, посев, пашня’, *varza* ‘крестьянин, земледелец, пахарь’, *varzigār* ‘крестьянин, земледелец, пахарь’ и деноминативный глагол *varzīdan*, который выступает и как терминологический ‘заниматься с/х, земледелием’, и как общий ‘быть занятым чем-л., усиленно заниматься чем-л., последовательно делать что-л.’, включая его употребление в роли вспомогательного глагола в сочетаниях типа *dūstī varzīdan* ‘дружить’, *išq varzīdan* ‘любить’. Имеются и вторичные имена: *varzīda* ‘тренированный в чем-либо, опытный в чем-либо, искусный в чем-либо’ (лексикализованное причастие прош. вр.), имя *varziš* ‘упражнение в чем-либо, занятость чем-либо’ и т. д.

В современном персидском языке отмечаются как гибридные варианты терминов: *barz* ‘посев; семя’, *barzgar*, *barzkār* ‘земледелец’, так и полностью «северо-западные»: 1) *varz* ‘сев, посев, пашня’, 2) ‘дело, занятие, работа’, *varz-kār* ‘крестьянин, земледелец, пахарь’.

При этом имеются и новые термины, связанные с иными аспектами понятия активности, особенно распространен термин совр. перс. *varzeš* ‘физкультура, спорт’ (и многочисленные построенные на нем термины, связанные с иранскими традиционными видами спорта). Свидетельствуются многочисленные заимствования в разные языки из персидского уже этих новых терминов. Однако при этом сам глагол совр. перс. *varzīdan* может выступать с общим значением ‘быть деятельным’ и в роли вспомогательного глагола в сочетаниях типа *kušeš varzīdan* ‘стараться’.

В таджикском языке вариант с начальным *b-* отмечен в единичных словах типа *барзагов* ‘бык, вол, используемый при сельских работах (пахоте, обмолоте)’, а в общем значении и в других культурных терминах выступают варианты с начальным *v-*.

Влияние среднеперсидского и позднее классического персидского языка с выработанной в них культурной терминологией земледелия распространилось на другие языки, как западноиранские (например, курд. курм. *warz* ‘обработка земли’, курд. сор. ‘сельскохозяйственный год, сезон, земледелие’ — заимствованы из персидского) [Цаб. ЭСКЯ I: 178], так и восточноиранские, включая вымершие письменные восточноиранские языки Центральноазиатского ареала. Например, заимствованы термины: согдийский манихейский *kš'wrz'k* ‘земледелие, возделывание земли’ (ср. кл. перс. *kašavarz*) [Gharib Sogd. Dict.: 168], бактрийский *warzo* (ср. ср.-перс. *warz*) ‘земледелие’ [S-W Bactr. Glossary: 108].

Таким образом, конкретные обозначения деятельности в языках традиционных государственных образований стали устоявшимися культурными терминами, связанными с земледелием и, по-видимому, первоначально в воинской среде, — с силовой тренировкой, спортом. Они заимствованы в разные языки из персидского на разных этапах его исторического развития.

Особняком стоят продолжения этого корня в языках Памиро-Гиндукушского региона. См. материал близкородственных друг другу языков йидга и мунджанского: мунджанский: *war-* : *wušk* ‘натягивать основу для тканья; вязать, плести’, йидга *woʔ* - : *wušč-* ‘вязать, плести, ткать’ [Гр. Мундж.: 373; Morg. IFL II: 263]. (Следует отметить, что значение ‘натягивать основу для тканья’ в мунджанском отмечается уже в записях И. И. Зарубина начала XX века). Г. Моргенштерне возводил этот глагол к корню **ɟart-* ‘вращать, крутить’ [Morg. IFL II: 263], однако историко-фонетическое отражение группы **-rʒ-* в виде церебрализованных согласных, а также семантика «натягивать основу для тканья» (не подразумевающая обя-

зательного вращения) делают возможным отнести глагол к рефлексам праиранского **uarǰ-* : *urǰ-ta-*.

Если в древних восточноиранских диалектах частью конкретных значений хозяйственной деятельности было не «обработка земли», или не только «обработка земли», но и «натягивать основу для тканья; вязать, плести», то сюда же относятся производные имена: пушту диалект вазири *wiža*, *wəža* ‘жила, сухожилие (в частности, Ахиллесово сухожилие)’, в других диалектах также *wižau* ‘жила, сухожилие’ [Асланов ПРС: 947], которое может быть возведено к древнеиранскому **urǰaka-* (ср. фонетический вариант прототипа в виде **wrǰaka-* [Morg. NEVP: 94]), йидга *wirǰ*, мунджанский *wirǰ*, мунджанский верхний *wurǰ*, шугнанский *wūrǰ*, рушанский, хуфский *wurǰ*, язгулямский *wiǰ* ‘шерстяная пряжа, толстые шерстяные нити’ из индоевропейского **urǰg-so-* [Morg. EVSh: 91]. См. также производные от этого корня хорезмийское *wǰ-* ‘thread’, белуджское *guǰg* ‘root-fibre’, приводимые для сравнения в [Morg. NEVP: 94].

Предположительно сюда же входят названия памирских предметов домашнего быта, сплетенных из ивовых ветвей и коры: ваханское *wišk* ‘плетеный из ивовой коры или лозы обруч; плетеный обод — подставка под котел’; вандж. *wašk* ‘жгут из прутьев’; хуф. *wiǰč* ‘веревка, свитая из прутьев’; шугн. *wiǰč (ak)* ‘подставка для котла (из коры дерева)’ и др. И. М. Стеблин-Каменский возводил ваханский термин из этой группы к восточноиранскому продолжению праиранского имени **bastraka-* [Ст.-К. ЭСВЯ: 393] от праиранского корня **band-* ‘связывать’, но в таком случае термин имел бы в анлауте фонему **v-*, которая в языках Памира фонологически противопоставлена *w-*. Более правомерными фонетически и семантически выглядят ближайшие прототипы **warštka-*, **warš(a)ka-* из праиранских **urǰ-ta-ka-* ‘сплетенное’ или **urǰa-ka-* ‘плетенка’ от корня **uarǰ-* в значении ‘плести’.

Заключение

Для нас важно, что такая конкретная хозяйственная семантика, связанная с плетением, вязанием, а может быть и с ткачеством, — не обязательно местная инновация, она могла быть унаследованной из более глубокой древности, вплоть до свойственной индоевропейским диалектам. На это может указывать славянское продолжение того же индоевропейского корня в виде основы русского глагола *-верзать*, с которым связаны в русском понятия «вязать, стягивать; отверзать» и т. д. и древнерусского *вързати* ‘вязать, плести’ [Фасмер I, 298].

Кроме того, представляется, что для носителей праиранских диалектов — кочевников-скотоводов — такие действия и понятия, как «плести, вязать» и даже «натягивать основу для тканья», — были более естественными, чем относительно поздний культурный термин «обрабатывать землю».

Любопытно, что иранские этимологии допускают и поздние типологические совпадения с другими индоевропейскими языками, включая славянские. Одно из них связано с данным корнем. Хорезмийское **kw’žk* (мн. число *kw’žc*) ‘шутка’ [Benz. Chwar. Wort.: 366], которое фонетически и семантически может быть возведено к **k- vā/ arza*, от основы *warža-*, которую Й. Бенцинг переводит как «performance». Слово этимологически соответствует рус. *каверза*, диал. *коверза*, ср. рус. *-верзать*, др.-рус. *вързати* ‘вязать, плести’ — с семантическим переходом *плести* — *лгать* [Фасмер II: 153]. Об этимологическом совпадении в образовании этих слов см. подробнее [Эд. Хор. яз. ОИЯ: 59].

При этом нельзя исключить, что данное совпадение может свидетельствовать и о наличии элементов «плести, вязать» в общей семантике праиранского корня **ǰarž-*.

Наличие этих семантических элементов у данного праиранского корня — показатель еще одного звена в системе славяно-иранских изоглосс.

Литература

Аб. ИЭСОЯ IV — Абаев В. И. *Историко-этимологический словарь осетинского языка*. Т. IV. Ленинград, 1989.

Асланов ПРС — Асланов М. Г. *Пушту-русский словарь*. Изд. 2-е. Москва, 1985.

Гр. Мундж. — Грюнберг А. Л. *Языки Восточного Гиндукуша. Мунджанский язык (тексты, словарь, грамматический очерк)*. Ленинград, 1972.

Раст. СИГЗЯ-Ф — Расторгуева В. С. *Сравнительно-историческая грамматика западноиранских языков. Фонология*. Москва, 1990.

Ст-К. ЭСВЯ — Стеблин-Каменский И. М. *Этимологический словарь ваханского языка*. Санкт-Петербург, 1999.

Фасмер I; Фасмер II — Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка*. Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. Т. I–IV. Москва, 1964–1973.

Цаб. ЭСКЯ I — Цаболов Р. Л. *Этимологический словарь курдского языка*. Т. I (А-М). Москва, 2001.

Эд. Хор. яз. ОИЯ — Эдельман Д. И. *Хорезмийский язык. Основы иранского языкознания. Среднеиранские и новоиранские языки*. Москва, 2008.

Barth. AiW — Bartholomae Chr. *Altiranisches Wörterbuch*. Strassburg, 1904 (repr.: Berlin–New York, 1979).

Benz. Chwar. Wort. — Benzing J. *Chwarezmische Wortindex*. Wiesbaden, 1983.

Ch. EDIV — Cheung J. *Etymological Dictionary of the Iranian Verb*. Leiden, Boston, 2007.

D-M DMMPP — Durkin-Meisterernst D. *Dictionary of Manichaean Middle Persian and Parthian*. Turnhout, 2004.

Gharib Sogd. Dict. — Gharib B. *Sogdian Dictionary. Sogdian-Persian-English*. Tehran, 1995.

Hinz 1975 — Hinz W. *Altiranisches Sprachgut den Nebenüberlieferungen*. Wiesbaden, 1975.

Kent OP — Kent R. G. *Old Persian* (Grammar, Texts, Lexicon). New Haven, 1950 (2nd ed., 1953).

MacK. CPD — MacKenzie D. N. *A concise Pahlavi Dictionary*. Oxford University Press, 1971.

Morg. IIFL II — Morgenstierne G. *Indo-Iranian Frontier Languages*. Vol. II. *Iranian Pamir languages: Yidgha-Munji, Sanglechi-Ishkashmi and Wakhi*. Oslo, 1938.

Morg. EVSh — Morgenstierne G. *Etymological Vocabulary of the Shughni Group*. Wiesbaden, 1974.

Morg. NEVP — Morgenstierne G. *A New Etymological Vocabulary of Pashto* (Compiled and Edited by J. Elfenbein, D. N. MacKenzie and N. Sims-Williams). Wiesbaden, 2003.

Pok. IEW — Pokorny J. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Bern, 1959.

Sam. Chwar. Verb. — Samadi M. *Das chwaresmische Verbum*. Wiesbaden, 1986.

S-W Bactr. Glossary — Sims-Williams N. *Bactrian Documents from Northern Afghanistan*. 7. Glossary (электронная версия).

References

Abaev V. I. *Istoriko-etimologicheskii slovar' osetinskogo yazyka* [Historical and etymological dictionary of the Ossetian language]. T. IV. Leningrad, 1989. (In Russ.)

Aslanov M. G. *Pushtu-russkii slovar'* [Pashto-Russian dictionary]. Izd. 2-ye. Moskva, 1985. (In Russ.)

Bartholomae Chr. *Altiranisches Wörterbuch*. Strassburg, 1904 (repr.: Berlin–New York: Walter de Gruyter, 1979). Benzing J. *Chwaresmische Wortindex*. Wiesbaden, 1983.

Cheung J. *Etymological Dictionary of the Iranian Verb*. Leiden, Boston, 2007.

Durkin-Meisterernst D. *Dictionary of Manichaean Middle Persian and Parthian*. Turnhout, 2004.

Edel'man D. I. *Khorezmiyskii yazyk* [Khorezmian language]. *Osnovy iranskogo yazykoznaniiya. Sredneiranskiye i novo-iranskiye yazyki*. Moskva, 2008. (In Russ.)

Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. Per. s nem. i dop. O. N. Trubacheva. T I-IV. Moskva, 1964–1973.

Gharib B. *Sogdian Dictionary. Sogdian-Persian-English*. Tehran, 1995.

Gryunberg A. L. *Yazyki Vostochnogo Gindukusha. Mundzhan-skiy yazyk (teksty, slovar', grammaticheskiy ocherk)* [Languages of the Eastern Hindu Kush. Munjan language (texts, dictionary, grammar sketch)]. Leningrad, 1972. (In Russ.)

Hinz W. *Altiranisches Sprachgut den Nebenüberlieferungen*. Wiesbaden, 1975.

Kent R. G. *Old Persian (Grammar, Texts, Lexicon)*. New Haven, 1950 (2nd ed., 1953).

MacKenzie D. N. *A concise Pahlavi Dictionary*. Oxford University Press, 1971.

Morgenstierne G. *Indo-Iranian Frontier Languages*. Vol. II. *Iranian Pamir languages: Yidgha-Munji, Sanglechchi-Ishkashmi and Wakhi*. Oslo. 1938.

Morgenstierne G. *Etymological Vocabulary of the Shughni Group*. Wiesbaden, 1974.

Morgenstierne G. *A New Etymological Vocabulary of Pash-to* (Compiled and Edited by J. Elfenbein, D. N. MacKenzie and N. Sims-Williams). Wiesbaden, 2003.

Pokorny J. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Bern, 1959.

Rastorgueva V. S. *Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika zapadno- iranskikh yazykov. Fonologiya* [Comparative-historical grammar of Western Iranian languages. Phonology]. Moskva, 1990. (In Russ.)

Samadi M. *Das chwaresmische Verbum*. Wiesbaden, 1986.

Steblyn-Kamenskiy I. M. *Etimologicheskii slovar' vakhanskogo yazyka* [Etymological dictionary of the Wakhi language]. Sankt-Peterburg, 1999. (In Russ.)

Sims-Williams N. *Bactrian Documents from Northern Afghanistan*. 7. Glossary (electronic version).

Tsabolov R. L. *Etimologicheskii slovar' kurdsкого yazyka* [Etymological dictionary of the Kurdish language]. T. I (A-M). Moskva, 2001. (In Russ.)

Языковая ситуация у татышлинских удмуртов: наблюдения экспедиций ОТиПЛа МГУ

Егор Владимирович Кашкин

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Москва, Россия

egorka1988@gmail.com

Мария Эмилия Александровна Винклер

Институт языкознания РАН

Москва, Россия

maria.emilia.winkler@gmail.com

В статье обсуждается социолингвистическая ситуация, характеризующая татышлинский говор периферийно-южного диалекта южного наречия удмуртского языка, преимущественно распространенный в Татышлинском районе Республики Башкортостан. Данные собраны методом анкетирования носителей в рамках экспедиций Отделения теоретической и прикладной лингвистики (ОТиПЛ) филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова в 2019–2023 гг. Также использованы материалы корпуса устных текстов, записанных и расшифрованных в ходе экспедиций. Приводится базовая информация о населении Татышлинского района и об опрошенных носителях говора (возрастные группы, уровни образования, род занятий, миграция внутри района). Систематизированы данные о сферах использования татышлинского говора с учетом поколенческого фактора. Обсуждаются случаи перехода на русский язык, в т. ч. усиление роли последнего в младшем поколении. Проанализирована роль литературного удмуртского языка в сообществе (использование литературных элементов в речи на татышлинском говоре, выбор идиома в общении с удмуртами из других районов, вопросы образования). Отмечены особенности ситуации языкового контакта с носителями тюркских идиомов (владение башкирским и татарским языками в удмуртском сообществе, ситуации общения с представителями тюркских народов). Характеризуется практическая

деятельность, направленная на сохранение удмуртского языка в сообществе.

Ключевые слова: удмуртский язык, татарский язык, башкирский язык, русский язык, татышлинский говор, сферы использования языка, языковые контакты, практическая деятельность

Для цитирования: Кашкин Е. В., Винклер М.-Э. А. Языковая ситуация у татышлинских удмуртов: наблюдения экспедиций ОТиПЛа МГУ. *Родной язык*, 2024, 1: 16–43.

DOI: 10.37892/2313-5816-2024-1-16-43

The Tatyshly Udmurt language situation: Evidence from recent fieldwork

Egor Kashkin

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
egorka1988@gmail.com

Maria Emilia Winkler

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences,
maria.emilia.winkler@gmail.com

The present article deals with the sociolinguistics of a subdialect of the Udmurt language spoken primarily in the Tatyshly district of Bashkortostan (Russia). The data was collected via questionnaires filled out by native speakers during fieldwork by the linguistics department of Moscow State University in 2019-2023. Data from a corpus of oral texts that was recorded and transcribed during the fieldwork is included as well. After briefly outlining the population dynamics in the Tatyshly district and our sample of native speakers, we discuss the domains in which Tatyshly Udmurt is used (taking into account variation across generations), code-switching to Russian (especially involving the younger generation), the role of Standard Udmurt in the community (interference between Tatyshly Udmurt and Standard Udmurt, communication with speakers from other areas, education), and language contact with Turkic varieties (knowledge of Bashkir and Tatar among the Udmurt community, communication with Turkic-speaking people). Practical activities aimed at Udmurt language maintenance are also outlined.

Keywords: Udmurt language, Tatar language, Bashkir language, Russian language, Tatyshly Udmurt, domains of language use, language contact, language maintenance

For citation: Kashkin E., Winkler M. E. The Tatyshly Udmurt language situation: Evidence from recent fieldwork. *Rodnoy yazyk*, 2024, 1: 16–43.

DOI: 10.37892/2313-5816-2024-1-16-43

1. Введение

В статье рассматривается социолингвистическая ситуация, в которой находится татышлинский говор периферийно-южного диалекта южного наречия удмуртского языка (о диалектной классификации см. [Кельмаков 1998: 41–43]). Его носители компактно проживают на территории Татышлинского и Балтачевского районов Республики Башкортостан, а также Куединского района Пермского края, см. [Baidoullina 2003: 6]. Ареал, обсуждаемый в данной статье, ограничен Татышлинским районом.

Изучение татышлинского говора представляет интерес в силу его сложной истории и контактных процессов. Переселение его носителей (включаемых в более широкую группу закамских удмуртов) с современной территории Удмуртии происходило с XVI по XVIII–XIX вв. (см. историческую справку в [Христолюбова, Миннихметова 1994: 3–4; Атаманов 2005: 115–132; Садиков 2016: 86–87, 97–99; Toulouze, Anisimov 2020: 32–39]). В результате татышлинский говор долгое время развивался обособленно от основного массива удмуртских говоров, по сей день испытывая существенное влияние контактных тюркских идиомов — татарских и башкирских говоров.

Официальные данные о национальном составе населения Татышлинского района доступны в Таблице 1.

Таблица 1

Национальный состав населения Татышлинского района (по итогам Всероссийской переписи населения 2010 г.) [Шайхисламов и др. (ред.) 2020: 513]

Национальность	Количество человек
Все население	25159
Башкиры	15114
Удмурты	5399
Татары	3754
Русские	467
Марийцы	316
Представители остальных национальностей и лица, не указавшие национальную принадлежность	109

В удмуртском языкознании татышлинский говор исследован не слишком подробно. Его наиболее детальное лингвистическое описание доступно в [Baidoullina 2003]. Языковая ситуация и деятельность, направленная на сохранение родного языка, наиболее подробно освещались в [Toulouze 2013; Шайхисламов и др. (ред.) 2020; Садиков 2023]. Наши данные сопоставляются со сведениями из указанных работ в основном тексте статьи.

Материал для статьи собран в экспедициях ОТиПЛа МГУ, проводящихся в Татышлинском районе с 2019 г. по настоящее время. Участники экспедиций работали преимущественно в с. Нижнебалтачево, д. Старый Кызыл-Яр, д. Ивановка, с. Новые Татышлы, с. Старокальмиярово, также посетили д. Арибаш, д. Бигинеево, д. Верхнебалтачево, с. Уразгильды. Основной целью экспедиций является изучение грамматики и лексики татышлинского говора (см. доклады и публикации на сайте проекта: <https://tatyshly-udmurt.tilda.ws/>). С целью адекватной интерпретации данных проводилось социолингвистическое анкетирование инфор-

мантов (всего 80 носителей говора). Сплошного социолингвистического анкетирования в посещенных деревнях и селах не организовывалось. Анкета включала вопросы:

- о годе и месте рождения информанта;
- о местах, где он жил и учился в детстве;
- о последующих местах жительства, в т. ч. о длительных выездах за пределы района;
- об уровне образования и специальности;
- о сфере деятельности на момент опроса и в течение жизни (в т. ч. до выхода на пенсию);
- о владении языками и активности использования русского, литературного удмуртского, башкирского, татарского, других языков (что касается татышлинского удмуртского, то для работы с экспедицией изначально подбирались свободно владеющие им люди, которые активно пользуются им в повседневной жизни);
- о национальности и местах рождения родителей, бабушек и дедушек;
- о семейном положении, национальности и месте рождения супруга/супруги;
- о том, какие языки информант использует в общении с родственниками различных поколений, на работе, в магазине, в повседневном общении с другими жителями села, в других релевантных для него жизненных ситуациях;
- о том, какие языки информант использует в общении с представителями других национальностей;
- о том, знакомится ли информант с текстами и различным медиаконтентом на удмуртском языке (книги, пресса, интернет-ресурсы и др.);
- выборочно были заданы вопросы о том, на каком языке носитель думает, видит сны и обращается к домашним животным, поскольку это коррелирует с уровнем владения языком и частотой использования языка в повседневной жизни;
- информант мог добавить на свое усмотрение любые другие сведения, касающиеся его языковой биографии,

либо не ответить на те или иные вопросы (например, не помнить, где родился его дедушка по отцу, или не делиться подробностями о семейной ситуации).

Поскольку участники экспедиций работали со значительным количеством носителей, и часть из них контактировала с коллективом постоянно, а часть — только один или два раза, подробность социолингвистического анкетирования различалась в зависимости от носителя: с некоторыми из них отдельные вопросы могли пропускаться или обсуждаться лишь кратко. Анкеты собирались большинством участников экспедиции. Разработка анкет, координация их сбора, обобщение и анализ результатов проводились авторами статьи.

Помимо анкет, в статье учитываются материалы экспедиционного корпуса текстов на татышлинском удмуртском (см. <http://udmurt.web-corpora.net/tatyshly/index.html>). В основном он включает устные тексты, которые были расшифрованы при участии носителей языка. Тексты относятся к различным жанрам и посвящены широкому набору тем. Некоторые из них содержат информацию, релевантную для описания социолингвистической ситуации. Избранные выдержки из текстов приводятся по ходу статьи (при них приводится название текста в корпусе, удмуртский оригинал записан в фонологической транскрипции). В силу того что объем статьи ограничен и ее основное содержание не касается вопросов грамматики, глоссированные примеры опущено (оно доступно в корпусе по ссылке выше).

Дальнейший текст статьи имеет следующую структуру. В разделе 2 приводится базовая информация об опрошенных нами носителях (возрастные категории, уровни образования, род занятий, переезды внутри района и др.). В разделе 3 охарактеризованы сферы использования татышлинского говора и его конкуренция с другими идиомами. Раздел 4 посвящен некоторым различиям татышлинского говора и литературного удмуртского языка и связанным с ними особенностям языковой ситуации. В раз-

деле 5 освещается использование контактных тюркских языков в исследуемом удмуртском сообществе. В разделе 6 описаны текущие практики сохранения татышлинского говора. Раздел 7 содержит итоги исследования.

2. Базовая информация об опрошенных носителях

В ходе исследования было опрошено 80 носителей говора (68 женщин и 12 мужчин). Количество респондентов, рожденных в каждом десятилетии, представлено в Таблице 2. Их средний возраст составляет приблизительно 55 лет.

Таблица 2

Распределение опрошенных носителей по годам рождения

Десятилетие	Количество носителей
1930-е	1 чел.
1940-е	3 чел.
1950-е	18 чел.
1960-е	26 чел.
1970-е	21 чел.
1980-е	5 чел.
1990-е	2 чел.
2000-е	4 чел.

Распределение по уровню образования выглядит следующим: 13 человек имеют основное (неполное) общее / среднее общее образование, 33 — средне-специальное образование (среди них 3 человека с неоконченным средне-специальным образованием), высшее образование есть у 31 респондента (среди них 1 человек с неоконченным выс-

шим, 1 человек с ученой степенью, а также 16 человек, получивших высшее филологическое образование).

Наибольшее количество опрошенных носителей (30 чел.) имеет опыт работы в сфере школьного образования. Значительное количество респондентов занято в сфере культуры и искусства (12 чел.). Многочисленны группы носителей, имеющих опыт работы в сфере дошкольного воспитания (10 чел.), сельского хозяйства (10 чел.) и в библиотечной сфере (7 чел.). 10 респондентов имеют опыт работы более чем в одной сфере.

В ходе изучения татышлинского говора участники экспедиций нередко отмечают значительную вариативность в суждениях носителей, однако найти однозначную корреляцию ответов с местом рождения или местом проживания информанта редко представляется возможным. Дело в том, что различные локальные варианты татышлинского говора находятся в постоянном тесном контакте: так, только 12 опрошенных носителей отметили, что проживают в месте своего рождения (или ближайшем населенном пункте, ср. Старый Кызыл-Яр и Ивановка; Старокальмиярово и Петропавловка), при этом оба родителя, бабушки и дедушки родились в том же населенном пункте. Ровно половина респондентов (40 человек) меняли место жительства (чаще всего — внутри Татышлинского района). У 21 респондента среди ближайших предков двое и более человек (например, мать и бабушка по отцовской линии / обе бабушки / мать, бабушка по материнской линии и дедушка по отцовской линии и т. д.) меняли место жительства, чаще всего также внутри Татышлинского района. Обычно смена места жительства связана с изменением семейного положения, причем переезжают женщины. Только 10 респондентов эксплицитно отмечают случаи смены места жительства отца, деда или супруга.

Устойчивая связь различных локальных вариантов татышлинского говора обеспечивается и за счет большого количества совместных мероприятий.

3. Сферы использования языка

В данном разделе мы обсудим использование удмуртского языка в различных ситуациях и сферах жизни, рассмотрим параметры, которые способны повлиять на выбор языка, а также коснемся вопроса языковых идеологий. В целом использование удмуртского языка в исследованном сообществе преобладает (см. также иллюстрации в [Toulouze 2013: 3–5]), однако фиксируются и альтернативные модели в общении с младшими поколениями и в межнациональной коммуникации.

Одним из значимых аспектов для оценки языковой ситуации является язык общения в семье и межпоколенческая передача языка. Все опрошенные носители, включая родившихся в 2000-е гг., используют удмуртский язык в общении со старшими родственниками (родителями, бабушками и дедушками). При этом у носителей конца 1970-х г. р. и младше встречаются ответы, что в общении с родителями может использоваться и русский язык (хотя удмуртский в любом случае преобладает). Старшее поколение носителей (вплоть до 1950-х г. р.), напротив, отмечает низкий уровень владения русским языком своих родителей (1920-е г. р.).

Доля использования удмуртского языка с родственниками одного поколения, а также с младшими родственниками различается, поскольку выбор языка общения в этом случае зависит от ряда параметров. Так, многие респонденты в общении со своими детьми используют удмуртский язык, однако есть носители, использующие как удмуртский, так и русский язык в этом типе внутрисемейного общения. Переход на русский в общении с детьми наиболее заметен по ответам информантов начиная с 1970-х г. р. Большая часть представителей данного поколения отмечает, что общается со своими детьми как на удмуртском, так и на русском, однако есть и те, кто ответил, что использует либо только русский, либо только удмуртский.

Некоторые носители, использующие удмуртский язык в общении со своими детьми, обозначили ситуации, в ко-

торых они переходят с ними на русский язык: это присутствие представителей других национальностей и/или младших родственников, не знающих удмуртского языка.

Все респонденты, включая представителей младшей возрастной категории, отмечают, что используют удмуртский язык в коммуникации с собеседниками своего поколения. В общении с супругами большинство респондентов использует удмуртский язык.

Следующий этап изменений в языковом поведении происходит у представителей сообщества 2010-х г.р. Носители, родившиеся в 2000-е гг., отмечают, что общаются с младшими братьями и сестрами, родившимися в том же десятилетии, на удмуртском языке, в то время как в общении с собеседниками 2010-х г.р. используют преимущественно русский язык. По словам одного из респондентов, старшие дети (1990-е г.р.) в коммуникации со сверстниками используют удмуртский язык, в то время как младшие (конец 2000-х г.р.) общаются со сверстниками на русском (в семье же языком общения является удмуртский). Респонденты 1960-х г.р. отмечают, что младшие внуки знают удмуртский язык хуже, чем старшие, или владеют лишь пассивно (в том числе, судя по ответам опрошенных носителей, видна разница по среднему уровню владения между теми, кто родился в начале и в конце 2010-х). Также отмечаются случаи, когда родители целенаправленно говорят с детьми 2010-х и 2020-х годов рождения только на русском языке. В случае детей 2010-х г.р. может возникать и «прайминг», когда они обращаются к родителям по-русски и родители автоматически отвечают им на русском языке, несмотря на то что основным языком общения в семье является удмуртский. Возрастающая роль русского языка среди младших поколений детей ощущается и в самом сообществе, ср. рассказ жительницы д. Верхнебалтачево об общении с внуком (первый отрывок далее) и мнение об этой проблеме жительницы с. Новые Татышлы (второй отрывок):

udmurt s'äin woobuče ug veräs'kâ. udmurt s'äin veres'kânâ kutskis'kom val. kutskis'kom ke... Вы опять на английском разговариваете, šüe so mil'am. angl'i s'äin veres'kis'kom. Удмуртский, как английский sooslâ tin'i 'По-удмуртски вообще не говорит. Начинали говорить по-удмуртски. Если начинаем... Вы опять на английском разговариваете, говорит он у нас. По-английски говорим. Удмуртский, как английский для них вот'. [ATN_GAG-010822_MW_dialog-o-zhizni]

i gurtamâ mil'am ulo pörtem äd'amijos, pörtem nacijen: udmurtjos van', tatarjos, bigerjos van', ž'uč'jos van'. školajamâ pinaljos mâno so... soin, naverno... dugdâtid ke pinalez, soos veralo...tânâd bûgato veranâ baškârt s'äin no, u'mort s'äin no, ž'ús' s'äin no. То есть tros dârjakâ mil'am u'mort pinal'losmâ... baškârt s'äin no todo, u'mort s'äin no todo, ž'ús' s'äin no todo. no tän'i al'i däre malâ ke no mil'am pinaljomsâ ž'uč'omânâ kutis'kizâ, ž'uč' s'äinges veras'ko. so s'ulemez šug kare, kon'ešno. 'В нашем селе живут разные люди, разных национальностей: удмурты есть, татары есть, русские есть. И в школе дети идут поэтому, наверно... Если остановишь ученика, они говорят... Они тебе смогут ответить и на башкирском, и на удмуртском, и на русском языке. То есть наши удмуртские дети в большинстве случаев... и башкирский знают, и удмуртский знают, и русский знают. Но вот в последнее время наши дети почему-то начинают русеть, говорят больше по-русски. Это, конечно, нас беспокоит'. [SIM_05072019_EK_NTatyshly]

В некоторых семьях переход внуков на русский язык общения может вызывать некоторые неудобства в общении со старшим поколением, у которого основным используемым языком выступает удмуртский, ср. следующий отрывок из рассказа жительницы с. Новые Татышлы 1937 г.р.: *ž'ús' kâlez= ž'ús' kâlez tuž ôj todâ. ž'ús' kâlez tuž ôj todâ. ken= pije ken bas'tiz ž'ús'ez, so bere amân nâlpijosân dâšâli. vune inde, vune, so no vune kâzâr, vol'asa k= so nâlpijosân ule al'i. al'i pijos ž'ús' s'äin veres'ko ved'. Поневоле dâšod peres'mâsa. taše pijos kâzâr ž'ús' s'äin veres'ko. kâk ares pi ug= ug vaz' u'murt s'äin. ž'ús' s'äin. pijos, pijos ž'ús' s'äin. kot'*

nâl'los u'murt s'äin veres'ko. kün' pijos ž'üs' s'äin, kopak. aslam pilen pijosâz 'Русский язык... русский язык особо не знала [в молодости]. Русский язык особо не знала. Сын взял русскую невесту, после этого более-менее с детьми научилась. **Забывается уже, забывается, и это забывается сейчас, совершенствуется с детьми сейчас. Сейчас дети по-русски разговаривают ведь. Поневоле выучишь на старости лет.** Такие [маленькие] дети теперь на русском разговаривают. Двухлетний мальчик не отзывается по-удмуртски. По-русски. Ребята, ребята по-русски. Хоть девочки по-удмуртски разговаривают. Три парня по-русски, полностью. Сыновья моего сына'. [GMK-03082021_VI_2_igry]

Мы выявили несколько установок, связанных с выбором языка общения. Во-первых, русский язык часто используется для общения с представителями другой национальности, например в райцентре (с. Верхние Татышлы). В этом случае он конкурирует с татарским языком, см. подробнее раздел 5.

Во-вторых, ряд носителей указывает на использование русского языка в общении с родственниками, переселившимися за пределы Татышлинского района. Носители различного возраста (как 1940-х, так и 1970-х г. р.) отмечают, что используют русский язык в общении с братьями и сестрами, живущими в других регионах (во многих семьях, однако, сохраняется и использование удмуртского языка). Также русский язык нередко используется в общении с младшими родственниками (в первую очередь с внуками), живущими вне Татышлинского района: в этом случае выбор русского языка может быть обусловлен возрастным фактором, на который накладывается и фактор того, что внуки находятся вне языкового сообщества.

Многие респонденты, работающие или работавшие ранее в школе, отмечают, что языком общения между коллегами является удмуртский, в то время как значительно преобладающий язык общения между учителями и учащимися — русский. Некоторые респонденты связывают это с общей установкой на высокое владение русским языком

у учащихся. При этом часть учителей отмечает, что и вне школы они используют русский язык с детьми школьного возраста, вне зависимости от возраста и уровня владения языком у детей. Другие учителя, напротив, делятся впечатлениями, что раньше школьники знали удмуртский язык лучше, чем русский, и тогда приходилось использовать русский язык в обучающих целях, в то время как сейчас наблюдается обратная ситуация, и они стараются использовать удмуртский.

Практически все опрошенные носители говорят по-удмуртски в повседневном общении в селе/деревне, где проживают: с соседями, в магазине, на работе. Однако существует ряд исключений. Во-первых, удмуртский язык обычно не используется в общении с представителями других национальностей (см. также раздел 5). Многие отмечали использование русского в общении с конкретным продавцом в магазине, а также русского и татарского для общения с некоторыми коллегами — не удмуртами. Кроме того, русский язык может использоваться в более официальном регистре общения: с начальством или на педсоветах.

Для более детального понимания языковой ситуации были использованы элементы глубинного интервью на более узкой выборке (11 человек). Носителям выборочно были заданы вопросы о том, на каком языке они думают, видят сны и обращаются к домашним животным.

Большинство носителей отмечает, что думает только или преимущественно на удмуртском (за исключением одного носителя из д. Арибаш). Несколько носителей называет следующие ситуации, в которых они думают на русском языке:

- перед тем как сказать что-нибудь по-русски;
- продумывая поздравления и пожелания;
- мысленно беседуя с конкретными людьми, в общении с которыми в жизни используется русский.

Часть носителей утверждает, что видит сны исключительно на удмуртском. Некоторым носителям, однако, сны снятся как на удмуртском, так и на русском.

При обращении к домашним животным большинство носителей используют удмуртский язык. Существующие языковые установки, относящиеся к людям, оказываются применимы и к коммуникации с животными:

- Один носитель отмечает, что раньше обращался к животным исключительно на удмуртском, а сейчас — на русском.
- Один носитель обращается к животным только на удмуртском, поскольку «по-русски они не понимают».
- Один носитель обращается к большинству животных на удмуртском, но к коту, недавно привезенному из города, — на русском.

Также авторы статьи присутствовали при следующих ситуациях:

- Носитель обращается к лающей собаке по-удмуртски, однако, когда собака не прекращает лаять, переходит на русский.
- Носитель обращается к кошке по-татарски, поскольку кошка была взята у татар и «понимает только по-татарски».

4. Татышлинский говор и литературный удмуртский язык

Носители, с которыми мы работали, в целом владеют литературным удмуртским языком. Он долгое время преподается в школах Татышлинского района: о его изучении в школе нам сообщали как информанты 1955–1970 г. р., с которыми мы работали в большей степени, так и люди старшего поколения (эксплицитные упоминания есть в анкетах носителей 1937 и 1944 г. р.). До настоящего времени преподавание литературного удмуртского сохранено. Кроме того, жители района в той или иной мере знакомятся с контентом на литературном языке. Прежде всего это номера районной газеты «Ошмес»: в ее редакции действует установка на литературное нормирование (хотя заме-

тим, что языковые особенности ее текстов в сравнении с языком СМИ Удмуртии никогда специально не исследовались). Носители татышлинского говора также читают художественную литературу на удмуртском, материалы на удмуртском языке в интернете и смотрят различные видеоролики. Здесь следует оговорить, что поступление материалов из Удмуртии в Татышлинский район происходит в довольно скромном (и, на наш взгляд, в недостаточном) объеме: в районных библиотеках, которые мы посещали, значительно больше изданий на русском и на башкирском языках; по телевизионной сети удмуртские каналы не транслируются. В некоторой степени указанные обстоятельства, по-видимому, нивелируются благодаря развитию интернета.

В текстах из экспедиционного корпуса можно наблюдать вкрапления элементов литературного языка. Так, значение 'хороший'/'хорошо' выражается в татышлинском говоре тюркским заимствованием *äjbät* (64 вхождения в корпусе на момент подготовки статьи). В то же время в текстах встречается и литературный вариант *umoj* (16 вхождений). Интересно, что некоторые носители делятся размышлениями о соотношении этих вариантов по ходу рассказа, ср. *klasmä mil'am ukär uromjosä mänam tuž äjbätes' val. «äjbät» no «umoj» no, «äjbät» обычно используется у нас. umojes', äjbätes' val. 'Класс у нас и друзья у меня очень хорошие были. [Слова] äjbät и umoj, äjbät обычно используется у нас. Хорошие были' [GuOM-30072022_VO_osebe4]. Еще один пример такого рода — употребление послелогов *s'äin* (121 вхождение) и *s'amen* (11 вхождений) в некоторых сравнительных конструкциях и конструкциях образа действия, в частности для обозначения языка в контекстах типа 'говорить по-удмуртски'. Первый (и более частотный) из названных вариантов является диалектным, но встречается и второй (литературный) вариант. В области фонетики одной из хорошо осознаваемых самими носителями особенностей говора является употребление краткого гласного *ä* на месте литературного *i* (в ки-*

риллической орфографии *ы*). Эта закономерность в целом соблюдается в текстах, однако отмечается и произношение на литературный манер, ср. *koč'jšez* 'его кошка' (в татышлинском *koč'šez*), *liktimte* 'не пришел' (в татышлинском *lâktânte*), *nišaš* 'девочка' (в татышлинском *nâlaš*) и др.

Нельзя исключать, что употреблению литературных единиц способствует ситуация записи текста в присутствии приезжих исследователей, которая может невольно провоцировать у информантов желание выглядеть более грамотными. В то же время полностью сводить к этому использование литературных форм, по-видимому, не следует. Во-первых, те же самые носители (большинство из них работает с участниками экспедиций уже несколько лет) довольно часто сообщают при анкетировании, что какая-либо языковая черта характерна для литературного удмуртского, но не для татышлинского говора, и последовательно порождают именно татышлинские варианты при направленном опросе. То же верно и для спонтанных текстов, как можно судить в т. ч. по представленным примерам со статистикой. Во-вторых, включение литературных элементов в речь носителей татышлинского говора не всегда последовательно. Так, использование на литературный манер *j* вместо *š* может сочетаться в пределах не только одного текста или предложения, но и одной словоформы с сохранением других особенностей татышлинского говора, см., например, словоформы *kjše* 'какой' (в литературном удмуртском *kyše*) и *pjšatini* 'пропитать, внедрить' (в литературном удмуртском *pyčatyny*), в которых носитель использует на литературный манер *j*, одновременно сохраняя типичную для татышлинского говора замену литературного твердого *č* (в орфографии *č*) на *š*.

Несмотря на общее знакомство с литературным удмуртским, носители татышлинского говора указывают на его существенные отличия от стандарта, что может приводить к коммуникативным затруднениям. В общении с носителями вариантов удмуртского языка, более близких к литературной норме, респонденты используют разные стра-

тегии. Большинство из тех, кто высказывался на эту тему, стараются переходить на литературный удмуртский (или на удмуртский говор собеседника, если таковой им знаком). Некоторые носители татышлинского говора отмечают, что жители Удмуртии не понимают их речь в полном объеме, поэтому при такой коммуникации они сознательно переключаются на литературный язык. Впрочем, использование татышлинского говора в коммуникации с удмуртами из других мест также возможно для части носителей. Отмечаются и случаи перехода на русский язык в тех ситуациях, когда собеседник не понимает сказанного на татышлинском говоре или когда респондент затрудняется в выражении мысли на литературном языке.

Многие жители Татышлинского района отмечают, что в литературном языке с течением времени появляется много незнакомых им новых слов (см. также [Цыпанов 2009: 202–204; Титова 2014] о неологизмах в удмуртском и в целом в пермских языках). Ярче всего эта проблема проявляется в сфере образования, когда компетентные носители татышлинского говора затрудняются помочь детям или внукам в подготовке домашнего задания по курсу родного языка. Среди конкретных примеров указывались слово со значением ‘флаг’ (раньше русское заимствование, а сейчас неологизм *кункышет*), термины из сферы государственного устройства (например, *элькун* ‘республика’), названия месяцев, названия нехарактерных для данной местности реалий (один из информантов вспомнил ситуацию, когда родители не могли подсказать детям, как будут по-удмуртски черепаха и обезьяна — в литературном словаре [Udmcopus] приводятся варианты *избака* и *маймыл* соответственно). По оценкам некоторых наших информантов, это осложняет изучение литературного удмуртского языка детьми и вызывает определенное отторжение к учебному предмету в семьях.

5. Татышлинский говор и тюркские языки

Как уже отмечалось выше, татышлинские удмурты находятся в долгом тесном контакте с тюркским населением региона (историческую справку и ссылки на литературу об этом см. раздел 1). См. также рассказ одного из жителей с. Нижнебалтачево (1947 г. р.): *än'i m̄nam pes'atajlen... n'il' suzerjos̄zlen odigez gine udmurtl̄a biz'em. k̄n'ez biz'il'l'am baškirl̄a no tatarjos̄l̄a, so berejaz̄a baškir-tatar š̄usa n'imalo* 'Вот у моего дедушки... Из четырех сестер только одна вышла замуж за удмурта. Трое вышли замуж за башкира и за татар, после этого их называют башкир-татар'. [ВНМ-31072021_DB_istorija-udm]

Контакты татышлинских удмуртов с соседними народами способствуют в т. ч. овладению их языками, что мы и обсудим далее.

Вопрос об идиомной принадлежности вариантов тюркских языков, распространенных в Татышлинском районе и на соседних территориях, является предметом дискуссии, ср., например, описание северо-западного диалекта башкирского языка [Миржанова 2006] и татарских говоров Башкортостана [Булатова 2021], а также обсуждение на 12-м заседании Дискуссионно-аналитического клуба по языковой политике в Институте языкознания РАН¹. Среди опрошенных нами носителей татышлинского удмуртского также встречается некоторая неуверенность в различении тюркских идиомов: некоторые из респондентов замечали, что не вполне понимают, владеют ли они татарским или башкирским говором, другие в целом указывали на значительное сходство татарского и башкирского языков и утверждали, что знают оба. В русском предложении *Мужчина заговорил со мной по-татарски*, использованном одним из авторов статьи в грамматической анкете, обозначение языка было переведено как *bašk̄art s'äin*. Большинство ре-

¹ См. https://iling-ran.ru/web/ru/workshops/211123_daclp (дата обращения: 08.10.2023), а также обзор в [Плеханова 2021].

спондентов, однако, различают татарский и башкирский языки довольно четко.

Опрошенные носители удмуртского вспоминали, что освоили татарский при общении с соседями, в детстве во время игр со сверстниками, в коммуникации с коллегами отца, работавшего в лесничестве вместе с татарами, и т. п. Башкирский язык широко распространен в Республике Башкортостан как язык титульной нации, жители Татышлинского района и региона в целом сталкиваются с ним в различных сферах; в частности, он преподается в школах как государственный или как родной язык (см. также [Михальченко (ред.) 2016: 79–84, 686–694], краткую справку о преподавании башкирского языка в Татышлинском районе см. в [Шайхисламов и др. (ред.) 2020: 31]). Заметим, что, согласно [Там же: 29], в советский период «в условиях отсутствия учебников и преподавателей башкирского языка шел перевод школ на татарский язык обучения в северо-западных районах Башкортостана, в т. ч. в деревнях с преобладающим башкирским населением».

По данным [ВПН 2020/2021], в Татышлинском районе русским языком владеют 4353 удмурта (3923 используют его в повседневной жизни); удмуртским языком — 4205 удмуртов (4088 используют его в повседневной жизни); татарским языком — 1842 удмурта (1114 используют его в повседневной жизни); башкирским языком — 1580 удмуртов (650 используют его в повседневной жизни) [ВПН 2020/2021]². Наши данные также свидетельствуют о том, что уровень и активность владения татарским языком среди татышлинских удмуртов несколько выше, чем башкирским. На факт активного владения татарским языком эксплицитно указали 37 опрошенных нами информантов. Кроме того, 22 человека пояснили, что понимают татарский, но не говорят

² Данные переписи [ВПН 2020/2021] об общем количестве представителей той или иной национальности в Татышлинском районе нам недоступны (в разрезе района имеются только материалы того раздела переписи, который касается владения языками). Сведения за 2010 г. представлены в разделе 1.

на нем. Еще 6 человек, по их словам, не владеют татарским. В свою очередь о владении башкирским сообщили 10 человек. Еще 13 человек понимают башкирский, но не говорят на нем. Не владеют башкирским (и сообщили об этом эксплицитно) 16 человек. Оговорим, однако, что мы ориентировались исключительно на собственные суждения информантов и не проводили с ними работы ни по татарскому, ни по башкирскому языку.

Ситуация общения с носителями татарского является для наших информантов, по их словам, более частой, чем ситуация общения с носителями башкирского. Языком межнационального общения обычно выступает татарский и/или русский. Представители местного татарского населения, по оценкам информантов, могут в той или иной мере владеть удмуртским языком (мы не проводили специальных опросов носителей татарского и не располагаем собственной статистикой по данному вопросу, опираясь здесь только на суждения носителей татышлинского удмуртского). В повседневном общении между удмуртами и татарами использование удмуртского языка в основном оценивается как нехарактерное. Это подтверждается и данными Всероссийской переписи населения: в Татышлинском районе русским языком владеют 1462 татарина (используют в повседневной жизни 1393), татарским языком — 1303 татарина (используют в повседневной жизни 1245), удмуртским языком — 102 татарина (используют в повседневной жизни 63) [ВПН 2020/2021].

В качестве развернутой иллюстрации распределения языков приведем рассказ одного из жителей с. Нижнебалтачево (1947 г. р.) о его языковой биографии: *mon= pokč'i dırjam= mil'am s'emja uliz... mil'am kız'okıs'ges rodn'amı dorın. <...> so tatarka s'ajin ve= tatar s'amen veres'ke val. mon no soın nâris'se veres'kânâ kuts'ki tatar kılın. anajen no atajen no tatar s'amen veres'kis'ko val. so bere korka äs'melâ žutâsa potem bere, s'emjaje o'č'â köc'em bere... mon tatar ô= s'emjajen mon udmurt s'amen gâne veres'ki, mon udmurt s'amen gâne veres'kis'ko val. tatar kâlez berlo kule lüz no mon soje tuž*

kapč'ijen gäne= dâšets'kâsa bas'ti. tatar s'amen mon veres'kis'ko... akcenttek. akcente mâna= akcente mânam tatar kâlân jevâl. tatarjos, mon ug tos'kâni dâr... ton tatarin, šuo, mone kot' kü ke no veres'kis'ko ke. al'i dirin, užakâ, mânâm kün' kâlen veres'kono kule lüz. malâ ke šuono *общее делопроизводство*, šuodin'i. so van'mâz no veres'ke i so= i sobran'ijosân kîtin, tatân ulizj bigerjos, udmurtjos, ž'üs'jos ulizj. sobran'ijosâz kot' kuno ž'üs' kâlân nuâsa mânâlis'kom val. zas'edan'ijos les'tâlis'kom val, sokâ= udmurt s'amen= šer veres'kis'= šer veres'kâlâs'kizâ. il'i so udmurt ke so u'ца, i udmurt s'ain veranâ kule ke, udmurt s'ain verasa kel'tis'kod. užakâ, jesi'i udmurten, udmurt s'ain veres'kis'kod, bigerez biger s'ain, ž'üs'enâz ž'uč' s'ain veres'kis'kom val 'Когда я был маленький, наша семья жила... У наших дальних родственников. <...> Они как татарка го... по-татарски разговаривали. Поэтому и я сначала заговорил на татарском. И с мамой, и с папой я разговаривал на татарском. Потом, построив себе дом, переехали, семья туда переехала... Я в татарской семье говорил только по-удмуртски, я говорил только по-удмуртски. Татарский язык потом мне понадобился, и я его очень легко выучил. Я говорю по-татарски... Без акцента. Мой акцент... У меня нет акцента по-татарски. Татары, я не знаю уж наверное... Ты татарин, говорят, каждый раз, когда я говорю. В наше время, на работе мне пришлось разговаривать на трех языках. Потому что общее дело-производство, скажем так. Это всё говорится на собраниях и в других местах, тут жили татары, удмурты, русские жили. Собрания всегда проводили на русском языке. Заседания проводили, тогда... на удмуртском... редко разговаривали. Или если человек удмурт, и надо что-то сказать на удмуртском, то скажешь на удмуртском. На работе, если с удмуртом, то говоришь на удмуртском, татарин — на татарском, с русским на русском разговаривали'. [ВНМ-05082021_TD_o_sebe2]

Мы не располагаем детальной информацией о факторах, влияющих на выбор татарского или русского языка при общении между удмуртами и татарами (в том случае,

когда носитель удмуртского в принципе владеет татарским). Отметим лишь упомянутую двумя респондентами практику общения на татарском с его пожилыми носителями и выбора русского языка в коммуникации с молодыми носителями. Сами респонденты воспринимают это как знак уважения к старшим. Одновременно многие из опрошенных носителей указывают на то, что представители старших поколений татышлинских удмуртов владеют (или владели) татарским лучше (так, жительница с. Новые Татышлы 1966 г. р. вспоминала, что ее родители хорошо знали татарский и говорили на нем между собой, если хотели что-то скрыть от детей). С течением времени, по-видимому, в межнациональном общении возросла роль русского языка.

6. Практики сохранения языка

В Татышлинском районе применяется ряд практик по поддержке удмуртского языка и культуры (см. их обзор также в [Садиков 2023]). Они официально поддерживаются на республиканском и районном уровнях. Действует Региональная общественная организация «Республиканский национально-культурный центр удмуртов Башкортостана» (многие представители ее актива проживают в Татышлинском районе) [Шайхисламов и др. (ред.) 2020: 443–444] и филиал ГБУ Дом дружбы народов Республики Башкортостан — Удмуртский историко-культурный центр (с. Новые Татышлы) [Там же: 444–445].

Силами этих организаций проводятся многочисленные мероприятия, направленные на сохранение и развитие удмуртского языка и культуры (традиционные праздники и обрядовые действия — см. также обзор в [Садиков 2016: 126–133], День удмуртского языка, концерты, фестивали, конкурсы). Участники нашего проекта посетили некоторые мероприятия: удмуртский язык не только выполняет там символическую функцию, но и активно используется. В селах и деревнях организованы отделения клуба уд-

муртских женщин «Эшгъяськон тугоко» («Венок дружбы»), координирующие проведение мероприятий на локальном уровне. Различные культурные мероприятия, в т. ч. связанные с удмуртской тематикой, проводятся на базе школ, сельских клубов и библиотек. Работает целый ряд удмуртских фольклорных коллективов, организующих выступления в Татышлинском районе и за его пределами. В 2021 г. многие члены удмуртского сообщества приняли участие во Всемирной фольклориаде, проходившей в Республике Башкортостан.

Представители удмуртских объединений оказывают активное содействие в организации этнографических (см. их обзор в [Тулуз 2020]) и лингвистических экспедиций в Татышлинский район. В Татышлинском районе издается газета удмуртов Башкортостана «Ошмес» («Родник»). Она популярна среди языкового сообщества, хотя использование в газете литературного языка может создавать некоторые затруднения для восприятия текстов (см. раздел 4).

Внимание на местном уровне уделяется и работе с детьми (хотя, с учетом изложенных выше обстоятельств, это направление нуждается в активизации, прежде всего в популяризации использования родного языка в семьях). Удмуртский язык, как уже говорилось выше, преподается в школах. Много лет функционирует детский летний лагерь «Усточикар» («Город мастеров»): дети из Республики Башкортостан и соседних регионов погружаются в нем в изучение национальной культуры, традиций и языка (именно удмуртский является основным языком общения в лагере) [Шайхисламов и др. (ред.) 2020: 452–453]. Схожее направление имеет детский клуб «РенБик», функционирующий с 2021 г. при Удмуртском историко-культурном центре. Для участников клуба организуются творческие занятия, они привлекаются к различным мероприятиям центра.

В ходе нашей экспедиции 2022 г. в с. Нижнебалтачево был проведен мастер-класс по составлению комиксов на родном языке по методике проекта «Финно-угорские коми-

ксы»³. В нем участвовала носитель языка 2003 г. р. родом из этого села. Такая работа вызвала у нее значительный интерес и в дальнейшем могла бы быть масштабирована.

7. Заключение

Языковая ситуация у татышлинских удмуртов характеризуется весьма активным использованием их родного говора в различных сферах. В то же время она становится многогранной за счет взаимодействия говора с русским языком, литературным удмуртским языком и контактными тюркскими языками (татарским и башкирским). Среди молодых представителей сообщества усиливается роль русского языка, что наиболее заметно при общении с детьми 2010-х г. р. Довольно активно используется русский язык и в сфере образования, а также в официальной коммуникации.

Литературный удмуртский язык в целом знаком носителям татышлинского говора, зачастую они переходят на него в общении с носителями удмуртского языка, проживающими на других территориях. В то же время в использовании литературного языка могут наблюдаться затруднения, приводящие к переходу на русский язык в такой ситуации. Сложности для носителей татышлинского говора создают и распространяющиеся в литературном языке неологизмы, что особенно заметно в сфере образования.

Многие представители сообщества в той или иной мере владеют татарским (в большей степени) и башкирским языками. Как наиболее частую ситуацию межнационального общения они оценивают коммуникацию с носителями татарского. В этом случае используются татарский и русский языки.

В Татышлинском районе активна практическая деятельность, направленная на поддержку удмуртского языка и культуры (в сфере общего и дополнительного образо-

³ См. сайт проекта www.finnougriccomics.com (дата обращения: 15.10.2023).

вания, культурных мероприятий, организации традиционных праздников и обрядов).

Литература

Атаманов 2005 — Атаманов М. Г. *От Дондыкара до Ур-сыгурта. Из истории удмуртских регионов*. Ижевск, 2005.

Булатова 2021 — Булатова М. Р. *Татарские говоры Башкортостана: ареальный аспект*. Казань, 2021.

ВПН 2020/2021 — Всероссийская перепись населения 2020/2021 года. Раздел 5. Национальный состав и владение языками. Таблица 5.38. Соотношение языков владения, повседневного использования и родных языков населения Российской Федерации по наиболее многочисленным национальностям.

Кельмаков 1998 — Кельмаков В. К. *Краткий курс удмуртской диалектологии: Введение. Фонетика. Морфология. Диалектные тексты. Библиография*. Ижевск, 1998.

Миржанова 2006 — Миржанова С. Ф. *Северо-западный диалект башкирского языка (формирование и современное состояние)*. Уфа, 2006.

Михальченко (ред.) 2016 — *Язык и общество. Энциклопедия*. Гл. ред. Михальченко В. Ю. Москва, 2016.

Плеханова 2021 — Плеханова А. И. Двенадцатое заседание Дискуссионно-аналитического клуба по языковой политике (Москва, Институт языкознания РАН, 23 ноября 2021 г.). *Социолингвистика*, 2021, 1: 127–134.

Садиков 2016 — Садиков Р. Р. *Финно-угорские народы Республики Башкортостан (история, культура, демография)*. Уфа, 2016.

Садиков 2023 — Садиков Р. Р. Этнокультурное развитие закамских удмуртов в XX–XXI вв. *Вордскем кыл*, 2023, 7: 39–44.

Титова 2014 — Титова О. В. О способах образования новых терминов в удмуртском языке. *Ежегодник финно-угорских исследований*, 2014, 1: 41–46.

Тулуз 2020 — Тулуз Е. Семь лет полевых работ у закамских удмуртов: коллективный опыт. *Историко-культурное наследие народов Урало-Поволжья*, 2020, 1: 53–63.

Христолюбова, Миннияхметова 1994 — Христолюбова Л. С., Миннияхметова Т. Г. *Удмурты Башкортостана (история, культура, современность)*. Уфа, 1994.

Цыпанов 2009 — Цыпанов Й. Перым кывъяслон талунья серпас. *The Quasquicentennial of the Finno-Ugrian Society*. Ed. by J. Ylikoski. Helsinki, 2009: 191–206.

Шайхисламов и др. (ред.) 2020 — *Татышлинская энциклопедия*. Гл. ред. Шайхисламов Ф. Р. Уфа, 2020.

Baidoullina 2003 — Baidoullina A. *Татышлинский говор удмуртского языка: фонетика и морфология*. Magistritöö. Tartu, 2003.

Toulouze 2013 — Toulouze E. La langue oudmourte dans la diaspora orientale: étude de cas. *Études finno-ougriennes*. 2013, 45. En ligne. URL: <http://journals.openedition.org/efo/1872>. Consulté le 12 octobre 2023.

Toulouze, Anisimov 2020 — Toulouze E., Anisimov N. An ethno-cultural portrait of a diaspora in Central Russia: the formation and culture of the Eastern Udmurt. *Folklore. Electronic Journal of Folklore*. 2020, 79: 31–58. Online publication. URL https://www.folklore.ee/folklore/vol79/toulouze_anisimov.pdf. Access date: 12.10.2023.

Udmcorpus — *Национальный корпус удмуртского языка*. URL: <https://udmcorpus.udman.ru/home>. Дата обращения: 10.10.2023.

References

Atamanov M. G. *Ot Dondykara do Ursyгурта. Iz istorii udmurtskikh regionov* [From Dondykar to Ursyгурt. From the history of the Udmurt regions]. Izhevsk, 2005. (In Russ.)

Baidoullina A. *Tatyshlinskiy govor udmurtskogo yazyka: fonetika i morfologiya* [Tatyshly subdialect of Udmurt: phonetics and morphology]. Magistritöö. Tartu, 2003. (In Russ.)

Bulatova M. R. *Tatarskiye govory Bashkortostana: areal'nyy aspekt* [Tatar subdialects of Bashkortostan: the areal aspect]. Kazan, 2021. (In Russ.)

Kel'makov V. K. *Kratkiy kurs udmurtskoy dialektologii: Vvedeniye. Fonetika. Morfologiya. Dialektnyye teksty. Bibliografiya*. [A short course in Udmurt dialectology: Introduction. Phonetics. Morphology. Dialectal texts. Bibliography.] Izhevsk, 1998. (In Russ.)

Khristolyubova L. S., Minniyakhmetova T. G. *Udmurty Bashkortostana (istoriya, kul'tura, sovremennost')* [Udmurt people of Bashkortostan: history, culture, modernity]. Ufa, 1994. (In Russ.)

Mikhal'chenko V. Yu. (ed.). *Yazyk i obshchestvo. Entsiklopediya*. [Language and society. Encyclopedia]. Editor-in-chief Mikhal'chenko V. Yu. Moscow, 2016. (In Russ.)

Mirzhanova S. F. *Severo-zapadnyy dialekt bashkirskogo yazyka (formirovaniye i sovremennoye sostoyaniye)* [The North-Western dialect of Bashkir (formation and current state)]. Ufa, 2006. (In Russ.)

Plekhanova A. I. Dvenadtsatoye zasedaniye Diskussionno-analiticheskogo kluba po yazykovoy politike (Moskva, Institut yazykoznaniya RAN, 23 noyabrya 2021 g.) [The 12th meeting of the Discussion and Analytical Club on Language Policy (Moscow, IL RAS, November 23, 2021)]. *Sociolingvistika*, 2021, 1: 127–134. (In Russ.)

Sadikov R. R. *Finno-ugorskiye narody Respubliki Bashkortostan (istoriya, kul'tura, demografiya)* [Finno-Ugric peoples of the Republic of Bashkortostan (history, culture, demography)]. Ufa, 2016. (In Russ.)

Sadikov R. R. *Etnokul'turnoye razvitiye zakamskikh udmurtov v XX–XXI vv.* [Ethnocultural development of the Eastern Udmurts in the 20th–21st centuries]. *Vordskem kyl*. 2023, 7: 39–44. (In Russ.)

Shaykhislamov F. R. (ed.). *Tatyshlinskaya entsiklopediya* [Tatyshly encyclopedia]. Editor-in-chief Shaykhislamov F. R. Ufa, 2020. (In Russ.)

Titova O. V. *O sposobakh obrazovaniya novykh terminov v udmurtskom yazyke* [On ways to form new terms in Udmurt]. *Yezhegodnik finno-ugorskikh issledovanij*. 2014, 1: 41–46. (In Russ.)

Toulouze E. Sem' let polevykh rabot u zakamskikh udmurtov: kollektivnyy opyt [Seven years of field work with the Eastern Udmurt: collective experience]. *Istoriko-kul'turnoe nasledie narodov Uralo-Povolzhja*. 2020, 1: 53–63. (In Russ.)

Tsypanov Y. Perym kyvyaslön talunya serpas [Today's picture of the Permic languages]. *The Quasquicentennial of the Finno-Ugrian Society*. Ed. by J. Ylikoski. Helsinki, 2009: 191–206. (In Komi)

Toulouze E. La langue oudmourte dans la diaspora orientale: étude de cas. *Études finno-ougriennes*. 2013, 45. En ligne. URL: <http://journals.openedition.org/efo/1872>. Consulté le 12 octobre 2023.

Toulouze E., Anisimov N. An ethno-cultural portrait of a diaspora in Central Russia: the formation and culture of the Eastern Udmurt. *Folklore. Electronic Journal of Folklore*. 2020, 79: 31–58. Online publication. URL https://www.folklore.ee/folklore/vol79/toulouze_anisimov.pdf. Access date: 12.10.2023.

VPN 2020/2021. Vserossiyskaya perepis' naseleniya 2020/2021 goda. Razdel 5. Natsional'nyy sostav i vladeniye yazykami. Tablitsa 5.38. Sootnosheniye yazykov vladeniya, povsednevnogo ispol'zovaniya i rodnikh yazykov naseleniya Rossiyskoy Federatsii po naiboleye mnogochislennym natsional'nostyam. [Census 2020/2021. Section 5. National composition and language proficiency. Table 5.38. Correlation of languages of proficiency, everyday use and native languages of the population of the Russian Federation by the most numerous nationalities]. (In Russ.)

Udmcorpus. *Natsional'nyy korpus udmurtskogo yazyka* [National corpus of Udmurt]. URL: <https://udmcorpus.udman.ru/home>. Access date: 10.10.2023. (In Russ.)

Взаимодействие семьи и детского сада при воспитании двуязычия: анализ практик

Наталья Михайловна Родина

*Московский педагогический государственный университет
Москва, Россия
nm.rodina@mpgu.su*

Екатерина Юрьевна Протасова

*Институт системно-деятельностной педагогики
Москва, Россия
ekaprot@mail.ru*

Билингвальное образование дошкольников представляет собой своеобразную методику обучения, направленную на развитие двуязычия с дошкольного возраста, когда дети еще находятся в фазе интенсивного языкового развития, позволяющего органично воспринимать и усваивать два языка. Потребность в таком обучении возникает в связи с различными установками и пожеланиями родителей. В рамках билингвального образования используется, в частности, метод погружения (иммерсии), когда дети окружены естественной языковой средой, в которой общение происходит на двух языках. Возможен транслингвальный подход (когда один язык частично объясняется через другой или когда разные ситуации требуют присутствия того или иного языка) или обучение на специально организованных занятиях. Важно, чтобы оба языка развивались параллельно и достаточно интенсивно. Существенно вовлечение родителей в процесс билингвального обучения. Иногда родители стремятся заполнить пробелы своего собственного детства, предоставляя своим детям возможность успешно освоить несколько языков. Некоторые родители готовы активно участвовать в обучении, в то время как другие испытывают затруднения в этом процессе. Родители могут поддерживать ребенка в изучении обоих языков в домашних условиях.

Ключевые слова: детское двуязычие, социокультурная среда, родительство, межкультурная коммуникация, развитие речи на двух языках, семейная языковая политика

Для цитирования: Родина Н. М., Протасова Е. Ю. Взаимодействие семьи и детского сада при воспитании двуязычия: анализ практик. *Родной язык*, 2024, 1: 44–69.

DOI: 10.37892/2313-5816-2024-1-44-69

Interaction between family and preschool in raising bilingual children: An analysis of various practices

Natalia Mikhailovna Rodina

*Moscow State Pedagogical University
Moscow, Russia
nm.rodina@mpgu.su*

Ekaterina Yurievna Protasova

*Institute of System-Activity Pedagogy
Moscow, Russia
ekaprot@mail.ru*

Bilingual education for preschoolers offers an interesting teaching methodology aimed at developing bilingualism from an early age. Preschoolers are still in the phase of intensive language development, which allows them to naturally absorb and acquire two languages. The need for such training arises in connection with various attitudes and wishes of parents. Within the framework of bilingual education, the immersion method is employed, wherein children are surrounded by a natural linguistic environment with communication occurring in both languages. A translanguaging approach is possible (when one language is partially explained through another or when different situations require the presence of one or another language) or training in specially organized classes. It is crucial that both languages develop in parallel and with sufficient intensity. The involvement of parents in the process of bilingual education is significant. Parents strive to fill the gaps from their own childhood by giving their children the

opportunity to successfully master multiple languages. Some parents are willing to actively participate in the education process, while others struggle with it. Parents can support their child in learning both languages in a home setting.

Keywords: child bilingualism, socio-cultural environment, parenthood, intercultural communication, speech development in two languages, family language policy

For citation: Rodina N. M. Protasova E. Yu. Interaction between family and preschool in raising bilingual children: An analysis of various practices. *Rodnoy yazyk*, 2024, 1: 44–69.

DOI: 10.37892/2313-5816-2024-1-44-69

1. Введение

Многоязычие проявляется по-разному и требует адекватного учета условий его формирования в образовательном процессе. Во-первых, современные семьи по-новому относятся к детскому возрасту, возлагая еще большие надежды на его значимость, чем раньше. Это заставило многих родителей-монолингвов требовать организации интенсивного или раннего обучения второму языку для своих детей [Meisel 2019]. Во-вторых, в местах проживания двуязычного населения возрастает роль билингвальных образовательных программ, а при наличии возможности — раннего обучения второму языку, поскольку придается огромное значение когнитивному и бикультурному развитию личности. В-третьих, количество иммигрантов в разных странах так велико, что элементарная осведомленность в вопросах двуязычного воспитания и обучения стала обязательной для всех преподавателей, потому что вряд ли есть классы, где не учились бы иностранцы или двуязычные дети (в России общеобразовательные классы посещают приезжие из Афганистана, Ирака, Сирии, Таджикистана и других стран, <https://etnosfera.ru>). В-четвертых, становится больше двуязычных семей, в которых с детьми говорят на разных языках родители или другие близкие ребенку люди [Brunn, Kehrein 2023].

В связи с усилением миграционных потоков и распространением мировых языков стало труднее сохранять так называемые малые языки, потому что их представители перестают проживать компактно, рассеиваются, в результате становится труднее общаться, овладевать грамотой, поддерживать культуру (например, как в случае коренных народов Сибири, см. <https://khakniiyali.ru>, <https://www.tspu.edu.ru/news/25502-kak-zasypayut-yazyki-i-ischezayut-narody-ili-o-deyatelnosti-kafedry-yazykov-narodov-sibiri-iiyams-tgpu.html>, Department of Siberian Indigenous Languages (tspu.edu.ru), ethnocentrs.ru, Общая информация — Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук (ysn.ru)). Когда приходят «чужаки», с ними стараются говорить не на своем, малом, языке, а на более распространенном языке-посреднике. В то же время есть все больше средств для изучения, сохранения и поддержки малых языков: Интернет, средства связи, цифровые материалы и прочие технические достижения человечества. Так, появились программы изучения коми, татарского, удмуртского и чувашского в Интернете (Как начать учить коми онлайн — Komi Daily, Центр онлайн-школы обучения татарскому языку «АНА ТЕЛЕ»\Институт Каюма Насыри - Казанский (Приволжский) федеральный университет (kpfu.ru), Главная (udsu.ru), <http://udmurt.info/udmurt/>, Курсы чувашского языка, обучающие курсы онлайн, Москва, записаться | Школа иностранных языков «Язык для Успеха» (language-school.ru)). Можно сожалеть о том, что выбор языков недостаточно разнообразен: хотелось бы, чтобы вся система преподавания родных, местных, государственных и иностранных языков с детства была продуманной и последовательной [Volker, Anderson 2015]. Современные дети так часто путешествуют и так много слышат вокруг себя языков, что неудивителен вопрос девочки, впервые оказавшейся в Турции и понявшей, что вокруг говорят как-то особенно: «А на этом языке я говорю?» Когда в школе дети учатся читать и писать, они осознают устройство языка и могут более системно изучать иные языки. До овладения

грамотой второй язык усваивается тем же способом, что и первый (родной) [Arnautetal 2017].

Роль родителя меняется: он больше, чем раньше, влияет на программу дошкольного учреждения, больше присутствует в детском саду, больше заинтересован в том, что происходит с его ребенком, и хочет знать о том, как проходит его день. Родители чаще общаются друг с другом, заводят группы в социальных сетях, больше информируют друг друга о методиках дошкольного воспитания. Вопросы, обсуждаемые между родителями, касаются в том числе и двуязычного речевого развития; на таких форумах родители обмениваются своим и чужим опытом, ссылками на книги экспертов, дают друг другу советы. Это касается как языков народов России, так и иностранных (www.trilingualchildren.com, Полезные ресурсы о детском билингвизме — 7 ответов | форум Babyblog, Мы готовы делиться опытом сохранения родных языков и культур | День республики | Дзен (dzen.ru), Официальный информационный интернет-портал АКМНС Республики Саха (Якутия) (yakutiakmns.org), <https://lingvo.kmnsouyuz.ru>). Хотя не все родители правильно понимают суть билингвального воспитания, в целом картина дается более объективная и подробная, чем раньше. Обучение дошкольников строится на факультативной основе, поэтому завоевать родителей на свою сторону очень важно, чтобы они не боялись двуязычного образования и понимали, чего им ждать от такого обучения. Соответственно, предваряющая беседа воспитателя или педагога-предметника должна учитывать установки родителей. Заботливая и эмоционально поддерживающая атмосфера помогает всем детям расти и развиваться наилучшим образом [Huertas-Abril, Gómez-Parra 2020].

Не все преподаватели языка знают, как носители языка обращаются к детям в тех или иных ситуациях, в определенные режимные моменты, и это большая проблема, например для тех, кто с детства не говорил по-башкирски или по-вепски, а учил язык только в школе. Есть материалы, которые помогают правильно построить свою речь,

но их явно недостаточно. Речь взрослого, обращенная к ребенку, обладает рядом особенностей. В этом плане действительно самим взрослым нужно смотреть много фильмов, читать много детских книг, чтобы знать, как разговаривать так, как принято в соответствующих обстоятельствах у носителей языка [Jernigan 2015]. Предлагается, в частности, выбирать повторяющиеся ситуации, общаться с ребенком на изучаемом языке, постепенно увеличивая количество поводов для общения. Такие записи повседневной речи, например на аварском, нивхском или хантыйском языке, особенно в домашнем общении, по типу сериала, позволяют тому, кто недостаточно хорошо знаком с языком, погрузиться в естественную речевую среду. Взрослые контролируют, какой язык звучит на фоне (работает радио или телевизор), какую задачу (поддержать домашний язык или язык окружения) они ставят перед ребенком, как часто дома бывают люди, не говорящие на семейном или втором языке. В Интернете можно посмотреть не только ролики с песенками и потешками, но и записи реального общения родителей с детьми в монолингвальных семьях с этим языком, обобщить коммуникативные формулы, перенести опыт других людей в свою жизнь [Vauckus, Kresin 2018].

В настоящей статье поставлена задача показать, что нового предлагается в отношении поддержки билингвизма на его ранней стадии.

2. Детский сад как особое место встречи языков и культур

Дошкольное учреждение с двуязычной направленностью часто становится объектом интереса со стороны других граждан, владеющих этим языком. Они хотят поддержать его финансово и материально, организовывать мероприятия на базе этого учреждения, устраивать в нем выставки художников, приглашать артистов, детских писателей и т. п. Такое наблюдалось, например, в Дагестане, Карелии, Марий Эл и Чечне. Культурное сообщество прояв-

ляет к такому месту интерес, что также способствует стабилизации положения детского сада в общеобразовательной системе. Волонтеров зовут на праздники, им пишут открытки, их приглашают на чай и кофе, о них говорят на сайте учреждения и их упоминают с благодарностью в своих речах руководитель учреждения и воспитатели групп на общих собраниях. Такие примеры можно найти на Алтае, в Бурятии и Кабардино-Балкарии. Многоязычные родители бывают активные и пассивные, осознающие свои корни и нет, готовые участвовать и манкирующие возможностями приобщения к делам дошкольной организации [Freireetal 2024]. В больших городах может быть организовано телефонное консультирование по вопросам образования на языке меньшинства и большинства, для чего готовят специалистов, а в маленьких поселениях хорошо знать нескольких проверенных добровольцев, которым можно поручить заботу о новичках. Некоторые действия в этом плане предпринимались в Калмыкии и Туве. Консультант должен быть хорошо осведомлен относительно потенциальной сети поддержки (к кому по какому вопросу обратиться, где искать вещи или книги, куда пойти с ребенком в выходные и т. п.). Воспитатели сообщают родителям, когда и по какому вопросу можно звонить консультантам [Schwartz, Palviainen 2019].

Отдельные родители ожидают усвоения нового языка за несколько месяцев и удивляются, если этого не происходит. Многие слышали, что второй язык в детстве усваивается легко, но не понимают, какие для этого нужны условия (для детей дошкольного возраста, например, полное погружение в иноязычную среду, отсутствие каких бы то ни было собеседников с родным языком в течение больших промежутков времени ежедневно). Такая позиция часто травмирует и детей, и воспитателей. Другие родители, сами изучавшие иностранный язык, возможно долго и не очень успешно, удивляются любым успехам ребенка и поддерживают его, как происходило при изучении языков народов Таймыра. В процессе обсуждений некоторые родители высказывают опасения, что форсирование изучения

языков может оказаться вредным для ребенка как в личностном, так и в речевом плане. Они не хотят, чтобы в детском саду применялся метод полного погружения. Другие считают, что влияние дома настолько сильно, что никакие смешения языков их детям не грозят. Отдельные родители рассматривают обучение иному языку на занятиях как удобный трамплин для последующего перевода ребенка в детский сад с полным погружением в иноязычную среду, например при переезде на постоянное место жительства в другую местность, где говорят на этом языке. Следует, правда, учитывать, что многие родители не сразу согласятся с тем, что смешивать языки нежелательно (но не следует считать себя виноватыми, если так происходит), что дети могут в общении, без письменных домашних заданий выучить какой-то язык (на дошкольном уровне) [Ruigendijk 2021]. Многие родители хотят, чтобы им показали учебник, по которому проводятся занятия, утвержденную программу. Есть родители, которые считают, что детский сад сам справится со всеми проблемами воспитания и образования детей, а дома ребенок может только смотреть мультфильмы и видеоблоги с игрушками. Это достаточно широко распространенные мнения, хотя не все родители открыто их высказывают. Обычно родителям рекомендуется искать «золотую середину»: не доводить дело изучения нового языка до психологической травмы, когда ребенку кажется, что его никто не понимает, он ничего не может сказать, он ни на что не годится. Не менее вредно и переусердствование при поддержке родного языка, отдаляющее ребенка от коллектива сверстников, отбирающее время на прогулки и чтение, когда языком и литературой занимаются из-под палки. Но и не следует пускать речевое развитие «на самотек», игнорируя особенности усвоения языков конкретной личностью [Протасова 2016, 2023].

В некоторых семьях родители вроде бы хотят, чтобы ребенок мог пользоваться обоими языками, а он все же сам говорит только на одном языке, хотя и понимает все на другом. Это может происходить в следующих случаях:

родители или кто-то из окружающих смеются над ошибками во втором языке, передразнивают несовершеннолетнюю речь; родители поощряют фактически речь ребенка только на престижном языке, а на успехи во втором не реагируют; родители уделяют недостаточно внимания ребенку; родители не начали с 2–3 лет обращать внимание ребенка на то, что и они, и он сам говорят на двух языках, что этими языками в разных ситуациях пользуются разные люди; родители говорят либо слишком сложно в начале, либо не занимаются постепенным усложнением своей речи; ребенку не интересно общаться с родителями [Levey, Polirstok 2011].

Желательно, чтобы сферы употребления обоих языков были разграничены. Не следует сводить все дело изучения языка к играм с карточками и заполнению тетрадей с заданиями, которых сейчас очень много. Если малыш уже научился справляться с какими-то из них, не стоит топтаться на месте и повторять те навыки, которые уже сформированы, лучше идти вперед. Упражнения должны быть посильными, в то же время требовать от ребенка выполнения каких-то заданий, приносящих удовлетворение от преодоления трудностей, но не сверхсложными. В этом плане собран уже большой опыт, например на Ямале и у манси. В обучении есть еще такая закономерность: главное — понять принцип и стратегию применения хода решения; если ребенок достигает понимания, необязательно решать все однотипные задачи; выйдя на новый уровень, он справится с предыдущим без большого труда. Можно объяснить, что быстрее выучивает новый язык обычно тот, кто готов к этому морально; знает, что второй язык ему понадобится надолго; кому неприятно чувствовать, что он не ориентируется достаточно хорошо в окружающем; кто не боится измениться, выучив второй язык; кто психофизиологически в состоянии это сделать [Shin 2013].

Неосознанное, из жизни полученное и в жизни опробованное знание естественнее и ближе к норме употребления языка его природными носителями, чем сознательное, проверенное искусственными тестами. Изучение

через компьютерные программы (например, Duolingo, Memrise, Forvo, Babbel, Lingualeo и др.), хотя и чрезвычайно модное занятие, пока еще только подспорье к учебнику, поощряющее приобретение новых слов и фраз. Чтобы коммуникация приносила пользу для нового языка, она должна быть осмысленной, целенаправленной.

Благодаря доверительному общению с родителями оказывается возможным постепенно создать атмосферу взаимного сотрудничества. Откровенно обсуждаются и положительные, и отрицательные моменты столкновения языков и культур [Sperryetal 2022]. Многие родители видят, как обращаются с детьми воспитатели, другие родители, присутствуя на занятиях, подмечают приемы педагогической работы и стараются поддержать похожий стиль в домашней обстановке. Чем больше внимания уделяется изучаемому языку в семьях, тем более деловыми и адекватными задачам обучения становятся контакты взрослых и детей. Родители довольны, что двуязычное воспитание лишено всякого насилия над личностью и «время делает свое дело». Поскольку родители могут наблюдать и процесс, и результат обучения, они приходят к выводу (о чем говорят воспитателям), что именно естественный, но в то же время творческий характер изучения второго языка соответствует возрастным особенностям ребенка-дошкольника.

3. Из опыта работы с родителями двуязычных дошкольников

В данном разделе мы обобщаем опыт, накопленный при работе с двуязычными детскими садами в различных регионах России и за рубежом. Нет ни одной образовательной организации, где использовались бы все предлагаемые виды работы. В то же время нет и таких, где не использовались бы никакие из них. Надеемся, что перечисленные активности помогут освежить взаимоотношения между детскими садами и семьями воспитанников.

Опыт дискуссий с родителями о двуязычном развитии детей продемонстрировал, что родители вначале довольно мало знают о процессе становления речи. Поэтому воспитатели и помощники воспитателей должны рассказывать родителям о том, как идет усвоение языков, контактировать по поводу возможного их участия в поддержке второго языка, давать информацию об особенностях развития двуязычных детей. В детском саду должна наличествовать разноплановая информация для родителей по обучению второму языку (пособия, словари, памятки, книги и пр.). На становлении речи на каждом из языков у ребенка в условиях детского сада благоприятно сказывается такое отношение родителей, при котором они поддерживают усвоение обоих языков, проявляют интерес к процессу обучения, сами помогают ребенку дома, трезво понимают возможности усвоения первого и второго языка при разных подходах к обучению.

Мнение родителей о принципах и методах работы детского сада, их заинтересованность в результатах труда воспитателей, хорошие взаимоотношения родительского комитета с администрацией и с персоналом — постоянно в поле зрения всех сторон: организаторов и руководителей детского сада, властей города, педагогов-исследователей. В ходе обсуждений по данной тематике не следует забывать, что какими бы высокими и интересными ни были цели двуязычного воспитания, родителям все равно важнее, чтобы их ребенок нормально питался, отдыхал, гулял, чувствовал себя комфортно в детском саду. Кроме того, родителям хочется, чтобы ребенок был хорошо подготовлен к школе.

Чтобы взаимоотношения персонала с семьями складывались благоприятно, взрослые, отвечающие за воспитание ребенка, должны держать друг друга в курсе дел: в каких формах происходят контакты с ребенком, какие мероприятия проведены. Родители могут отвечать на вопросы анкет, приходить на родительские собрания, на которых регулярно поднимаются и освещаются вопро-

сы изучения второго языка, взаимоотношений детей и родителей. Родителям рассылаются письма с объяснениями специфики работы детского сада, с рассказом о том, как они могут помочь своему ребенку усвоить иной язык. Можно давать словарики усвоенных детьми слов, присылать ссылки на популярные детские песни и стихи, на подборки записей чтения книг с иллюстрациями, на видео- и иные справочные материалы на сайте дошкольной организации. При детском саду можно образовать кружок для родителей по изучению языка. В его программе должны быть темы, близкие к программе работы с детьми, чтобы родители могли помогать детям дома. Родительский комитет может проводить общие мероприятия для детей и родителей на изучаемом языке (осенние, предновогодние и весенние праздники, спортивные дни для всей семьи, лекции, концерты). Родители могут участвовать в переводе стихов и песен с одного языка на другой, в подборе репертуара. Им демонстрируются видеозаписи работы с детьми. Родителям предоставляется возможность побеседовать индивидуально с воспитателями группы. Двухязычные семьи получают от специалистов личные консультации по поводу того, как лучше организовать жизнь ребенка-билингва, как поддерживать развитие обоих языков. Могут устраиваться вечера и недели языка и культуры как в масштабе микрорайона, общины, так и общегородские.

Периодические письма родителям о содержании и основных направлениях работы как детского сада в целом, так и каждой группы по отдельности составляются заведующим и воспитателями. В них затрагиваются вопросы режима дня, правил поведения внутри помещения и во дворе, прав и обязанностей родителей, описываются задачи коллектива детского сада и основные мероприятия в течение года. Родителям предлагается активно влиять на содержание работы педагогического коллектива. Они могут решать, как и когда будут проходить совместные мероприятия, каким образом к ним можно подготовиться:

например пригласить актеров театра или цирка, оркестр, купить новые игрушки, увеличить фонд библиотеки, построить во дворе горку и т. п. Родители могут присутствовать на праздниках, проводимых в детском саду. Совместные вечерние праздники и субботники входят в число регулярных мероприятий [Ошкина и др. 2019].

В детском саду могут издаваться также информационные листки. С одной стороны, они отражают работу педагогического коллектива, с другой стороны — события жизни детского сада. Прежде всего это возможность дать высказаться детям и родителям. В изготовлении и печати принимают участие не только дети и воспитатели, но и родители. Родители помогают в съемках видеofilмов, в создании фотоальбомов и презентаций и т. п. Важно, чтобы родители получали информацию обо всем, что происходит в детском саду: как детей кормят, где и как они спят, с кем дружат, во что играют, чему научились за день, за неделю, за месяц, за год. Педагоги должны дать понять родителям, что ребенку было уделено индивидуальное внимание. Демократичный характер отношений между руководством и персоналом, а также между детьми, родителями и воспитателями проявляется в обращении людей друг к другу, в установлении менее формальных отношений, в свободном обсуждении любых вопросов и возможности влиять на принимаемые решения. В зависимости от того, кто на каком языке говорит в семье и детском саду, можно договориться, как общими усилиями добиться комфортного и благополучного двуязычного развития. Соответственно, общими усилиями формируется и языковая, культурная, этническая, гражданская идентичность ребенка.

В жизни ребенка важны и другие родственники, и близкие знакомые семьи, а им должно быть важно, как ребенок проводит свой день, когда он в дошкольном учреждении. Если о детском саде распространяется добрая молва, в него больше желающих попасть, он конкурентоспособен, престижен, а район, в котором расположено такое

учреждение, более спокойный и благополучный. Если о дошкольной организации пишут в СМИ интересные вещи, а его название на слуху, туда чаще обращаются и больше рекламируют свои услуги различные организации, а это приводит к тому, что детский сад превращается в информационно-ресурсный центр. Особое значение имеет случай, когда происходит обучение языку меньшинства: вокруг такого учреждения группируются силы этнической общины, его постоянно посещают люди, заинтересованные в сохранении языка и культуры, пожилые, которые хотят передать свой опыт молодым, и молодые активисты.

Наличие огромного количества гаджетов в современной жизни кардинальным образом меняет содержание детской жизни. По некоторым данным, ребенок от 0 до 2-х лет смотрит видео (по телевизору, на планшете, компьютере, телефоне) полтора-два часа в день, а ребенок от 2 до 5 — 3–4 часа в день. Нельзя игнорировать формирования картины мира, которое приходит этим путем, но нельзя и полностью заменять реальную жизнь виртуальной. Родители также постоянно сами заняты видеоконтентом. Диджитализация пришла в каждый дом, и родители хотят ее использовать: следить в режиме реального времени и отсрочено за происходящим в детском саду, давать и получать сведения, обсуждать насущные вопросы и договариваться о совместных действиях, пересматривать полезные материалы с занятий, подкреплять дома изучение языков. Воспитатели могут стать активными участниками событий, а могут и смотреть на все со стороны, но, безусловно, принимая во внимание интересы родителей. Для поддержки языка организуются совместные лагеря, походы, экскурсии, пребывание по очереди в гостях в семьях с разными языками.

На базе детского сада рекомендуется проводить консультирование родителей, не охваченных формами двуязычного образования, с целью уточнить их представления и предложить им удобные формы работы. Существенно, чтобы всем было приятно находиться вместе, комфортно

сидеть, общаться, высказывать свое мнение, находить новых друзей. Очень содержательно проходит такое совместное пребывание в ситуации двуязычия: участникам приходится слушать, как общаются с родителями дети на другом языке, какие темы обсуждаются, как реагируют родители на какие-то черты поведения ребенка, что ему говорят. Они могут поучиться друг у друга, сделать выводы о сходстве и различиях в принципах коммуникации, взять на вооружение интересные модели поведения.

Создаются интернет-платформы при местных отделениях управления образованием, на которых детские сады могут размещать информацию о том, какие формы взаимодействия с родителями удалось освоить, как лучше провести то или иное мероприятие. Это пополняемые ресурсы, редактируемые и создаваемые совместными усилиями. Цель — чтобы родителям было как можно проще участвовать в деятельности дошкольной организации, тогда они лучше понимают, из чего складывается практика работы и как устроен день их ребенка. В результате родителям легче вовлекаться в повседневный быт детского сада без дополнительных соглашений. Такой подход обозначается как «снижение порога», то есть создание «безбарьерности». Это должно принести пользу и самому учреждению, и конкретному ребенку, поскольку в результате повышается прозрачность всего процесса.

Особое значение имеет период ознакомления с детским садом и привыкания к нему. Здесь и персонал должен выделить специальное время и быть внимательным, и родители выступить как эксперты по своему ребенку. Персонал может рассказать об опыте привыкания у разных детей и постараться продумать, как привлечь к сотрудничеству разных родителей. Возможно, какая-то семья возьмет на себя роль проводника, шефа для новичков и поможет адаптироваться не только ребенку, но и родителям к новым задачам. Важно заранее выяснить, в какие даты какая помощь от родителей требуется, и чаще приглашать их быть активными. Особенно интересны случаи, когда дети могут

поделиться с родителями приобретенными знаниями, когда они показывают, что научились делать, и учат этому родителей. Дети вообще обожают делать сюрпризы родителям, и они могут быть самыми разными.

Замечено, что в присутствии родителей ребенку легче участвовать в мероприятии, отважиться проявить себя на людях (если только он не отвлекается на родителя, находясь среди других детей, что в большей мере свойственно малышам). Родителям стоит рассказать в детском саду о сфере своей занятости и увлечениях, их экспертиза может пригодиться. Какая бы деятельность ни планировалась, о ней всегда извещают заранее, а формы участия родителей, зону их ответственности и время, в течение которого они должны присутствовать, тщательно оговаривают. По окончании мероприятия добровольных помощников обязательно благодарят.

Сегодня желательно регулярно информировать родителей электронным способом о работе группы, напоминать о том, в какой день что происходит, подводить итоги прошедших в прошлый период мероприятий. Родителям старших дошкольников такое инфописьмо посылают раз в неделю, малышам реже. Эта переписка может вестись только с закрытыми адресами или через список рассылки, лучше по домашнему, а не по рабочему электронному адресу и быть делом не одного человека, а всего персонала. Родители также могут влиять на то, какую информацию они хотят получать и в какой форме. Не стоит вкладывать тяжелые приложения с большим количеством картинок, нужно просто поместить тщательно подобранную фотографию или картинку в тело письма. На фотографирование и отправку изображений ребенка должно быть разрешение. Помещение фотографий детей в Интернете возможно только в случае, если их лица не видно. Если кто-то из персонала или родителей хорошо пишет и любит писать, он может создать блог, посвященный педагогическим проблемам. Если группу лучше иметь закрытого типа, то блог — открытый, зато (и именно поэтому) там нельзя размещать фото-

графии. Обязательно нужно сообщить всем о наличии такой группы и следить за тем, чтобы не появлялось постов, не относящихся к делу. В случае, когда все подписаны на такую группу, диалог происходит вовремя, он многосторонний и актуальный, экономится много времени и бумаги.

Детский сад не только регулярно (1–2 раза в год) проводит собеседования с родителями и выстраивает индивидуальную траекторию развития для каждого ребенка, но и может выдавать семейные паспорта чтения (где отмечается, кто, сколько и что читает), спорта (кто, сколько, где и когда занимается спортом), приглашает на праздники безопасности движения, где также можно выдать сертификат, если ребенка познакомили с правилами поведения на улице. Можно давать задания на дом, например прочитать книгу и посмотреть мультфильм, сделать вместе проект или подготовить для праздника какой-то стол с занятиями для всех (например, экспериментирование, рисование, изготовление поделок). Не только сами родители, но и их друзья и знакомые приходят, когда с лекцией выступает какой-то знаменитый специалист в области детства. К родительскому вечеру и родители, и дети могут подготовить выступления (например, песни или рассказы в записи). Удачно получаются разговоры в группах, когда обсуждается, на что в будущем стоит обратить особое внимание, какой проект провести. Протоколы обсуждений доводятся до общего сведения. Проводятся также тематические совместные вечера с детьми, запланированные вместе с родителями, где все документируется. Так, можно собраться всем вместе во второй половине дня, делать пряничные домики — а потом из них целый городок — или палки-лошадки — а потом скакать на них вместе, прочитать и разыграть сказку, порисовать панно, рассказать о результатах опроса (лучше проводить его в Интернете, причем можно предложить заполнить анкету прямо сразу в детском саду на планшете) и выводах из него — на будущее, объединив это, скажем, с праздником урожая. Приятная воодушевляющая атмосфера — основное условие

удачного совместного досуга. Родители, заканчивающие работу поздно, предпочитают прийти к концу мероприятия, а те, кто рано освобождается, довольны, если могут немного расслабиться, не забирая ребенка сразу домой.

Хороший способ узнать мнения и пожелания родителей — сделать уголок для высказываний. Например, это может быть просто лист бумаги, на котором можно писать фломастерами, или доска с мелками, но особенно заманчиво выглядит дерево, листочки которого — бумажки с идеями или, например, какими-то воспоминаниями, если от родителей хотят узнать, какие вещи они любили в детстве. Это может быть и небо с облачками и какие-то еще общие наглядные пространства. Темы для представления мыслей могут быть самыми разными; в итоге такого опроса все родители смогут признать, что их услышали, с ними считаются. Если родители в группе чем-то недовольны, обсуждение может быть общим, а в результате устанавливаются правила взаимоотношений. Обычно родители довольны, что с их мнением считаются.

Родители могут организовывать различные мероприятия как с участием родительского комитета, так и без него, приглашать детей посетить свое рабочее место, рассказывать о своих хобби и профессиях, знакомить с новыми культурами (дети особенно легко понимают другую культуру через изобразительный и музыкальный ряд, еду и одежду), показывать детям спектакли (разной сложности: от инсценировки чтения до по-настоящему устроенной и тщательно отрепетированной пьесы), готовить неожиданные номера для общих праздников, обновлять парк игрушек и игр, украшать помещение к празднику, проводить песенные вечера, приглашать музыкантов. Детский сад может собирать деньги через создание буфета, кафе, проведение лотереи ненужных вещей, продажу приготовленных дома сладостей (всегда надписывают на табличке ингредиенты, из которых еда приготовлена). Вместе с родителями можно узнать новые песни, игры, рецепты, провести праздник во дворе или в помещении. Вечером родители могут приий-

ти посмотреть фильм, потанцевать, поужинать. Если получить разрешение на разведение костра, можно устроить пикник вечером на улице. Всегда стоит заранее продумать, кто с кем на каком языке будет говорить, как сбалансировать их использование.

Иногда вместе с персоналом родители решают, что именно нуждается в улучшении на участке, в помещении или что еще можно сделать вместе (посадить деревья, сделать грядки и т. п.). Другой распространенный способ провести время вместе — устроить во дворе детского сада игры по станциям, вылавливание выигрышей и т. п. Проблемой всегда является поиск активных родителей: их не так много, чтобы осуществить все идеи. Кроме того, если в мероприятиях вне рабочего времени участвуют воспитатели, их труд должен быть компенсирован свободным временем или оплачен.

В ходе лекций, бесед, дискуссий, встреч обсуждаются примеры положительного и отрицательного опыта двуязычия, принципы выбора учебного заведения, варианты участия семьи в оказании поддержки учебному процессу, например через изготовление наглядных пособий для обучения языку, участие в совместных делах, предложение проведения мастерских и т. п. Нужно уточнить, какие сферы компетенции воспитателя касаются проблем воспитания двуязычия, а какие не относятся к его ответственности, по каким вопросам стоит порекомендовать консультироваться у специалиста в этой области, если детский сад не может дать компетентный ответ, как помочь родителям правильно общаться со своим ребенком [de Jong et al. 2015]. Воспитатели, с одной стороны, были бы рады, чтобы родители им помогали, с другой стороны — эта помощь иногда создает дополнительные трудности, так что в этой области следует приходить к разумному компромиссу. Родители хотят регулярных, но не слишком частых встреч. Ставится задача обменяться опытом с родителями школы и проводить с ними совместные мероприятия. Трудным вопросом остается максимальная вовлеченность родителей в мероприя-

тия: семьи, находящиеся в тяжелой жизненной ситуации, с трудом идут на контакт, а ведь именно они больше всего нуждаются в поддержке. Мешает регулярному участию усталость персонала и родителей, желание побыть в выходные или вечером в кругу семьи, необходимость водить детей на кружки и в спортивные секции.

Благодаря участию родителей в беседах с персоналом удастся лучше выявить потребности современных родителей, их интересы и возможности, учесть их в обучении. Родители могут разнообразить деятельность детского сада, предложить новые формы и приемы работы. Важно, чтобы они лучше познакомились между собой и с персоналом, узнали образцы поведения в проблемных ситуациях, а более опытные делились своими наработками и мыслями с менее опытными. Тут также могут помочь родители, записывая сценки со своими детьми или их игрушками, а потом выкладывая их в сеть с ограниченным доступом только для своей группы. Основную работу по чтению и объяснению выполняет взрослый. В двуязычном детском саду сотрудничество с родителями при изучении художественной литературы и изданий научно-познавательного характера приобретает особенно большое значение. Если язык семьи отличается от языка образовательного процесса, то особенно важно, чтобы все темы, которые обсуждаются в детском саду, родители проходили дома с ребенком, чтобы он знал, о чем идет речь в детском саду [Wearmouth, Goodwyn 2019].

Общая тенденция к демократизации образования и доступности разносторонних педагогических ресурсов через Интернет привела к тому, что любые дискуссии относительно полезности тех или иных занятий для дошкольников, как и для любого другого контингента учащихся, переместились в социальные сети или на форумы, связанные с соответствующими ресурсами. Мнения родителей высказываются довольно прямо, что позволяет более глубоко разобраться в их аргументации, страхах и надеждах. Родители сегодня активно пополняют свои знания о вос-

питании детей при помощи Интернета, этот процесс сопровождается взаимными консультациями с огромным количеством людей в соцсетях. Родительские форумы, посвященные детскому билингвизму, — интересный объект для исследования, в частности потому, что там люди делятся примерами многоязычия и мыслями о будущем билингвизме детей [Røyneland, Blackwood 2022]. Родители нередко считают, что второй язык, который ребенок освоил при их участии, — это подарок, который сложно переоценить и в который они вложили много времени, финансов и душевных сил.

Существуют семьи, где воспитание и общение с ребенком осуществляется в большей степени бабушками, дедушками или нянями, чей язык не совпадает с языком родителей, создавая интересную и сложную языковую среду для ребенка. В таких ситуациях многоязычие проявляется на разных уровнях. Ребенок осваивает оба языка, когда окружающие стимулируют его к этому. В семьях, где одновременно звучит более двух языков, ребенок активно участвует в коммуникации, слушая, говоря и взаимодействуя с членами семьи на каждом языке, иногда смешивая их, например когда не может вспомнить какое-то слово или когда ему больше нравится слово на определенном языке. В семейных ситуациях важно объяснять, почему и как следует говорить, какие слова имеют определенные стилистические оттенки, всегда ли они уместны, а также поддерживать игры со словами, творчество на каждом языке (семейные сценки, спектакли, импровизации и пр.). Кроме того, стихийные поиски эквивалентов, перевод и медиация показывают ребенку, что такое транслингвальные практики в действии [Rodriguez Bellas 2014].

Часто задают вопрос, какова цена двуязычного образования и какой тип такого образования наиболее удачен, а также что оно дает. Если сравнивать результаты обучения, то понимание прочитанного, память и умение рассуждать, проявленные при чтении, у монолингвов и билингвов были одинаковыми, а в порождении речи билингвы

несколько отставали от монолингвов. Предыдущие исследования показали, что выровнять умения на двух языках можно при дополнительном обучении. К соотношению «цена — качество» стоит прибавить возможные цели обучения (поддержка домашнего языка, подготовка к переезду в иноязычную среду, сохранение этничности, ознакомление с любым иным языком, подготовка к обучению в школе с этим языком), очевидные выгоды разных подходов к образованию (какой тип выбрать), устойчивость результатов (преходящее или долгосрочное владение языком, непосредственная или отдаленная выгода). Обучение иностранным языкам дошкольников является, по большей части, роскошью, поэтому оплачивается обычно родителями, которые решают, за что стоит платить, а за что — нет [Heineke, McTighe 2018].

Несмотря на обилие разнообразных исследований, показывающих, что ни завышенные, ни заниженные ожидания тут неуместны, родители почему-то продолжают считать решение об изучении второго языка одним из своих наиболее ответственных и даже судьбоносных поступков. Можно только сожалеть, что изучение второго языка, будь то один из языков народов России или мира, стало чем-то особенным, хотя раньше было нормальным и естественным [Meiretal 2023]. Хорошо, что маятник качнулся в другую сторону и сегодня двуязычие становится повседневным явлением. Это произошло отчасти благодаря опыту русскоязычной диаспоры в разных странах мира, а отчасти благодаря ревитализации языков народов России [Hussetal 2014].

4. Выводы

Помимо языкового аспекта, билингвальное образование также включает в себя знакомство с культурой и традициями стран, где используются изучаемые языки. Исследования показывают, что билингвальное образование способствует развитию когнитивных навыков, улучшает

память, внимание и аналитическое мышление, социальную компетентность, умение эффективно общаться и адаптироваться в разноязычном окружении. Двухязычное образование создает прочные основы для дальнейшего углубленного изучения языков и расширяет карьерные возможности в мировом контексте.

Получая домой материалы для поддержки изучаемого языка, принимая участие в мероприятиях, связанных с двумя языками и культурами как в детском саду, так и за его пределами, родители становятся активными участниками программы детского сада. Партнерство с семьей важно и для нормального финансирования и функционирования учреждения.

Родители, которые инвестировали слишком много средств в достижение не слишком значительного результата, могут быть разочарованы, но на самом деле эффект обучения пролонгированный и будет иметь позитивные последствия в отдаленном будущем: при изучении других языков, математики, при осуществлении различных выборов и принятии решений.

Литература

Ошкина и др. 2019 — Ошкина Е. С., Киркина Е. Н., Крымова И. П. Приобщение дошкольников-билингвов к фольклору (на материале пословиц и поговорок). *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики*, 2019, 1: 90–95.

Протасова 2016 — Протасова Е. (ред.) *Многоязычие и среда*. Берлин, 2016.

Протасова 2023 — Протасова Е. (ред.) *Многоязычие и личность*. Рига, 2023.

Arnaut et al. 2017 — Arnaut K., Sif Karrebæk M., Spotti M., Blommaert J. (eds.). *Engaging Superdiversity: Recombining Spaces, Times and Language Practices*. Bristol, 2017.

Baukus Kresin 2018 — Baukus S., Kresin S. (eds.) *Connecting across Languages and Cultures. A Heritage Language Festschrift in Honor of Olga Kagan*. Bloomington, 2018.

Brunn Kehrein 2023 — Brunn S. D., Kehrein R. (eds.) *Language, Society and the State in a Changing World*. Cham, 2023.

de Jong et al. 2015 — de Jong J., Meir N., Armon-Lotem S. (eds.). *Assessing Multilingual Children: Disentangling Bilingualism from Language Impairment*. Bristol, 2015.

Freire et al. 2024 — Freire J. A., Alfaro C., de Jong E. (eds.). *The Handbook of Dual Language Bilingual Education*. New York, 2024.

Heineke, McTighe 2018 — Heineke A. J., McTighe J. *Using Understanding by Design in the Culturally and Linguistically Diverse Classroom*. Alexandria, 2018.

Huertas-Abril, Gómez-Parra 2020 — Huertas-Abril C. A., Gómez-Parra M. E. (eds.). *Handbook of Research on Bilingual and Intercultural Education*. Hershey, 2020.

Huss et al. 2014 — Huss L., Camilleri Grima A., King K. A. (eds.). *Transcending Monolingualism: Linguistic Revitalization in Education*. New York, 2014.

Jernigan 2015 — Jernigan C. *Family Language Learning*. Bristol, 2015.

Levey, Polirstok 2011 — Levey S., Polirstok S. (eds.) *Language Development: Understanding Language Diversity in the Classroom*. Los Angeles, 2011.

Meisel 2019 — Meisel J. M. *Bilingual Children: A Guide for Parents*. Cambridge, 2019.

Meir et al. 2023 — Meir N., Sun H., Chondrogianni V. (eds.) *International Mother Language Day: Enhancing Home Language Development from a Young Age*. Lausanne, 2023.

Rodriguez Bellas 2014 — Rodriguez Bellas M. *Raising Bilingual Children: A Practical Guide*. New York, 2014.

Røyneland Blackwood 2022 — Røyneland U., Blackwood R. (eds.). *Multilingualism across the Lifespan*. New York, 2022.

Ruigendijk 2021 — Ruigendijk E., Treffers-Daller J., Hofweber J. E. (eds.) *Behavioral and Neurophysiological Approaches to Code-Switching and Language Switching*. Lausanne, 2021.

Schwartz, Palviainen 2019 — Schwartz M., Palviainen Å. (eds.) *21st Century Preschool Bilingual Education*. New York, 2019.

Shin 2013 — Shin S. J. *Bilingualism in Schools and Society: Language, Identity, and Policy*. New York, 2013.

Sperry et al. 2022 — Sperry D., Colunga E., Sun H., Song L., Shimpi P. (eds.). *The Role of Experience in Children's Language Development: A Cultural Perspective*. Lausanne, 2022.

Volker, Anderson 2015 — Volker C. A., Anderson F. E. *Education in Languages of Lesser Power: Asia-Pacific Perspectives*. Amsterdam, 2015.

Wearmouth, Goodwyn 2019 — Wearmouth J., Goodwyn A. (eds.) *Pupil, Teacher and Family Voice in Educational Institutions: Values, Opinions, Beliefs and Perspectives*. Oxon, 2019.

References

Arnaut K., Sif Karrebæk M., Spotti M., Blommaert J. (eds.). *Engaging Superdiversity: Recombining Spaces, Times and Language Practices*. Bristol, 2017.

Bauckus S., Kresin S. (eds.) *Connecting across Languages and Cultures. A Heritage Language Festschrift in Honor of Olga Kagan*. Bloomington, 2018.

Brunn S. D., Kehrein R. (eds.). *Language, Society and the State in a Changing World*. Cham, 2023.

de Jong J., Meir N., Armon-Lotem, S. (eds.). *Assessing Multilingual Children: Disentangling Bilingualism from Language Impairment*. Bristol, 2015.

Freire J. A., Alfaro C., de Jong E. (eds.). *The Handbook of Dual Language Bilingual Education*. New York, 2024.

Heineke A. J., McTighe J. *Using Understanding by Design in the Culturally and Linguistically Diverse Classroom*. Alexandria, 2018.

Huertas-Abril C. A., Gómez-Parra M. E. (eds.). *Handbook of Research on Bilingual and Intercultural Education*. Hershey, 2020.

Huss L., Camilleri Grima A., King K. A. (eds.). *Transcending Monolingualism: Linguistic Revitalization in Education*. New York, 2014.

Jernigan C. *Family Language Learning*. Bristol, 2015.

Levey S., Polirstok S. (eds.). *Language Development: Understanding Language Diversity in the Classroom*. Los Angeles, 2011.

Meisel J. M. *Bilingual Children: A Guide for Parents*. Cambridge, 2019..

Meir N., Sun H., Chondrogianni V. (eds.) *International Mother Language Day: Enhancing Home Language Development from a Young Age*. Lausanne, 2023.

Oshkina E. S., Kirkina E. N., Krymova I. P. Priobshchenie doshkol'nikov-bilingualov k folkloru (na materiale poslovits i pogovorok) [Introduction of bilingual preschoolers to folklore (by the material of proverbs and sayings)]. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki*, 2019, 1: 90–95. (In Russ.)

Protasova E. (ed.). *Mnogojazychie i sreda* [Multilingualism and Environment]. Berlin, 2016. (In Russ.)

Protasova E. (ed.) *Mnogojazychie i lichnost'* [Multilingualism and personality]. Riga, 2023. (In Russ.)

Rodriguez Bellas M. *Raising Bilingual Children: A Practical Guide*. New York, 2014.

Røyneland U., Blackwood R. (eds.) *Multilingualism across the Lifespan*. New York, 2022.

Ruigendijk E., Treffers-Daller J., Hofweber J. E. (eds.) *Behavioral and Neurophysiological Approaches to Code-Switching and Language Switching*. Lausanne, 2021.

Schwartz M., Palviainen Å. (eds.) *21st Century Preschool Bilingual Education*. New York, 2019.

Shin S. J. *Bilingualism in Schools and Society: Language, Identity, and Policy*. New York, 2013.

Sperry D., Colunga E., Sun H., Song L., Shimpi P. (eds.) *The Role of Experience in Children's Language Development: A Cultural Perspective*. Lausanne, 2022.

Volker C. A., Anderson F. E. *Education in Languages of Lesser Power: Asia-Pacific Perspectives*. Amsterdam, 2015.

Wearmouth J., Goodwyn A. (eds.) *Pupil, Teacher and Family Voice in Educational Institutions: Values, Opinions, Beliefs and Perspectives*. Oxon, 2019.

Partitive or genitive plural? Use and formation of the partitive case in Kildin Saami¹

Elisabeth Scheller

Tromsø, Norway

scheller.elisabeth@gmail.com

The paper presents research results on the partitive case in the Kildin Saami language. For this purpose, modern standardized and non-standardized literary texts and example sentences in dictionaries written by authors who are native Kildin Saami speakers have been analysed.

With the help of abundant examples, the use and functions of the partitive case in Kildin Saami are described. The large number of partitive forms found in the analysed material, as well as partitive generation within new loanwords, show that the partitive is still a living and productive case in Kildin Saami.

The present analysis confirms the hypothesis about two different suffixes that generate the Kildin Saami partitive depending on the word stem. In contrast to the opinion of other researchers, who assume that the partitive appears as a single form used to express both singular and plural referents, the present analysis shows that a certain group of nouns and pronouns has different partitive forms for singular and plural referents.

Thereafter follows argumentation against the hypothesis about the replacement of the partitive with the genitive plural due to Rus-

¹ The manuscript of the paper was submitted for publication in November 2023. The article is partly based on materials presented at the *International scholarly conference on “The Saami languages of Russia: Synchrony and diachrony”*, organized and carried out by the Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences and the Institute of the Peoples of the North, Herzen State Pedagogical University of Russia in St. Petersburg 11.–12.05.2023. All presentations were live streamed via the Internet; the presentation abstracts were published in advance both digitally and on paper [Gaidamashko 2023; Scheller 2023].

sian interference. Instead, examples are presented showing the replacement of the partitive with the genitive and other cases due to semantic and syntactic reasons.

Keywords: Kildin Saami language; partitive; formation, use and functions of the partitive case; genitive plural; Kildin Saami standardized and non-standardized texts; language revitalization

Acknowledgements: I thank my colleagues Trond Trosterud and Trond Tynnøl for reading, commenting on, and improving the English text of the final manuscript of the article.

For citation: Scheller E. Partitive or genitive plural? Use and formation of the partitive case in Kildin Saami. *Rodnoy yazyk*, 2024, 1: 70–130. DOI: 10.37892/2313-5816-2024-1-70-130

Парти́тив или гени́тив множественного числа? Употре́бление и образо́вание разделительного паде́жа в кильди́нском саамско́м языке́

Элизабет Шеллер

Тромсё, Норвегия
scheller.elisabeth@gmail.com

В данной работе представлены результаты исследований о разделительном падеже (парти́тиве) в кильди́нском саамско́м языке. Для этого были проанализированы современные стандартизированные и нестандартизированные художественные тексты и примеры предложений в словарях, написанных авторами, которые являются носителями кильди́нского саамско́го языка.

С помощью множества примеров описаны употребление и функции парти́тива в кильди́нском саамско́м языке. Большое количество найденных в проанализированном материале форм парти́тива и его образование новыми заимствованными словами показывает, что парти́тив является живым и продуктивным падежом в кильди́нском саамско́м языке.

Проведенный анализ утверждает гипотезу о двух разных суффиксах, с помощью которых, в зависимости от основы слова, образуется кильди́нский саамско́й парти́тив. В отличии от мнен-

ния других исследователей, которые предполагают использование одной и той же формы партитива для выражения как единственного, так и множественного числа, настоящий анализ показывает, что определенная группа существительных и местоимений имеет разные формы для выражения партитива единственного и множественного числа.

Затем следует аргументация, которая опровергает гипотезу о замене партитива родительным падежом (генитивом) множественного числа из-за влияния русского языка. Вместо этого представлены примеры для замены партитива генитивом и другими падежами, которая происходит из-за семантических и синтаксических причин.

Ключевые слова: Кильдинский саамский язык; разделительный падеж (партитив), образование, употребление и функции партитива; родительный падеж (генитив); стандартизированные и нестандартизированные тексты на кильдинском саамском языке; языковая ревитализация

Для цитирования: Шеллер Э. Партитив или генитив множественного числа? Употребление и образование разделительного падежа в кильдинском саамском языке. *Родной язык*, 2024, 1: 70–130. DOI: 10.37892/2313-5816-2024-1-70-130

1. Introduction

The partitive case has historically been used in all Saami languages, especially in the eastern Saami varieties [Kont 1967, 1968; Itkonen 1973]. In this paper the focus is upon the partitive case in the Kildin Saami language.

No comprehensive description of the Kildin Saami partitive has been published yet. I. Halász [1883], A. G. Endyukovskiy [1937], R. D. Kuruch [1985] and M. Rießler [2022]² mention the partitive case in their grammar sketches. A superficial description of the Kildin Saami partitive can be found in Koivunen's comparative study of partitive use in different Eastern Saami languages [2022]. More detailed information is presented by

² Rießler has held oral presentations about his ongoing research work on the Kildin Saami partitive, which the author of this paper has not had the possibility to listen to. No scholarly publications from Rießler about this topic are available yet.

G. M. Kert in his Kildin Saami grammar [1971: 141, 162, 167, 171, 244] and grammar sketch [1975: 208, 220–222, 228, 242]. So far, the most comprehensive description of the Kildin Saami partitive can be found in L. Szabó's article from [1984], where the partitive functions and use are discussed. K. Nielsen's [1928], K. Kont's [1967] and E. Itkonen's [1973] publications about the history of the partitive in Finno-Ugric languages are an important complement to Szabó's and Kert's descriptions³.

When it comes to the inclusion of partitive forms in grammatical paradigms, there has been a difference between the Finnish-Hungarian and Soviet-Russian research traditions. Whereas Halász [1883] and Szabó [1968] include the partitive in the paradigms in their grammar sketches and grammatical notes, we do not find partitive forms in the paradigms of nouns, pronouns and numerals in Endyukovskiy's [1937], Kert's [1971] and Kuruch's [1985] grammars and grammar sketches, although they can be found in example sentences in the same publications, and the partitive is included in the table with Kildin Saami case marking suffixes in Kert's grammar [1971]⁴. Sammallahti and Khvorostukhina⁵ [1991] again present the partitive in the paradigms in their dictionary between Kildin Saami and North Saami, as does Rießler in his grammar sketch from [2022].

The mentioned grammatical materials are primarily of interest to linguists. But for Kildin Saami language learners and teachers the available information about the partitive case is not sufficient, because no precise morphological information about the formation of the partitive case is given, and the descriptions of partitive use and functions are fragmented, spread

³ For a more comprehensive description of the history of the partitive, see [Nielsen 1928; Kont 1967, 1968; Itkonen 1973; Korhonen 1981: 214–216; Sammallahti 1998: 70–71].

⁴ In S. N. Tereshkin's Ter Saami grammar [2002] the partitive is not described at all, nor is it included in the paradigms. In P. M. Zaykov's Akkala Saami grammar [1987] the partitive is described and presented in some paradigm tables for nouns.

⁵ Anastasiya Khvorostukhina is a native Kildin Saami speaker living in Norway.

over various publications and presented in at least four languages.

Some of the reasons why the partitive has not been included in most of the prescriptive Kildin Saami language teaching materials (among these also [Sharshina, Scheller 2008]) could be the absence of the partitive in the paradigms of the descriptive grammatical materials available to the Kildin Saami community, incomplete descriptions, as well as the hypotheses about the partitive as a “disappearing case in the Kola Saami languages” [Szabó 1984: 145; Itkonen 1973: 303] and its substitution by the genitive plural, due to influences from the Russian majority language [Kert 1971: 162; Szabó 1984: 145; Kuruch 1985: 545; Rießler 2022: 226]. Apart from studies at the university level, the partitive most probably neither has been taught at Kildin Saami lessons at school nor in language courses.

Kildin Saami is a severely threatened indigenous minority language with fewer than 200 speakers today. Intergenerational language transmission has been interrupted and no domains are left where the language can be learned in a natural way through everyday communication⁶. Therefore Kildin Saami language teaching on courses and at school with the help of analogue and digital teaching materials and learning tools is an important measure within the ongoing language revitalisation process.

In 2021 a *Russian — Kildin Saami and Kildin Saami — Russian dictionary* for language learners, teachers and others who are interested in practical Kildin Saami language revitalisation was published on the internet [Antonova, Scheller 2021]⁷. Although the dictionary is still under development, it provides the most comprehensive grammatical paradigms for Kildin Saami

⁶ For a more detailed description of the language situation see [Scheller 2013, 2015; Scheller f.c.].

⁷ The digitalization of the lexicographical and grammatical materials was carried out by the programmers and computational linguists at *Giellatekno* and *Divvun — Saami language technology at University of Tromsø — The Arctic University of Norway* [<https://sanj.oahpa.no/about/>].

verbs and nouns so far, including partitive forms for most of the nouns and for some pronouns. Both Kildin Saami language learners and the grammatical analyser need to know precisely which word stem gets which suffix and in what positions. This concerns all the grammatical forms, not only the partitive. The grammatical analyser used in the dictionary from 2021 is based on comprehensive research work which resulted in a prescriptive Kildin Saami grammar specially designed for language learners and teachers [Antonova, Scheller: in preparation]. With the help of this grammar, a functioning grammatical transducer could be built within two months⁸.

In this paper I present some of the research results that lie behind the chapter about the partitive in the prescriptive Kildin Saami grammar. The formation and use of partitives in Kildin Saami will be described with the help of abundant examples from the analysed materials. Furthermore, I show that the partitive is a living and productive case in Kildin Saami and argue that the hypothesis about the frequent substitution of the partitive with the genitive plural by younger speakers due to Russian interference is a misinterpretation.

1.1. Research material

The main materials analysed are standardized and non-standardized literary texts and example sentences in dictionaries, written by native first- or second language users of Kildin Saami published in a period from 1985 to 2022. Earlier research

⁸ There have been attempts to develop a Russian-Kildin Saami dictionary and a grammatical analyser (automaton) since 2005, but without success [Rießler 2013: 209–213]. Instead of focusing on basic research on Kildin Saami grammar and vocabulary, it was decided to digitize existing incomplete lexicographic and grammatical materials and to train native Kildin Saami speakers without experience and education in computational linguistics to use complicated database structures and XML technology in the hope that they would do the linguistic part of the work. This has not been a realistic approach and no digital dictionary or analyser have yet been published by the researchers involved.

on the Kildin Saami partitive was mainly based on oral folklore, collected at the end of the 19th century and at the beginning of the 20th century, written down, transcribed and analysed by researchers with a limited knowledge of Kildin Saami, often with help from native speakers who did not write in Kildin Saami themselves and who were not schooled in phonetic or phonologic transcription techniques. The use of modern standardized and non-standardized literary texts written by native Kildin Saami speakers may help to get results that can fill some of the gaps left by the earlier research. As a second language learner and speaker of both Kildin Saami and Russian, I have also had the possibility to make my own observations when using Kildin Saami in oral and written communication with Kildin Saami first- and second language users, which has been very helpful for my analysis.

The analysed literary and dictionary texts are written in the three variants of the Kildin Saami orthography that have been used during the last 40 years. Because there have been very few persons with mastery of the official written language, most of the literary texts were written without, or with only partial consideration to the orthography, and have been corrected by the few specialists before publishing. Most of the published Kildin Saami literary texts are written with the alphabet developed by Kildin Saami language teacher and specialist A. A. Antonova, and many of them have been corrected according to the orthography that is based on this alphabet. However, the investigation of the characteristic features of the partitive form is not affected by the differences between the alphabet variants, since the orthography shows the same rules for the generation of partitives independent of the alphabet used⁹.

[TKS 2013] has been edited by E. Scheller in near collaboration with the translator A. A. Antonova, who also approved the

⁹ For more information about the development of the Kildin Saami alphabet and orthography and the differences between the variants see [Agranat 2021; Bakula 2018, 2020; Overland, Berg-Nordlie 2012; Rießler 2013; Siegl, Rießler 2015; Scheller 2004, 2013, 2015; Scheller f.c.].

final version of the manuscript before publication. [MPE 2022] as well as some parts of [TOL 2017] and [ASL 2019] have been corrected by Scheller according to Antonova's orthography before publication. All these texts I had at my disposition both in the uncorrected (unstandardized) original manuscript form and in the corrected (standardized) published form. In my analysis I compared the non-standardized texts with the standardized texts and investigated especially if and how the authors use the partitive case. In the examples published in this paper, the spelling has been taken from the published cited source including possible orthographic mistakes.

Apart from some poetry and a few folklore texts, most of the Kildin Saami literature consists of translations from Russian into Kildin Saami. Before publication, the manuscripts are usually given for proofreading to one of the few specialists with knowledge of the written language. The main reason why the Kildin Saami authors prefer to write their texts in Russian first and translate them into Kildin Saami afterwards is because they are not used to writing in their native language. Translated text materials can be considered as problematic for the analysis of the grammar of a language. Still, for the analysis of endangered minority languages such texts constitute an important source of material. In addition, translations of modern literary texts stimulate the development of the minority language and its modernisation. The Kildin Saami language is today rarely used in spontaneous oral conversations about more complex modern topics, consequently there is only restricted room for development and modernization of the spoken language. Therefore, translations of written modern literary texts, as for example [TKS 2013], represents an important domain in which the modern Kildin Saami language may develop. There is no doubt that the Kildin Saami translations are influenced by the Russian originals, which is primarily noticeable in the vocabulary and in the syntax, and to a lesser extent in the morphology. However, the study of the partitive case has not been especially affected by this.

Kildin Saami language skills, knowledge of the orthography variants used in the text materials, and a critical approach to the

research material have been crucial for my analysis. 20 years of sociolinguistic research in the Kildin Saami language community, a deeper understanding of the language situation, experience from correcting written Kildin Saami literary texts as well as from teaching native speakers about Kildin Saami grammar and orthography, have given me important background information for the analysis: Which writers master the written language and to what extent? What orthographic and grammatical mistakes and errors are usual among Kildin Saami speakers who write in their native language? Which writers are active speakers? Who has passive language knowledge and on which level? And so forth.

Most transcriptions of oral Kildin Saami language materials have been carried out by non-Saami researchers with a limited knowledge of the Kildin Saami language, which is a challenging factor for the analysis of these materials. On the other side, written texts from native speakers who do not have mastery of the written language have also been a challenging factor — both must be checked against observations of the use of partitives in oral speech. Because only a few Kildin Saami speakers use their native language naturally in everyday communication, it is not easy to elicit grammatical forms, for example by asking the native speakers to translate isolated Russian sentences into Kildin Saami. A good solution for this problem was active communication with native speakers in Kildin Saami and observing partitive forms which appear in spontaneous conversations and discussions about more advanced topics.

1.2. Transliteration of Kildin Saami examples

The Kildin Saami examples are given both in the Kildin Saami orthography used in the published texts, and in a Latin transliteration that is based on an adaption of ISO/R 9 1968. For special Kildin Saami letters which are not included in the Russian alphabet, additional signs are used to facilitate understanding for readers familiar with other Saami languages and Finno-Ugric transcription methods.

Transliteration of special Kildin Saami letters

Long vowels	<i>Cursive</i>	Adaptation to ISO/R 9 1968	<i>Cursive</i>
Ā ā	Ā ā	Ā ā	Ā ā
Ī ĩ	Ī ĩ	Ī ĩ	Ī ĩ
Ō ō	Ō ō	Ō ō	Ō ō
Ū ū	Ū ū	Ū ū	Ū ū
Ē ē	Ē ē	Ē ē	Ē ē
Palatalised vowels at the beginning of a word and after a vowel			
Ē ē	Ē ē	Jē jē	Jē jē
Ē ē	Ē ē	Jo jo	Jo jo
Ю ю	Ю ю	Jū jū	Jū jū
Я я	Я я	Ja ja	Ja ja
etc.			
Vowels following palatalised consonants			
Е	e	'e	'e
ē	ē	'ē	'ē
Я	я	'a	'a
я̄	я̄	'ā	'ā
etc.			
Vowels following half-palatalised consonants			
Ä	ä	'a	'a
Э	э	'e	'e
Voiceless consonants			
Л	л	l̥	l̥
М	м	m̥	m̥
Н	н	n̥	n̥
Р	р	r̥	r̥
Nasal consonants			
Н	н	ŋ	ŋ
Dividing sign			
Ъ	ъ	''	''

Palatalisation sign			
Ь		'	'
Half-palatalisation sign			
Ъ		·	·

2. Use and functions of the partitive in Kildin Saami

Kert [1971: 162], Itkonen [1973: 298–300] and Szabó [1984: 145–148] mention four functions of the partitive in Kildin Saami:

- (1) *use with numerals over six,*
- (2) *use with an indefinite quantity,*
- (3) *use with some pre- and postpositions and*
- (4) *use in comparison.* Halász [1883: 13] and Itkonen [1973: 291, 292] also mention the use of the partitive
- (5) *with numeral attributes that determine nouns in the locative.*

The great number of examples for these functions in the modern literary texts, confirmed by my own observations of the active use of the partitive in spontaneous oral speech, shows that the partitive is still a frequently and actively used case in Kildin Saami. In addition to the above-mentioned five functions, I found even more. Below I will show the partitive functions found in my materials and illustrate each of them with at least three examples from several texts.

In the investigated modern literary texts, the partitive is used with:

2.1. Numerals over six

With a few exceptions, the partitive in the analysed material is always used with numerals over six.

(1) <i>Кудтэй</i>	<i>лоакъ</i>	<i>минутадтэ.</i>
<i>Kūdtej</i>	<i>loagk'</i>	<i>minutadt'e.</i>
remain.PST.3SG	ten.NOM	minute.PART.SG
'Ten minutes remained.'		
'Осталось десять минут.' [TKS 2013: 197]		

- (2) (Сõнн) вуэлькэдъ нāхһпа кыджемь сахар кусськэ.
 (Sõnn) vuell'ked' nāhһpa kydz'em' sahar kuss'ke.
 3SG.NOM throw.PST.3SG cup.ILL.SG seven.NOM sugar piece.PART.SG
 '(She) threw seven pieces of sugar in the cup.'
 '(Она) бросила в чашку семь кусков сахара.' [TKS 2013: 82]
- (3) Я коадчесът кӯхтэмплаогкъ õхһнувьедтә Йжесь.
 Ja koadč'es't kūhhtempoagk' õhһnuvv'jedt'e İže's'.
 And call.PST.3SG twelve.NOM disciple.PART.SG REFL.3SG.GEN
 'And (he) called His twelve disciples.'
 'И (он) призвал двенадцать учеников Своих.' [МРЕ 2022: 10, 1]
- (4) Розая танна ляйй кāххц ыгке.
 Rozaja tanna l'ajj kāhhc ygk'e.
 Roza.ILL.SG then be.PST.3SG eight.NOM year.PART.SG
 'Roza at that time was eight years old.'
 'Розе тогда было восемь лет.' [ASL 2019: 36]
- (5) лāййнэдъ мыннḗ лоагкъ мārрркэ
 lājned' mynn'e loagk' mārr'ke
 lend.IMP.SG 1ILL.SG ten.NOM ruble.PART.SG
 'lend me ten rubles'
 'одолжи мне десять рублей' [SRS 1985: 161]

2.2. Distributive numerals

Both the partitive and the genitive are used with distributive numerals, as for example: **эфтэ** *efte* 'one by one, one at a time, one of each', **күтэ** *küt'e* 'two by two, two at a time, two of each', **колмэ** *kolme* 'three by three, three at a time, three of each' etc.

- (6) Кудэ-кыджьме алкнедтә саесът,
 Kude-kydz'm'e alkn'edt'e sajes't,
 six-seven.DISTR.NUM cub.PART.SG instead of
 'Instead of six or seven cubs'
 'Вместо шести-семи детёнышей' [KL 2003: 138]
- (7) Кудтḗ рйвьнḗ мйльлтэ лḗв кудэ
 Kudt'e rīv'n'e mill'te lēv kude
 two.DISTR.NUM side.GEN.PL on.POSTP be.NPST.PL six.DISTR.NUM
кыррййнэссэ колмэ- угглэ- нāлла нядтма.
kyrr'jnesse kolme- uggle- nālla n'adtma.
 decoration.PART.SG three.DISTR.NUM corner.PART.SG shaped sew.PTCP.PST

‘There are 6 triangular-shaped decorations sewn on both sides.’

‘По обеим сторонам пришиты по 6 украшений треугольной формы.’ [SU 2011: 69]

(8) сыйй	воа́льтэнь	пувлэ	эл	югкьенч	сйнэнь
syjj	voáll'ten'	puvle	ēl	jugk'jenč	sīnen'
3PL.NOM	take.PST.3PL	knee.GEN.PL	on.POSTP	every	3PL.LOC

күтэ

парна

kūt'e

parna

two.DISTR.NUM children.DIM.GEN.SG

‘they took two children each on their knees’

‘они взяли к себе на колени по двое детей каждый’ [TKS 2013: 192]

2.3. Indefinite quantity

In the analysed texts, the partitive, as a rule, is used with an indefinite quantity, which is expressed in many ways, for example: **ённэ** *jēnne* ‘(how) many, (how) much’, **эйй ённэ** *ejj jēnne* ‘not much, not many; some, a few’, **вāнас** *vānas* ‘few’, **ёнамп** *jēnamp* ‘more’, **ёнмушша** *jēnmušša* ‘a little bit more’, **янаш** *jānaš* ‘most, majority’, **тэннверьт** *tēnnver't* ‘so many, so much’, **мэннверьт** *mēnnver't* ‘how many, how much’, **мённ-ля́ннч вёрьт** *mēnn-l'ānnč v'er't* ‘a few, some’, **югке** *jugk'e* ‘all sorts of’, **куэммерь** *kuemm'er'* ‘a handful’, **оммп пāххьк** *ōmmp pāhh'k* ‘a whole mountain’, **тйвт** *tīvt* ‘full of’, **нйльм тйвт** *n'all'm tīvt* ‘a mouth full’, **пэль** *p'ēl'* ‘half of something’, **альт** *al't* ‘around, about’ etc.

(9) Еннэ	лоанньтэ	кырьтэ	соннэ	вуэсста.
Jēnne	loann'te	kyr'te	sonn'e	vuessta.
many	bird.PART.SG	fly.3PST.SG	3SG.ILL	against

‘Many birds flew towards him.’

‘Много птиц летело ему навстречу.’ [ASL 2019: 70]

(10) Еннэ	тёнуькэ	онэ	Густав?
Jēnne	tēnū'ke	ōn'e	Gustav?
how much	money.PART.SG	spent.3PST.SG	Gustav.NOM

‘How much money did Gustav spend?’

‘Сколько денег потратил Густав?’ [TKS 2013: 38]

(11) леййп	суййнэ	ли	ённэ, а	чуххпедтэ	ли	вāнас
l'ejjp	sūjine	lī	jēnne, a	čūhhp"jedt'e	lī	vānas
harvest.PART.SG	3NPST.SG	many but	cradler.PART.SG	be.3NPST.SG	few	

‘the harvest is plentiful, but the workers are few’

‘жатвы много, а делателей мало’ [MPE 2022: 9, 37]

(12)	<i>мэнэ</i>	<i>эйй</i>	<i>әннэ</i>	<i>минутадтэ</i>
	<i>mēne</i>	<i>ejj</i>	<i>jēnne</i>	<i>minutadt'e</i>
	pass.3PST.SG	NEG.3SG	many	minute.PART.SG

‘a few minutes passed’

‘прошло несколько (не много) минут’ [TKS 2013: 54]

(13)	<i>сөнн</i>	<i>пыйель</i>	<i>йджясь</i>	<i>кәррьюэдта</i>	<i>блмп</i>	<i>пакь</i>
	<i>sōnn</i>	<i>pyj'el'</i>	<i>idž'as'</i>	<i>kār'r'juedta</i>	<i>ōmmp</i>	<i>pāk'</i>
	3SG.NOM	put.3PST.SG	REFL.3SG.ILL	plate.ILL.SG	whole	mountain.ACC.SG

нълксэдтэ

n'alksedt'e

sweets.PART

‘she put a whole mountain of sweets on her plate’

‘она наложила себе на тарелку целую гору сладостей’ [TKS 2013: 82]

(14)	<i>Горшкэсьт</i>	<i>түввт</i>	<i>шәннтэ</i>	<i>чәдзе.</i>
	<i>Goršhkest</i>	<i>tivvt</i>	<i>šennte</i>	<i>čadz'e.</i>
	pot.LOC.SG	full	be.3PST.SG	water.PART.SG

‘The pot filled with water.’

‘Горшок заполнился водой.’ [ASL 2019: 134]

(15)	<i>Чәдзе</i>	<i>тамьне</i>	<i>очтэдэ</i>	<i>роањк</i>	<i>райя.</i>
	<i>Čadz'e</i>	<i>tam'p'e</i>	<i>očtēde</i>	<i>roaŋ'k</i>	<i>rajja.</i>
	water.PART.SG	there	turn up.PST.3SG	waist.GEN.SG	to.POSTP

‘The water there was waist deep.’

‘Воды там оказалось по пояс.’ [TKS 2013: 58]

(16)	<i>пэль</i>	<i>кэссе</i>	<i>мэнэ</i>
	<i>p'el'</i>	<i>k'ēss'e</i>	<i>mēne</i>
	half	summer.PART.SG	pass.PST.3SG

‘half of the summer has passed’

‘прошла половина лета’ [SRS 1985: 252]

(17)	<i>А</i>	<i>пөррједтэ</i>	<i>лјайй</i>	<i>альт</i>
	<i>A</i>	<i>pōrr'jedt'e</i>	<i>l'ājy</i>	<i>al't</i>
	but	eater.PART.SG	be.PST.3SG	about.PREP
	<i>вјдтэ</i>	<i>тоафант</i>	<i>блмэдтэ</i>	
	<i>vudte</i>	<i>toāfant</i>	<i>ōllmedt'e</i>	
	five.PART.SG	thousand	person.PART	

‘But there were about five thousand persons eating’

‘А евших было около пяти тысяч человек’ [MPE 2022: 14, 21]

2.4. Together with some prepositions

Most pre- and postpositions are used with nouns in the genitive. However, I found at least nine prepositions which are used with nouns in the partitive:

а) **альт** *al't* ‘nearby, near’ — about place

- (18) *сõнн* *ялл* *альт* *школэдтэ*
sõnn *jäll* *al't* *školedt'e*
 3SG.NOM live.NPST.3SG near.PREP school.PART
 ‘he lives near the school’
 ‘он живёт около школы’ [SRS 1985: 24]

- (19) *Альт* *палаткэдтэ*
All't *palatkedt'e*
 near.PREP tent.PART
 ‘Near the tent’
 ‘Около палатки’ [TKS 2013: 168]

- (20) *алльт* *рүввьт* *чүххкэ* *станциедтэ*
all't *rüvv't* *čühhke* *stancijedt'e*
 near.PREP railway.ADJ station.PART.SG
 ‘near the railway station’
 ‘у железнодорожной станции’ [TKS 2013: 131]

б) **альт** *al't* ‘around’ — about time

- (21) *альт* *ажян* *ыге*
al't *až'an* *yg'e*
 about.PREP father.GEN.SG.POSS.1 year.PART.PL
 ‘around my father’s age’
 ‘примерно в возрасте моего отца’ [VP 1996: 47]

- (22) *Тэйта* *пассьнийвэ* *алльт* *ый* *аййкэ*
Tejta *pass'rijve* *all't* *uj* *ajjke*
 this.ACC.PL sunday.GEN.PL around.PREP night our.PART.SG
ланнь, *коашиштэдэ,* *ногкэ*
lann', *koāšštēde,* *nogke*
 city.NOM.SG seem.PST.3SG doze.INF
 ‘In these Sunday night hours, the city seemed to be dozing’
 ‘В эти воскресные предночные часы город, казалось, дремал’
 [TKS 2013: 92]

- (23) Я *авта* *выйтэ* *альт* *кудант* я
Ja *avvta* *vujte* *al't* *kudant* ja
and again leave.PST.3SG around.PREP six.ORD and
ахцант **чассэ**
ahhcant **časse**
nine.ORD clock.PART.SG
‘And (he) again left around six and nine o'clock’
‘И (он) опять вышел около шестого и девятого часа’ [MPE 2022: 20, 5]

с) вўсьт *vūs't* ‘opposite, against’

- (24) вўйе *вўсьт* **выррьтэ**
vij'e *vūs't* **vurr'te**
swim.INF against.PREP flow.PART.SG
‘to swim against the flow’
‘плыть против течения’ [SRS 1985: 58]
- (25) Кё *элля* *Мунэнь,* *тэдт* *лй*
K'e *ellja* *Munen'* *tedt* *li*
who.NOM.SG be.NEG.NPST.3SG 3SG.COM that.NOM.SG be.NPST.3SG
вўсьт **Муннэ**
vūs't **Munne**
against.PREP 3SG.PART
‘Whoever is not with Me is against Me’
‘Кто не со Мною, тот против Меня’ [MPE 2022: 12, 30]
- (26) Сөнн *ыштэ* *скамейка* *эл* *вўсьт* *муннэ*
Sönn *yšte* *skamejka* *el* *vūs't* *munne*
3SG.NOM sit.PST.3SG bench.GEN.SG on.POSTP opposite.PREP 1SG.PART
‘She sat down on the bench opposite me’
‘Она села на скамейку напротив меня’ [TKS 2013: 215]

д) вэсьт *ves't* ‘near, against, on’ — about place

- (27) сўйе *вэсьт* **стённэ**
söj'e *ves't* **st'enne**
lean.INF against.PREP wall.PART.SG
‘lean against the wall’
‘прислониться к стене’ [SRS 1985: 325]
- (28) *мудта* *вэстэнь* *Сөн* *вэсьт* *кэййнэ*
tudta *vessten'* *Sönn* *ves't* *käjjpe*
other.NOM.PL hit.PST.3PL 3SG.ACC on.PREP chin.PART.SG
‘others hit Him on the chin’
‘другие же ударили Его по подбородку’ [MPE 2022: 26, 67]

- (29) Чăдзъ мĕлкнесьт ляшкэнът вэсьт **рыннтэ.**
Čādź’ mĕlkn’es’t l’āšken’t ves’t rynn̄te.
 water.NOM.SG quietly.ADV splash.PST.3SG against.PREP shore.PART.SG
 ‘The water quietly splashed against the shore.’
 ‘Вода тихо плескалась о берег.’ [TKS 2013: 171]

е) вэсьт *ves’t* ‘before’ — about time

- (30) Мэйт-ляннч мун роауњък сёрр, зу
Měj̄t-l’ānnč tun roaŋŋ’k sēr̄r gu
 somehow 3SG.GEN body.NOM.SG play.NPST.3SG. like
 вэсьт **туаррэ?**
ves’t tuarre?
 before.PREP fight.PART.SG
 ‘Somehow my body is acting like it’s before a fight?’
 ‘Что-то тело моё играет, будто перед боем?’ [TOL 2017: 39]

- (31) вэсьт **нагъруввэдтэ**
ves’t nag’ruvvedt’e
 before.PREP falling asleep.PART
 ‘before falling asleep’
 ‘перед сном’ [TKS 2013: 186]

ф) маңа *taŋŋa* ‘after’

The preposition *taŋŋa* is usually used with nouns and numerals in the locative:

- (32) сөнн маңа кэбэсьт роавасмэ
sōnn taŋŋa kēbes’t roavasme
 3SG.NOM after.PREP illness.LOC.SG be stronger.PST.3SG
 ‘he got stronger after his illness’
 ‘он окреп после болезни’ [SRS 1985: 293]

However, in the analysed material *taŋŋa* also appears with nouns in the partitive.

- (33) маңа лоссесь кэбнэ сөнэсьт кăссь
taŋŋa lōss’es’ kēbre sōnes’t kăssv
 after.PREP serious.ADJ illness.PART.SG 3SG.LOC face.NOM.SG
 ёмьнелувэ
jēt̄m’n’eluve
 be like earth.PST.3SG
 ‘after a serious illness his face became sallow’
 ‘у него после тяжёлой болезни лицо стало землистым’ [SRS 1985: 80]

(34) <i>Нымьп</i>	<i>пэйв,</i>	<i>кү</i>	<i>ёадт</i>	<i>маңуа</i>
<i>Нут'р</i>	<i>р'эјв</i>	<i>кй</i>	<i>joadt</i>	<i>таңа</i>
next.GEN.SG	day.GEN.SG	which.NOM.SG	come.NPST.3SG	after.PREP
<i>пётнэц</i>	<i>пэййвэ</i>			
<i>р'этнес</i>	<i>р'эјјве</i>			
Friday.ADJ	day.PART.SG			

'The next day, the one following Friday'

'На другой день, который следует за пятницею' [МРЕ 2022: 27, 62]

See also examples (57) and (80).

g) маҗельт *таҗел't* 'behind'

The partitive is also used together with the preposition *таҗел't*.

(35) <i>маҗельт</i>	<i>муннэ</i>	<i>чуэннчель</i>
<i>таҗел't</i>	<i>тинне</i>	<i>џиеннџ'ел'</i>
behind	1SG.PART	stand.IMP.SG
'stand behind me'		
'встань позади меня' [SRS 1985: 183]		

(36) <i>Оаһка</i>	<i>маҗельт</i>	<i>муннэ</i>	<i>вэннэсыт</i>	<i>чунче</i>
<i>Оаһка</i>	<i>таҗел't</i>	<i>тинне</i>	<i>vənnəsət</i>	<i>čunč'e</i>
grandmother.NOM.SG	behind.PREP	1SG.PART	boat.LOC.SG	stand.PST.3SG
'My grandmother was standing behind me in the boat.'				
'Бабушка сзади меня в лодке стояла.' [ЏУ 2017: 35]				

h) окромья *окром'а* 'except, besides, in addition to'

In Antonova's translation of *Pippi Longstocking* [TKS 2013] into Kildin Saami there are 19 examples with the Russian loanword *окром'а*, which also is represented in older texts translated by Antonova from Russian into Kildin Saami.

(37) <i>окромья</i>	<i>Айлэдтэ</i>	<i>мыннэ</i>	<i>никенн</i>	<i>йбе</i>
<i>окром'а</i>	<i>Ајледт'е</i>	<i>тунн'е</i>	<i>ni-k'enn</i>	<i>ib'e</i>
except	Ajla.PART	1SG.ILL	NEG-who.ACC.SG	need.NEG.NPST.3SG
'I don't need anyone except Ajla'				
'кроме Айлы никого не надо мне' [KL 2003: 119]				

(38) <i>Купасьт</i>	<i>эллиј</i>	<i>нике,</i>
<i>кupas't</i>	<i>ellij</i>	<i>nik'e</i>
compartment.LOC.SG	be.NEG.PST.3SG	NEG-who.NOM.SG
<i>окромья</i>	<i>муннэ</i>	

- (43) *Мунн* *вӯлкхэла* *тїнэнтэ,* *зу* *лэммпсэнтэ*
Munn *vũlkhela* *tīnet'* *gu* *lāmpset'*
 1SG.NOM send.NPST.1SG 2PL.ACC like sheep.ACC.PL
кэскэсыт ***наллтсэдтэ***
keskes't ***palltsedt'e***
 among.PREP wolf.PART
 'I am sending you out like sheep among wolves'
 'Я посылаю вас, как овец среди волков' [MPE 2022: 10, 16]

- (44) *Кэскэсыт* *израильскэ* *нӯрр* ***пәррнэдтэ***
keskes't *izrail'ske* *nũrr* ***pārrnedt'e***
 among.PREP Israelite.ADJ young.ADJ children.PART
 'Among the Israelite youth'
 'Между израильскими отроками' [PB Daniil 1:3-20]

2.5. In some stable constructions with the postposition *мїллэте mill'te* 'by, according to'

Although the postposition *mill'te*, as a rule, is used with nouns in the genitive, there are some stable constructions where *mill'te* requires nouns in the partitive case.

- (45) *пәрршэнч* ***нэммэ*** *мїллэте* *Момо*
pārr'shenč ***nēmtte*** ***mill'te*** *Motō*
 boy.DIM.NOM.SG name.PART.SG by Momo
 'a boy named Momo'
 'мальчик по имени Момо' [TKS 2013: 251]
- (46) *Сонн* *тоннэ* ***мїллэ*** ***мїллэте*** *ли?*
Sōnn *tonn'e* ***mille*** ***mill'te*** *li?*
 3SG.NOM 2SG.ILL mind.PART.SG according to be.3NPST.SG
 'Do you like him?'
 'Он тебе нравится?' [KL 2003: 99]
- (47) *Йммьле* *эфт* *лї* ***вїгкэ*** ***мїллэте***
Īmm'le *eft* *lī* ***vīgke*** ***mill'te***
 God.SG.ILL one.GEN.SG be.3NPST.SG power.PART.SG by
 'God alone has the power to do this'
 'Богу одному (это) по силам' [MPE 2022: 19, 26]

2.6. In comparison

As a rule, the partitive is used together with the comparative forms of adjectives and adverbs.

- (48) *сõнн* *шэнтэ* *суэнä* **чäдзэ** *я*
sõnn *šente* *suen'a* **čädz'e** *ja*
 3SG.NOM become.PST.3SG quiet.CPR water.PART.SG and
вўльга **рассе**
vull'ga **rass'e**
 low.CPR grass.PART.SG
 'he became quieter than water and lower than grass'
 'он стал тише воды, ниже травы' [TKS 2013: 159]
- (49) *түн* *шалльт* *элля* *нюэзя*
tün *šall't* *ell'a* *n'uez'a*
 2PL.GEN floor.NOM.SG be.NEG.NPST.3SG bad.CPR
мун **шалльтэ**
tun **šall'te**
 1SG.GEN floor.PART.SG
 'your floor is not worse than my floor'
 'ваш пол не хуже моего пола' [KL 2003: 127]
- (50) (*сõнн*) *äйка* **муннэ** *вйджэмэнь* *пудэ*
 (*sõnn*) *äjka* **tunne** *vidž'men'* *pu'de*
 (3SG.NOM) early.CPR 1SG.PART run.GER arrive.PST.3SG
 '(he) arrived running earlier than me'
 '(он) раньше меня прибежал' [SRS 1985: 368]

2.7. Agreement between numerals and nouns in the partitive

Even in modern Kildin Saami texts numerals often agree with nouns in the partitive.

- (51) *мүнэнь* *тэста* *луэмэсьт* *элля* *вәнä*
münen' *testa* *luemes't* *ell'a* *vän'a*
 1PL.LOC here cave.LOC.SG be.NEG.NPST.3SG few.CPR
выдтэ-кудтэ **литрэдтэ** **кälльче**
vudte-kudte **litred'te** **käll'č'e**
 five-six.PART.SG litre.PART pearl.PART.SG
 'we have at least five to six litres of pearls here in the cave'
 'у нас здесь в пещере не меньше пяти-шести литров жемчужин'
 [TKS 2013: 266]
- (52) *А* *пõррөедтэ* *ляйй* *альт*
А *rõrr'jed'te* *l'äjj* *al't*
 but eaters.PART be.PST.3SG almost.PREP
выдтэ тоäфант **õллмэдтэ**

*vydte toāfant**ōllmedt'e*

five.PART.SG thousand person.PART

'But there were almost five thousand persons eating'

'А вѣших было около пяти тысяч человек' [MPE 2022: 14, 21]

(53) *альт**кōллмэ**чассэ**al't**kōllme**časse*

around

three.PART.SG

clock.PART.SG

'around three o'clock'

'около трёх часов' [MPE 2022: 20, 3]

2.8. Determination of nouns in the locative

As already mentioned by Halász [1883: 13] and Itkonen [1973: 291, 292, 297], also in modern written Kildin Saami, the partitive is used with numeral attributes that determine nouns in the locative.

(54) *кōллмэ**набпань**кӯххт**вэсьт**мӯррэ**kōllme**nappan'**kūhht**ves't**mūrre*

three.PART.SG

cup.DIM.LOC.PL

two.NOM

at.PREP

tree.PART

*поабпхэнь**я**мурртъень**poabphen'**ja**murrt'jen'*

hit.PST.3PL

and

break.PST.3PL

'of three cups two hit the tree and broke.'

'из трех чашек две ударились о ствол и разбились.' [TKS 2013: 49]

(55) *лōссэ**лӯ**пыйнэ,**кōллмэ**каруселесът**lösse**li**rujne,**kōllme**karus'el'es't*

hard.ADV

be.NPST.3SG

decide.INF

three.PART.SG

carousel.LOC.SG

*манътэ**каруселесът**быдт**кадтъедтэ**tan'te**karus'el'es't**bydt**kadt'jedte*

which

carousel.LOC.SG

need

ride.INF

'it's hard to decide which of the three carousels you need to ride'

'трудно решить, на какой из трех каруселей надо кататься'

[TKS 2013: 150]

(56) *маңуа**кōллмэ**пөйвэсьт**ялльа**taŋŋa**kōllme**p'ejves't**jäll'ja*

after

three.PART.SG

day.LOC.SG

revive.NPST.1SG

'after three days I will revive'

'после трех дней воскресну' [MPE 2022: 27, 63]

(57) *маңуа**кӯдтэ**пөйвэсьт**taŋŋa**kudte**p'ejves't*

after six.PART.SG day.LOC.SG
 ‘after six days’
 ‘по прошествии дней шести’ [МРЕ 2022: 17, 1]

3. The formation of the partitive case in Kildin Saami

So far, no description about the morphological formation of the partitive has been given. Halász [1883: 7, 8] mentions the partitive singular suffixes **-d**, **-etted**, **-eitted** and the partitive plural suffixes **-ijt**, **-it**, **-ij**, **-ij**, **-j** in his grammar sketch. He gives examples from Genetz’s translation of the *Gospel of Matthew* [1883: 7, 8], which was the only source for his analysis¹⁰.

Most of the examples for Kildin Saami partitive forms in Itkonen’s article [1973] are taken from Halász [1883] and Genetz [1878], but Itkonen also presents some examples from Kert and Szabó, as well as from his own Kildin Saami informant who spoke the Shonguy dialect, recorded in 1943–1944 [Itkonen 1973: 307]. All these informants use the partitive suffixes **-e / -je** and **-edt’e / -jedt’e**.

¹⁰ Compared with the partitive suffixes **-e / -je** and **-edt’e / -jedt’e**, used by Kildin Saami speakers from Shonguy, Voron’ye, Lovozero and other places, nearer to the central Kola peninsula, the suffixes **-d**, **-etted**, **-eitted** in Genetz’s and Halász’s publications are more similar to the partitive suffixes used in Skolt Saami, which is spoken in the western part of the peninsula [for examples see Feist 2010: 249, 250]. As already noted by Itkonen [1973: 302], Genetz does not give any information about the place of origin of his informant, who translated the Kildin Saami part of the *Gospel of Matthew* and who also was his Kildin Saami language teacher. Genetz only writes that his informant was “a real Kildin Lapp” (“ein echter Kildinischer Lappe”), who understood the Russian language quite well but was not used to writing in Russian. Because of his low salary as community leader in the town of Kola, the work teaching Genetz and translating the Gospel was quite lucrative for him [Genetz 1891: XVIII]. It is possible that Genetz’s informant spoke a more western dialect of Kildin Saami with some influences from Skolt Saami, or was a speaker of Skolt Saami who also knew the Kildin Saami language.

According to Endyukovskiy [1937: 143] only some Kola Sami nouns can generate the partitive case, other nouns generate genitive plural forms, which fulfil partitive functions but are not partitive forms. Endyukovskiy assumes that the partitive case is generated with the suffix *-eđte* or *-əđte*, whereas the suffixes *-e*, *-ə*, *-ej*, *-əj*, *-aj* mark the genitive plural forms. Genitive plural forms that fulfil partitive functions are considered by Endyukovskiy to be a mixed “genitive-partitive case”. Kert [1971: 162] takes a similar position and denominates nouns that fulfill partitive functions and have the suffixes *-je*, *-e* as genitive nouns, which are mixed up with the partitive.

(58) <i>k'izem</i>	<i>paltseddε</i>	<i>čud' d'</i>	<i>p'ez'e</i>
seven	wolf.PART	hundred	pine.GEN.PL
'seven wolfs'		'hundred pines'	
'семь волков'		'сто сосен' [Kert 1971: 171]	

Both Szabó [1984: 143–146] and Kuruch [1985: 545] assume that the partitive and the genitive plural are used with numerals higher than six:

(59) <i>bıdD</i>	<i>mıjıje</i>	<i>koppče</i>	<i>čudD</i>	<i>keřsedDe</i>	<i>i</i>
need	1PL.ILL	gather.INF	hundred	sledge.PART	and
<i>čudD</i>	<i>jeřke</i>				
hundred	bull.GEN.PL				
'We need to gather a hundred sledges and a hundred bulls.'					
'Нам нужно собрать сто керёж и сто быков.' [Szabó 1984: 146]					

(60) <i>kāxıı</i>	<i>nalmtcədmə</i>	<i>kydžemь</i>	<i>kūscce</i>
<i>kāhıhc</i>	<i>palltsedte</i>	<i>kydž'em'</i>	<i>kūss'e</i>
eight	wolf.PART	seven	guest.GEN.PL
'eight wolves'		'seven guests' ¹¹	
'восемь волков'		'семь гостей' [Kuruch 1985: 545]	

Itkonen [1973], on the other hand, interprets the forms with the suffix *-je(d)*, *-e(d)* as partitive forms.

(61) <i>tšıđı-</i>	<i>tšıərvest</i>	<i>leäı - -</i>	<i>jięna</i>	<i>tieıŋGe</i>
Chud	chief.LOC.SG	be.PST.3SG	a lot	money.PART

¹¹ In Kuruch's grammar sketch *kydžemь kūscce* (*kydž'em' kūss'e*) 'seven guests' is wrongly translated as 'seven spruces' — *kydžemь kūscce* (*kydž'em' kūsse*) and vice versa.

‘the chief of the Chudes had a lot of money’
 ‘у вождя чуди было много денег’ [Itkonen 1973: 305]

Sammallahti and Hvorostuhina [1991: 79–82] as well as Rießler [2022: 225] follow Itkonen’s interpretation and show nouns with the suffix **-je**, **-e** in their grammatical paradigms as partitive forms.

My own studies on the partitive in modern Kildin Saami literature confirm Itkonen’s position about two different partitive suffixes in Kildin Saami and contradict Endyukovskiy’s and Kert’s hypothesis about a “mixed genitive-partitive case”, as well as Szabó’s and Kuruch’s assumption about the use of the genitive plural to fulfil partitive functions.

In the analysed Kildin Saami text material the two partitive suffixes **-edt’e/-edt’e/-edt’e** and **-e/-e/-e** are used depending on the word stem. In earlier research it has been stated that the Kildin Saami partitive appears as a single form that is used to express both singular and plural referents [Kert 1971: 162; Szabó 1984: 143; Koivunen 2022: 84]¹². However, my analysis shows that both singular and plural forms of the partitive are used in modern Kildin Saami.

3.1. The partitive suffix **-e/-e/-e (-э/-э/-э)**

Mono- and disyllabic consonant stems that end with one long consonant or two consonants (either one long + one short or two short consonants) in the nominative singular as a rule take the partitive suffix **-e/-e/-e (-э/-э/-э)** and have different forms for singular and plural referents. The partitive stem that expresses singular referents is identical with the nominative singular stem. The partitive stem that expresses plural referents is identical to the genitive stem (see Table 1).

¹² According to Nielsen [1928: 168] and Kont [1967: 2] the historical eastern Saami partitive plural form became an accusative plural form and is used with accusative plural functions, while the historical partitive singular form is used to express partitive functions for both singular and plural referents. Halász [1883: 7, 8] describes the forms with the suffixes **-ijt**, **-it**, **-ij**, **-ij**, **-j** and partitive functions in Genetz’s translation of the *Gospel of Matthew* [1883] as partitive plural forms. They partly coincide with the accusative plural forms used in the same text.

Table 1. Mono- and Disyllabic nouns ending with one long or two consonants in the nominative singular

Nom. Sg.	Gen. Sg.	Gen. Pl.	Part. Sg.	Part. Pl.
пэррт pēr̥rt	пэрт pɛrt	пэртэ pɛtɛ	пэрртэ pēr̥rtɛ	пэртэ pɛtɛ
эгк jogk	өг jog	эгэ jogɛ	эгкэ jogkɛ	эгэ jogɛ
ланнь lann̥	лань lan̥	лэнэ len̥ɛ	ланнэ lann̥ɛ	лэнэ len̥ɛ
пāххьк pāhh̥'k	пākь pāk̥	поāке poāk̥'ɛ	пāххькэ pāhh̥'kɛ	поāке poāk̥'ɛ
аджь adʒ̥	ажь aʒ̥	эже eʒ̥'ɛ	адже adʒ̥'ɛ	эже eʒ̥'ɛ
пөррмушш pōrrmušš	пөррмуш pōrrmuʒ̥	пөррмушэ pōrrmuʒɛ	пөррмушшэ pōrrmuššɛ	пөррмушэ pōrrmuʒɛ
кāньцвудт kān̥'cvudt	кāньцвуд kān̥'cvud	кāньцвудэ kān̥'cvudɛ	кāньцвудтэ kān̥'cvudtɛ	кāньцвудэ kān̥'cvudɛ
күсс küss	күз küz	күзэ küzɛ	күссэ küsse	күзэ küzɛ
күссь küss̥	күссь küss̥	күссе küss̥'ɛ	күссе küss̥'ɛ	күссе küss̥'ɛ
вёкьхэй vėk̥'hɛj	вёкьхэй vėk̥'hɛj	вёкьхэе vėk̥'hɛjɛ	вёкьхэе vėk̥'hɛjɛ	вёкьхэе vėk̥'hɛjɛ
торт tort	торт tort	тортэ tortɛ	тортэ, торртэ tortɛ, torrte	тортэ tortɛ
комод komod	комод komod	комодэ komodɛ	комодтэ komodtɛ	комодэ komodɛ

Except for some loanwords and other nouns without consonant gradation, the partitive singular form has the strong grade and has no vowel changes. The partitive plural form has the weak grade and can have vowel changes. Both partitive singular and partitive plural forms are used in typical partitive functions (see Table 1).

On the other hand, the genitive plural form, which is morphologically identical to the partitive plural form, serves typical genitive functions.

The suffix *-e/-e/-e* can either be a partitive suffix that generates partitive singular and partitive plural forms, which are used with typical partitive functions (see 62, 63, 64a, 67, 70a, 70b, 71a, 71b, 72a, 72b), or a genitive plural suffix that generates genitive plural forms, which are used with typical genitive functions (see 64b, 70c, 71c, 72c).

The partitive singular form is used exclusively with *numerals over six*, with *distributive numerals* and with *indefinite quantity*:

(62) *вāлльтэ* *лоагкь* *мāррькэ*
vāll'te *loagk'* *māřř'ke*
 take.INF ten.NOM ruble.PART.SG
 'to get ten rubles'
 'получить десять рублей' [SRS 1985: 184]

(63) *Пэре* *ēннэ* *лū* *мугка* *кēддъкэ* *чāрэсьт*
Per'e *jēnne* *lī* *tugka* *k'ēdd'ke* *čāres't*
 very many be.NPST.3SG such stone.PART.SG tundra.LOC.SG
 'There are many such stones in the tundra'
 'Очень много таких камней в тундре' [TOL 2017: 64]

See also examples (6) and (7).

Partitive singular and genitive plural forms are morphologically only identical in some loanwords and derivations which have no consonant and vowel gradation.

(64) a. *ēннэ* *тортэ*
jēnne *torte*
 many cake.PART.SG
 'many cakes'
 'много тортов' [TKS 2013: 190]

b. *тортэ* *лэгк*
torte *lēgk*
 cake.GEN.PL smell.NOM.SG
 'the smell of the cakes'
 'запах тортов'

Disyllabic nouns ending with *-j (-й)* in the nominative singular and which are derived from derivative verbs that end on a combination of a consonant and a vowel, like *-he*, *-se*, *-ne*, *-še (-хэ, -сэ, -нэ, -шэ)* etc., also take the partitive suffix *-e (-э)*:

(65) <i>вѣкъ-хэ</i>	>	<i>вѣкъ-хэ-й</i>	>	<i>ѣннэ</i>	<i>вѣкъ-хэ-е</i>
<i>vĕk'-he</i>	>	<i>vĕk'-he-j</i>	>	<i>jĕnne</i>	<i>vĕk'-he-j-e</i>
help.INF	>	helper.NOM.SG	>	many	helper.PART
'to help'		'helper'		'many helpers'	
'помогать'		'помощник'		'много помощников'	
(66) <i>вуэль-сэ</i>	>	<i>вуэль-сэ-й</i>	>	<i>ѣннэ</i>	<i>вуэль-сэ-е</i>
<i>vuĕr'-se</i>	>	<i>vuĕr'-se-j</i>	>	<i>jĕnne</i>	<i>vuĕr'-se-j-e</i>
teach.INF	>	teacher.NOM.SG	>	many	teacher.PART
'to teach'		'teacher'		'many teachers'	
'воспитывать'		'воспитатель'		'много воспитателей'	

An example from the texts:

(67) <i>пайла</i>	<i>кырьихэ</i>		<i>я</i>	<i>фарисее</i>
<i>pajjla</i>	<i>kyr'jheje</i>		<i>ja</i>	<i>farisee</i>
high.CPR	teacher of the law.PART.PL		and	Pharisee.PART.PL
'higher than the teachers of the law and the Pharisees'				
'выше книжников и фарисеев' [МРЕ 2022: 5, 20]				

Native speakers don't use the partitive suffix *-edt'e/-'edt'e/-'edt'e* with the kind of nouns presented in Table 1.

(68) <i>мунн</i>	<i>сѳн</i>	<i>ѣссытэ</i>		<i>вэсьт</i>	<i>нѳррэдтэ*</i>
<i>munn</i>	<i>sōn</i>	<i>ĕss'te</i>		<i>ves't</i>	<i>pĕr'rdedt'e*</i>
1SG.NOM	3SG.ACC	catch up.PST.1SG		by.PREP	house.PART
'I caught up with him by the house'					
'я догнал его около дома'					
(69) <i>Пэре</i>	<i>ѣннэ</i>	<i>лй</i>	<i>мугка</i>	<i>кѣддькэдтэ*</i>	<i>чърэсьт</i>
<i>Per'e</i>	<i>jĕnne</i>	<i>lī</i>	<i>tugka</i>	<i>k'ĕdd'kedt'e*</i>	<i>ĉares't</i>
very	many	be.NPST.3SG	such	stone.PART	tundra.LOC.SG
'There are many such stones in the tundra'					
'Очень много таких камней в тундре'					

If the partitive forms of this kind of noun once had the suffix *-edt'e/-'edt'e/-'edt'e*, and this suffix had been replaced with the genitive plural suffix *-e/-'e/-'e* due to influences from Russian, then we would find relicts of this. But I could not find such relicts either in modern Kildin Saami texts or in transcriptions of older records.

Together with *comparative* as well as with *pre-* and *post-*positions which require the partitive, both partitive singular and partitive plural forms are used.

- (70) а. *Мунн* *кīд* *чүзхэ* *вэсьт* *кēддѣкэ*
Munn *kīd* *čūzhe* *ves't* *k'ēdd'ke*
 1SG.NOM hand.ACC.SG hurt.PST.1SG on.PREP stone.PART.SG
 'I hurt my hand on a stone'
 'я ушиб руку о камень' [SRS 1985: 401]
- б. *Нэмн* *вэсьт* *кīдѣкэ* *мурртсэлленѣ*
netp *ves't* *k'īd'ke* *murrtsellen'*
 wave.NOM.PL on.PREP rock.PART.PL crash.PST.3PL
 'the waves crashed on the rocks'
 'волны о камни разбивались' [ASL 2019: 314]
- с. *Кырьйнэз* *кīдѣке* *альн*
Kur'jnez *kīd'ke* *al'n*
 painting.NOM.PL stone.GEN.PL on.POSTP
 'The paintings on the stones'
 'Рисунки на камнях' [ASL 2019: 308]
- (71) а. *кэллт* *рэвэ* *вэсьт* *юллькэ*
kēllt *rēve* *ves't* *jūll'ke*
 log.NOM.SG bounce.PST.3SG into.PREP leg.PART.SG
 'the log bounced off onto the leg'
 'полено отскочило в ногу' [SRS 1985: 307]
- б. *коазя* *пуэрхадт* *вэсьт* *юлькэ*
koaz'a *puerhadt* *ves't* *jūl'ke*
 kitten.DIM.NOM.SG rub.NPST.3SG at.PREP leg.PART.PL
 'the kitten is rubbing at the legs'
 'котёнок трётся у ног' [SRS 1985: 274]
- с. *рыһп* *рэвэ* *юлькэ* *вүлленѣ*
ryhp *rēve* *jūl'ke* *vüll'en'*
 partridge.NOM.SG fly.PST.3SG foot.GEN.PL under.PREP.LOC
 'the partridge flew out from under my feet'
 'куропатка взлетела из-под ног' [SRS 1985: 307]
- (72) а. *Пэря* *тэнн* *лоăддвэ* *элля*
Per'a *tenn* *loăddve* *ell'a*
 good.CPR this.GEN.SG medicine.PART.SG be.NEG.NPST.3SG
ними
nimi
 nothing.NOM.SG
 'nothing is better than this medicine'
 'лучше этого лекарства нет' [TKS 2013: 214]
- б. *сѡнн* *коашштадт* *пуаррса* *йжесѣ* *ыге*
sōnn *koasštadt* *puarrrsa* *īž'es'* *yg'e*
 3SG.NOM seem.NPST.3SG old.CPR REFL.3SG.GEN year.PART.PL

‘he seems older than his years’
 ‘он кажется старше своих лет’ [SRS 1985: 119]
 с. мѣннэв ыгъ ыге мѣлльтэ
 tēnnev ug’ yg’e mill’te
 go.NPST.3PL year.NOM.PL year.GEN.PL by.POSTP
 ‘the years go by’
 ‘идёт год за годом’ [SRS 1985: 191]

Comparing the partitive forms with the genitive plural forms in Genetz’s translation of the *Gospel of Matthew*, we can see a clear difference between them:

Partitive forms have the suffix **-d/-t**:

(73) Уэпсуввэй илля шурямп уэнсейед
 Uepsuvvej ill’a šur’amp uerp’sej’ed
 student.NOM.SG be.NEG.NPST.3SG high.CPR teacher.PART.SG
 ‘The student is not above the teacher’
 ‘Ученик не выше учителя’ [Genetz 1878: 10:24]

Genitive plural forms have the suffix **-e/-je** or **-i/-j**:

(74) Вилшеккед альм лоньдй элэ
 Vilšhekked al’m lon’dij ele
 look.IMP.PL sky.GEN.SG bird.GEN.PL at.POSTP
 ‘Look at the birds in the sky’
 ‘Взгляните на птиц небесных’ [Genetz 1878: 6:26]

In modern Kildin Saami texts there is no **-d/-t** in the partitive suffix for these types of nouns, therefore it’s not always possible to distinguish the partitive forms from genitive plural forms of this type of noun. The differentiation can only be made by looking at the context and the functions of the different forms:

(75) Охпнуввэй элля паййла вуэньсэе
 Ohnpuvvej ell’a pajjla vuer’sjeje
 student.NOM.SG be.NEG.NPST.3SG high.CPR teacher.PART.SG
 ‘The student is not above the teacher’
 ‘Ученик не выше учителя’ [MPE 2022: 10, 24]

(76) Вылъшэгке алльм лоньтэ эл
 Vyl’šheg’ke all’m lon’te ēl
 look.IMP.PL sky.ADJ bird.GEN.PL at.POSTP
 ‘Look at the birds in the sky’
 ‘Взгляните на птиц небесных’ [MPE 2022: 6, 26]

There is an interesting example in [TKS 2013] where in the translation process two possible translation variants have been mixed in the same sentence: one with the preposition *al't* which requires the partitive, and one with the postposition *lunn'*, which requires the genitive. When preparing the manuscript for publication, the translator and the editor overlooked this double pre-/postposition, which both match the dependent noun:

Variant with partitive plural:

(77) а.	<i>пэрьмусс</i>	<i>кāvьн</i>	<i>алльт</i>	<i>ōллмэ</i>	<i>ēллей</i>
	<i>per'muss</i>	<i>kāv'n</i>	<i>all't</i>	<i>ōllme</i>	<i>jēll'ej</i>
	good.SUP	thing.NOM.PL	near by.PREP	people.ADJ	living.ADJ
	<i>пэртэ</i>	<i>(луннь)</i>	<i>пай</i>	<i>вальедтэв</i>	
	<i>per'te</i>	<i>(lunn')</i>	<i>raj</i>	<i>val'jedtev</i>	
	house.PART.PL		always	lie.NPST.3PL	
	‘the best things are always lying near houses where people live’				
	‘лучшие вещи всегда валяются вблизи человеческих жилых домов’ [TKS 2013: 21]				

Variant with genitive plural:

в.	<i>пэрьмусс</i>	<i>кāvьн</i>	<i>(алльт)</i>	<i>ōллмэ</i>	<i>ēллей</i>
	<i>per'muss</i>	<i>kāv'n</i>	<i>(all't)</i>	<i>ōllme</i>	<i>jēll'ej</i>
	good.SUP	thing.NOM.PL		people.ADJ	living.ADJ
	<i>пэртэ</i>	<i>луннь</i>	<i>пай</i>	<i>вальедтэв</i>	
	<i>per'te</i>	<i>lunn'</i>	<i>raj</i>	<i>val'jedtev</i>	
	house.GEN.PL	near.POSTP	always	lie.NPST.3PL	
	‘the best things are always lying near houses where people live’				
	‘лучшие вещи всегда валяются около человеческих жилых домов’ [TKS 2013: 21]				

3.2. The partitive suffix *-edt'e/-'edt'e/* *-'edt'e (-эдтэ/-эдтэ/-едтэ)*

Nouns and verbal nouns with disyllabic consonant stems that ending on one short consonant or on a vowel in the nominative singular as a rule take the partitive suffix *-edt'e/-'edt'e/* *-'edt'e (-эдтэ/-эдтэ/-едтэ)*, which is used to express both singular and plural referents. For these nouns the partitive stem is identical to the accusative/genitive stem (see Table 2).

Table 2. Disyllabic nouns ending with one short consonant or on a vowel in the nominative singular

Nom. Sg.	Gen. Sg.	Gen. Pl.	Part.
олма olma	ōллмэ ōllme	ōллмэе ōllmeje	ōллмэдтэ ōllmedt'e
пāррнэ pārgne	пāррнэ pārgne	пāррнэ(е) pārgnej(e)	пāррнэдтэ pārrnedt'e
лūмь lūm'	луэмман luemman	луэммнэ(е) luemmne(je)	луэммнэдтэ luemmnedt'e
кāллесь kāl'es'	кāллас kāllas	кāллсэ(е) kāllse(je)	кāллсэдтэ kāllsedt'e
нызан nyzan	нызан nyzan	нызнэ(е) nyzne(je)	нызнэдтэ nyznedt'e
пēссэм pēssem	пēссэм pēssem	пēссмэ pēs sme	пēссмэдтэ pēsmedt'e
кабперь kab'p'er'	кабперь kab'p'er'	кабпье(е) kabp'r'e(je)	кабпьерэдтэ kabp'r'edt'e
ōххпэй ōhhpej	ōххпэй ōhhpej	ōххпье ōhhp"je	ōххпьерэдтэ ōhhp"jedt'e
ēллей jell'ej	ēллей jell'ej	ēллье jell'je	ēлльедтэ jell'jedt'e

- (78) Тамъне нике эллинче, окромя пāррнэдтэ
 Tam'pe nik'e ellinnče, okrom'a pārrnedt'e
 there nobody.NOM.SG be.NEG.FUT.3SG. except children.PART
 я эй ённэ нызнэдтэ.
 ja ejj jēnne nyznedt'e.
 and NEG.3SG many woman.PART
 'Nobody will be there, except the children and some women.'
 'Там никого не будет, кроме детей и нескольких женщин.'
 [TKS 2013: 262]

- (79) ēллмантэсът нюэзя пāррнэдтэ элля ними
 ēllmant'es't n'uez'a pārrnedt'e ell'a nimi
 world.LOC.SG disgusting.CPR children.PART be.NEG.NPST.3SG nothing
 'there is nothing more disgusting in the world than children'
 'на свете нет ничего противнее детей' [TKS 2013: 207]

- (80) *Мауна* *рōстәнейв* *каникуләдтә*
Маһна *rōstep'ejv* *kanikuledt'e*
 after.PREP Christmas.ADJ holiday.PART
 'After the Christmas holidays'
 'После рождественских каникул' [TKS 2013: 42]
- (81) *Пәря* *вухпъедтә,* *мәнн* *мун* *һиййт*
Per'a *vuhhp'jedt'e* *tēnn* *тип* *nijjt*
 good.CPR steersman.PART than 1SG.GEN daughter.NOM.SG
 'A better steersman than my daughter'
 'Лучше рулевого, чем моя дочь' [TKS 2013: 247]

To this group of nouns belong also verbal nouns with the suffix *-m* expressing verbal action.

- (82) *вәсьт* *вәллтәдтмәдтә* *Вавилонна*
ves't *v'alltedmedt'e* *Vavilonna*
 before.PREP taking away.PART Babylon.ILL.SG
 'before taking (them) away to Babylon'
 'перед переселением в Вавилон' [МРЕ 2022: 1, 11]
- (83) *вәсьт* *нагърувмәдтә* *мунн* *кәлсәллә* *иджсан*
ves't *nag'ruvmedt'e* *типн* *kəlsell'e* *idžsan*
 before.PREP falling asleep.PART 1SG.NOM lie.PST.1SG REFL.1SG.ILL
тәлець *Баяс*
tel'ec' *bajas*
 calf.GEN.SG about.POSTP
 'before falling asleep I lied to myself about the calf'
 'перед сном я наврала себе про теленка' [TKS 2013: 186]
- (84) *әммьсә* *вәсьт* *нагерь* *нуәдтмәдтә*
ātm'se *ves't* *nag'er'* *puedt'medt'e*
 yawn.INF before.PREP sleep.NOM.SG coming.PART
 'to yawn before falling asleep'
 'зевать перед сном' [SRS 1985: 25]

Disyllabic nouns ending with *-j* (*-й*) in the nominative singular which are derived from non-derivative verbs that end with *-e/-'e/-'e* (*-ә/-э/-е*) also take the partitive suffix *-edt'e* (*-әдтә*).

<i>ōххп-ә</i>	>	<i>ōххп-ә-й</i>	>	<i>әннә</i>	<i>ōххп-ә-едтә</i>
<i>ōһһр-е</i>	>	<i>ōһһр-е-ј</i>	>	<i>әнне</i>	<i>ōһһр-ј-едтә</i>
teach.INF		teacher.NOM.SG		many	teacher.PART
'to teach'		'teacher'		'many teachers'	
'учить'		'учитель'		'многo учителей'	

<i>ёлл-е</i>	>	<i>ёлл-е-й</i>	>	<i>ённэ</i>	<i>ёлль-едтэ</i>
<i>jəll'-e</i>	>	<i>jəll'-e-j</i>	>	<i>ənppe</i>	<i>jəll'-j-edt'e</i>
live.INF		resident.NOM.SG		many	resident.PART
'to live'		'resident'		'many residents'	
'жить'		'житель'		'много жителей'	

Example from the texts:

(85) <i>наййла</i>	<i>куэдт</i>	<i>ёлльедтэ</i>
<i>pajjla</i>	<i>kuedt'</i>	<i>jəll'jedt'e</i>
high.CPR	house.ADJ	tenant.PART
'much more than the members of his household'		
'выше домашних жителей' [МРЕ: 2022: 10, 25]		

In the partitive function, native speakers don't use the types of nouns presented in Table 2 with the suffix *-e/-'e/-'e*:

(86) <i>окромя</i>	<i>nāpprɲe*</i>	<i>я</i>	<i>эйй</i>	<i>ённэ</i>	<i>нызнэе*</i>
<i>окром'а</i>	<i>pārrɲeje*</i>	<i>ја</i>	<i>ejj</i>	<i>jənppe</i>	<i>nyzɲeje*</i>
except.PREP	children.PART	and	NEG.3SG	many	woman.PART
'except the children and some women'					
'кроме детей и нескольких женщин'					

If, due to the influence from the Russian language, there had been a tendency to replace partitive with genitive plural forms, this would happen with all types of nouns and stems, including those presented in Table 2, and we would find several examples for such forms in the literary texts and in oral speech. However, I could only find two examples, where obviously a partitive plural form is used with this kind of noun, which is quite unusual:

(87) <i>кэрхэллэ</i>	<i>савьхе</i>	<i>альн</i>	<i>мажелът</i>	<i>пүдзэ¹³</i>
<i>kərhelle</i>	<i>sav'h'e</i>	<i>al'n</i>	<i>majel't</i>	<i>pūdze</i>
run.INF	ski.GEN.PL	on	behind	reindeer.PART.PL/GEN.SG

¹³ The designation *kərhelle sav'h'e al'n majel't pūdze* is used eight times in A. A. Antonova's translation of A. A. Bazhanov's novel *Vil'k'es' puaz* (*The white reindeer*) from Russian into Kildin Saami. There are two possible translations of it: (1) 'to ski being towed by reindeer (pl.)' or (2) 'to ski being towed by a reindeer (sg.)'. In (1) *pūdze* could be either a partitive plural or a genitive plural form. In (2) *pūdze* would be a genitive singular form.

‘to ski towed by reindeer’

‘ехать на лыжах буксиром за оленями’ [VP 1996: 30]

- (88) *Господин* я *госпожа* *Сеттергрэн* *пудтэнь*
Gospodin ja *gospoža* *S’ett’ergr’en* *püdt’en’*
 Mr.NOM.SG and Mrs.NOM.SG Settergren come.PST.3PL
моăст *пѣльчасэнь* *ăйка* ***пăррнэ***
moăst *p’el’časen’* *ăjka* ***părgnje***
 back half an hour.ESS *ăjka* early.CPR children.PART.PL

‘Mr. and Mrs. Settergren came back half an hour earlier than the children.’

‘Господин и госпожа Сеттергрэн приехали домой на полчаса раньше детей.’ [TKS 2013: 178]

3.3. Partitive forms for loanwords

Loanwords borrowed from Russian or other languages and used in partitive functions, as a rule receive a partitive suffix. Mono- and disyllabic loanwords, ending with one long or two consonants in nominative singular, receive the strong grade, also if the infinitive of the loanword has the weak grade, for example:

- (89) a. *тамъне* *чуэннче* *лышшэ* *эххт* ***комод***
tam’p’e *čuennc’e* *lyšše* *ehht* ***komod***
 there stand.PST.3SG only one.NOM dresser.NOM.SG
 ‘there was only one dresser’

‘там стоял только один комод’ [TKS 2013: 100]

- b. *сѳнн* *ыштэ* ***комод*** *луз*
sōpn *yšte* ***komod*** *luz*
 3SG.NOM sit.PST.3SG dresser.GEN.SG near.POSTP
 ‘she sat down near the dresser’

‘она села около комода’ [TKS 2013: 90]

- c. *Тамъне* *окромя* ***комодтэ*** *удць* *ыиштъягуэйм*
Tam’p’e *okrom’a* ***komodte*** *udc’* *yšt’ jaguejm*
 There except.PREP dresser.PART.SG small drawer.DIM.COM.PL
нимантьтэ *мудта* *мебель* *ев* *лиь*
niman’te *mudta* *m’eb’el’* *jev* *lij*
 NEG-what.NOM.SG other furniture.NOM.PL NEG.3PL be.CNG
 ‘There is no other furniture there, except for a dresser with small drawers.’

‘Там, кроме комода с маленькими ящичками, никакой другой мебели нет.’ [TKS 2013: 18]

- (90) а. *Джим* *я* *Бук* *Элькэнъ* *сугкэ*
Džim *ja* *Buk* *ell'ken'* *sugke*
 Jim.NOM.SG and Buk.NOM.SG begin.PST.3PL row.INF
рыннта.
rynnta.
 shore.ILL.SG
 'Jim and Buk began to row to the shore.'
 'Джим и Бук стали грести к берегу.' [TKS 2013: 262]
- б. *сөнн* *ляйи* *тоаввса* *Джиммэ*
sönn *l'äjj* *toavvsa* *Džimme*
 3SG.NOM be.PST.3SG strong.CPR Jim.PART.SG
 'he was stronger than Jim'
 'он был сильнее Джима' [TKS 2013: 267]

New loanwords, which have not been established yet, sometimes are used both with and without consonant gradation.

- (91) а. *ённэ* *тортэ*
jēnne *torte*
ману *cake.PART*
 'many cakes'
 'много тортов' [TKS 2013: 190]
but:
- б. *выдтэмплагкь* *торптэ* *сливкагуэйм*
vudtemploagk' *torrte* *slivkaguejm*
 fifteen.NOM cake.PART cream.COM.PL
 'fifteen cakes with cream'
 'пятнадцать тортов со взбитыми сливками' [TKS 2013: 190]

Often there are several possibilities for adapting loanwords. The same loanword can therefore have different nominative singular forms. For example, the Swedish word *krona* can be adapted as a disyllabic consonant stem, ending with a vowel in the nominative singular and taking the partitive suffix *-edt'e* (*-эдтэ*):

- (92) а. *эххт* *крона*
ēhht *krona*
 one.NOM krona.Nom.SG
 'one krona'
 'одна корона' [TKS 2013: 63]
- б. *вāльт* *тōн* *чūdъ* *кронэдтэ*
vāl't *tōn* *čūd'* *kronedt'e*

take.IMP.SG 2SG.GEN hundred.ACC.SG krona.PART
 ‘take your hundred kronas’
 ‘возьми свои сто крон’ [TKS 2013: 71]

Or the same word can also be adapted as a monosyllabic stem that takes the partitive suffix *-e* (-э):

- (93) а. *пэрьмусс сайй* — *выдт* **крон,**
per’mjuss saj — *vydt* **крон,**
 good.SUP seat.NOM.SG five.NOM krona.GEN.SG
нымьпн сайй — *кӧллм* **крон,**
путт’р saj — *köllm* **крон,**
 other seat.NOM.SG three.NOM krona.GEN.SG
а чуэннчемсайй — *эххт* *крона*
а џиенн’емсaj — *ehht* *крона*
 and standing place.NOM.SG one.NOM krona.NOM.SG
 ‘the best seat (costs) — five kronas, other seat — three kronas,
 and standing room — one krona’
 ‘лучшее место (стоит) — пять крон, другое место — три кроны,
 а стоящее место — одна корона’ [TKS 63 :2013]
- б. *Сӧнн сӧррн,* *го аннт*
Sõnn sārpn *go annt*
 3SG.NOM say.NPST.3SG that give.NPST.3SG
чудь **кроннэ**
џид’ **кронне**
 hundred.ACC.SG krona.PART
 ‘He says he gives hundred kronas’
 ‘Он говорит, что даст сто крон’ [TKS 2013: 68]

3.4. Partitive forms for diminutive nouns

Depending on the dialect, diminutive nouns can be formed with the help of two different suffixes in Kildin Saami. In the Lujavv’r (Lovozero) dialect, traditionally the suffix *-a/-ä/-я* (*-a/-ä/-я*) is used (**нййта** *nijta* ‘little girl’), whereas in the dialects of Koärrdegk (Voron’je), Čudz’javv’r and Tyr’ber’ (Teriberka) the suffix *-енĉ/-енĉ’-енĉ* (*-энч/-Энч-енч*) has traditionally been used (**нййтэнч** *nijtenĉ* ‘little girl’).

After enforced relocations of different Kildin Saami groups to centralized settlements in the last century, several dialect groups live together in the same places and native speakers have started to mix dialects. Consequently, native speakers

usually mix the inflection of different diminutive forms and diminutive partitive forms in spontaneous oral speech and in the written language. It is also usual among Kildin Saami authors to use different dialectal features as stylistic instruments in written literary texts.

a) Diminutive nouns with the suffix *-a/-'a/-'a (-a/-ä/-я)*

Diminutive nouns ending with *-a/-'a/-'a (-a/-ä/-я)* in the nominative singular belong to the group of nouns with disyllabic consonant stems, ending with a vowel and generating the partitive for both singular and plural referents with the suffix *-edt'e/-'edt'e/-'edt'e (-эдтэ/-'эдтэ/-'едтэ)*.

Table 3

	Nom. Sg.	Gen. Sg.	Gen. Pl.	Part.
‘птичка’ ‘little bird’	цыза cyza	цыза cyza	цызае cyzaje	цызэдтэ cyzedt'e
‘голосок’ ‘small voice’	йнä in'a	инä in'a	инäе in'aje	йнэдтэ in'edt'e
‘котёнок’ ‘little kitten’	коäзя koäz'a	коäзя koäz'a	коäзяе koäz'aje	коäзедтэ koäz'edt'e
‘бутылочка’ ‘little bottle’	сулья sul'ja	сулья sul'ja	сульяе sul'jaje	сульедтэ sul'jedt'e

Examples from the analysed texts:

Онä *On'a* ‘little Andrej; Tommi’, **Цанä** *Cän'a* ‘little Šura; Annika’:

- (94) *нике,* *окромя* *Тарьйнедтэ,* **Онэдтэ** *я*
nik'e *okrot'a* *Tär'jn'edt'e,* **Он'edt'e** *ja*
 NEG-who.NOM.SG except.PREP Pippi.DIM.PART Tommi.DIM.PART and
Цанэдтэ, *альт* *ев* *очтэдта*
Cän'edt'e, *all't* *jev* *oččtedta*
 Annika.DIM.PART nearby.ADV NEG.3.PL be.PTCP.PST
 ‘there was no one nearby, except Pippi, Tommi and Annika’
 ‘никого, кроме Пеппи, Томми и Анники, поблизости не оказалось’
 [TKS 2013: 149]

Сулья *sul'ja* 'little bottle':

(95) <i>сõн</i>	<i>альн</i>	<i>кӯсстэй</i>	<i>пәре</i>	<i>ённэ</i>
<i>sõn</i>	<i>al'n</i>	<i>kūsstej</i>	<i>per'e</i>	<i>jēnne</i>
3SG.GEN	on.POSTP	be visible.PST.3SG	very	many
<i>лимонад</i>	<i>сульедтэ</i>			
<i>limonad</i>	<i>sul'jedt'e</i>			
lemonade.ADJ	bottle.DIM.PART			

'on it one could see many small bottles of lemonade'

'на нём виделось очень много бутылочек лимонада' [TKS 2013: 190]

b) Diminutive nouns with the suffix -енč/-'енč/-'енč (-әнч/-әнч/-енч)

Diminutive nouns ending with **-енč/-'енč/-'енč (-әнч/-әнч/-енч)** in the nominative singular have two possible partitive suffixes, which are synonymly used to express both singular and plural referents: **-edt'e (-эдтэ)** and **-e/ (-э)**.

1) нийт-э-нч	>	нийт-э-нч-эдтэ*	>	нийт-н-едтэ
nijt-e-nč	>	nijt-e-nč'-edt'e*	>	nijt-n'-edt'e
2) нийт-э-нч	>	нийт-э-нч-е		
nijt-e-nč	>	nijt-e-nč'-e		

Table 4

	Nom. Sg.	Gen. Sg.	Gen. Pl.	Part.
'птичка' 'little bird'	цызәнч cyzenč	цыза cyza	цызае cyzaje	цызнедтэ, цызәнче cyzn'edt'e, cyzenč'e
'голосок' 'small voice'	йнәнч in'enč	инä in'a	инäе in'aje	йнънедтэ, инәнче in'n'edt'e, in'enč'e
'котёнок' 'little kitten'	коāзенч koāz'enč	коāзя koāz'a	коāзяе koāz'aje	коāзьнедтэ, коāзенче koāz'n'edt'e, koāz'enč'e
'буты- лочка' 'little bottle'	сульенч sul'jenč	сулья sul'ja	сульяе sul'jaje	сульйнедтэ, сульенче sul'jn'edt'e, sul'jenč'e

Examples from the analysed text corpus:

Тәрьенч *Tār'jenč* 'little Dar'ja; Pippi':

- (96) *нике,* *окромя* *Тәрьйнедтә,*
nik'e *okrom'a* *Tār'jn'edt'e,*
 NEG-who.NOM.SG except.PREP Pippi.DIM.PART
 'no one except Pippi'
 'никто кроме Пеппи' [TKS 2013: 149]

- (97) *пугк,* *окромя* *Тәрьенче*
rugk *okrom'a* *Tār'jenč'e*
 everyone except.PREP Pippi.DIM.PART
 'everyone except Pippi'
 'все, кроме Пеппи' [TKS 2013: 40]

нййтэнч *njntenč* '(little) girl':

- (98) *классэшт* *ли* *әннә* *нййтнедтә*
klasses't *li* *әнне* *njnt'edt'e*
 class.LOC.SG be.NPST.3SG many girl.DIM.PART
 'there are many girls in the class'
 'в классе много девочек' [SRS 1985: 212]

пәррьшенч *pārr'š'enč* '(little) boy':

- (99) *классэшт* *лй* *әннә* *пәррьшэнче*
klasses't *lī* *әнне* *pārr'šenč'e*
 class.LOC.SG be.NPST.3SG many boy.DIM.PART
 'there are many boys in the class'
 'в классе много мальчиков' [SRS 1985: 249]

I found one example of a diminutive noun as a partitive plural form, which probably is a translation error¹⁴.

- (100) *тыйй* *лөбне* *әннгэдтә* *пэря* *удць* *лоантае*
tyjj *l'əbp'e* *jənn'gedt'e* *pə'r'a* *udc'* *loanta'e*
 2PL.NOM be.NPST.2PL much.ADV.PART good.ADJ.CPR little bird.PART.PL

¹⁴ In the Russian version of the *Gospel of Matthew* the word **птица** *ptitsa* 'bird' is not a diminutive form. Without the adjective **удць** *udc'* 'little', it would be translated into **лоанньт** *loann't* 'bird' in Kildin Saami. But the adjective *udc'* requires a diminutive noun, which is why 'bird' has been translated with **лоанта** *loanta* 'little bird'. It is possible that the translator initially thought about the monosyllabic non-diminutive form when giving it the partitive plural form.

‘you are worth (much) more than many small birds’
 ‘вы (гораздо) лучше многих малых птиц’ [МРЕ 2022: 10, 31]

Diminutive nouns ending with *-енč/-'енč/-'енč (-энч/-Энч/-енч)* in the nominative singular also have two illative singular forms and two essive forms. With the illative singular suffix *-e (-э)* the forms **нййтне** (nījtn'e) and **нййтэнче** (nījtenč'e) are used. The essive suffix *-en' (-энь)* can build the forms **нййтнень** (nījtn'en') and **нййтэнчень** (nījtenč'en').

3.5. Partitive forms for pronouns

Halász [1883] found partitive forms for both personal pronouns as some demonstrative pronouns in Genetz's translation of the *Gospel of Matthew* [1878] and included them in his grammar sketch. Itkonen [1973] refers to some of them in his article. Szabó [1984: 153] notes that pronouns can never take partitive suffixes, probably, because he does not recognize the suffix *-e/-'e/-'e* as a partitive marker. Rießler [2022: 226] considers the elicited forms he had at his disposal as unreliable, states that pronouns in the partitive are rarely found any longer in spontaneous speech, and does not include the partitive in the paradigms for pronouns in his grammar sketch. In the paradigms in Antonova's and Scheller's digital dictionary [2021], partitive forms for personal and other pronouns are included, but not all the forms have been published yet¹⁵.

However, in the Kildin Saami language the partitive is still used at least with personal, demonstrative and determinative pronouns.

3.5.1. Partitive forms for personal pronouns

Like other monosyllabic consonant stems that end with one long consonant in the nominative singular, personal pronouns have different partitive forms for singular and plural (see Table 5).

¹⁵ The dictionary [Antonova, Scheller 2021] is still under development and not all grammatical forms in the paradigms are visible in the digital version of the dictionary yet.

Table 5

Nom. Sg.	Nom. Pl.	Gen. Sg.	Gen. Pl.	Part. Sg.	Part. Pl.
мунн munn	мыйй myjj	мун mun	мйн, мйнэ mīn, mīne	муннэ munne	мыйе, мйнэ myje, mīne
тõнн tõnn	тыйй tyjj	тõн tõn	тйн, тйнэ tīn, tīne	тõннэ tõnne	тыйе, тйнэ tyje, tīne
сõнн sõnn	сыйй syjj	сõн sõn	сйн, сйнэ sīn, sīne	сõннэ sõnne	сыйе, сйнэ syje, sīne

a) Partitive singular forms for personal pronouns

Partitive singular forms of personal pronouns are used in various partitive functions in Kildin Saami, for example:

- (101) *tõnn* *э* *зоабэль* *лях* *тоаввса* *муннэ*
tõnn *e* *zoābel'* *lah* *toavvsa* *munne*
 2SG.NOM and really be.NPST.2SG strong.CPR 1SG.PART
 'and you are really stronger than me'
 'ты и действительно сильнее меня' [TKS 2013: 192]

- (102) *tõn* *вйллй* *маньтэ-ляннч* *нюэзь*
tõn *villj* *man'te-l'annč* *n'uez'*
 2SG.GEN brother.NOM.SG something bad.ACC.SG
юррт *вўсьт* *тõннэ*
jurr *vūs't* *tõnne*
 think.NPST.3PL against.PREP 2SG.PART
 'your brother has something against you'
 'брат твой имеет что-нибудь против тебя' [MPE 2022: 5, 23]

- (103) *ноа* *удцьмусс* *Альм* *Цоāррвудэсьт*
ноа *udč'muss* *All'm* *Coārrvudes't*
 but little.SUP.NOM.SG heaven.ADJ kingdom.LOC.SG
шуря *сõннэ* *лй*
šur'a *sõnne* *lī*
 great.CPR 3SG.PART be.NPST.3SG
 'yet whoever is least in the kingdom of heaven is greater than he'
 'но меньший в Царстве Небесном больше его' [MPE 2022: 11, 11]

See also the examples: (25), (26), (35), (36), (38), (50).

b) Partitive plural forms for personal pronouns

In the analysed material the partitive plural of personal pronouns is expressed with the help of two different forms.

The forms *myj'e*, *tyj'e*, *syj'e* are used together with *numerals* and *indefinite quantity*. They look like illative singular forms, but are used in partitive functions, so they must be considered partitive forms¹⁶.

- (104) **сьйе** *кудтэ̄й* *вāнас*
сьйе *kūd't'ej* *vānas*
 3PL.PART remain.PST.3SG few
 'few of them remained'
 'их осталось мало' [PB: Ekk 12:3]
- (105) **мыйе** *ляйй* *лоагкь* *бллмэдтэ̄*
ты́е *l'ājj* *loagk'* *ōllmedt'e*
 1PL.PART be.PST.3SG ten.NOM.SG people.PART
 'we were ten people'
 'нас было десять человек' [SRS 1985: 241]
- (106) *Пэре* *ēннэ* **сьйе** *ляйй*
Per'e *jēnne* **сьйе** *l'ājj*
 very many 3PL.PART be.PST.3SG
 'There were a lot of them'
 'Их очень много было' [TOL 2017: 79]
- (107) **сьйе** *эйй* *лйййма* *ēннэ*
сьйе *ejj* *l'ijjma* *jēnne*
 3PL.PART NEG.3SG be.PTCP.PST many
 'there weren't many of them'
 'их не было много' [PK 2015: 14]

Partitive forms of personal pronouns sometimes also appear with numerals under seven.

¹⁶ There is a theoretical difference between the illative plural forms *myj'e*, *tyj'e*, *syj'e* and the partitive forms *myj'e*, *tyj'e*, *syj'e*, because the illative forms have a palatalized stem, while the partitive forms have a non-palatalized stem. However, the difference between the palatalized and the non-palatalized stems isn't visible/hearable because the consonant *j* in the stem is always palatalized in practice. A clearer solution for the Kildin Saami orthography may be to write *мыййэ̄*, *тыййэ̄*, *сьййэ̄* (*myjje*, *tyjje*, *syjje*) instead of *мыйе*, *тыйе*, *сьйе* (*myj'e*, *tyj'e*, *syj'e*). This concerns also other stems with the consonant *j*, like for example: *нэйель*, *райя*, *ныйе* (*pěj'el'*, *raj'a*, *pyj'e*) etc., which could be written *нэййэль*, *раййа*, *ныййэ̄* (*pějjel'*, *rajja*, *pyjje*) etc.

- (108) **сыйе** *lū* *кōллм*
syje *lī* *kōllm*
 3PL.PART be.NPST.3SG three.NOM
 ‘there are three of them’
 ‘их трое’ [SU 2011: 160, 161]
- (109) *Адтъ* **сыйе** *лū* *кōллм:* *вūрр,*
Adt’ **syje** *lī* *kōllm:* *vīrr,*
 now 3PL.PART be.NPST.3SG three.NOM faith.NOM.SG
нāдд̄й *я* *милса*
nād’ej *ja* *mīlsa*
 hope.NOM.SG and love.NOM.SG
 ‘So now faith, hope, and love abide, these three’
 ‘А теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь’
 [PB: VK 13:4–13]
- (110) **сыйе** *лājйй* *най* 3, 5, 7, 9, 11
syje *l’āj* *paj* 3, 5, 7, 9, 11
 3PL.PART be.PST.3SG always 3, 5, 7, 9, 11
 ‘they have always been 3, 5, 7, 9, 11’
 ‘их всегда было 3, 5, 7, 9, 11’ [SU 2011: 7]
- The forms *mīne*, *tīne*, *sīne* are used together with *comparative* as well as with *pre-* and *postpositions*, which require the partitive.
- (111) *нājтэнч* *кōз* *мōджьта* **сūнэ** *ли*
nājtenč *kōz* *mōdž’ta* **sīne** *lī*
 girl.DIM.NOM.SG what.ILL.SG beautiful.CPR 3PL.PART be.NPST.3SG
 ‘the girl is much more beautiful than them’
 ‘девочка куда прекраснее их [TKS 2013: 250]’
- (112) *сыйй* *ēллев* *тавьвла* **мūнэ**
syj *jell’ev* *tavv’la* **mīne**
 3PL.NOM live.NPST.3PL north.CPR 1PL.PART
 ‘they live further north than we do’
 ‘они живут севернее нас’ [SRS 1985: 341]
- (113) *Тārьенч* *вūжентъ* *лāффка* *вўсьт* **сūнэ**
Tār’jenč *vīž’ent’* *lāffka* *vūs’t* **sīne**
 Pippi.NOM.SG run.PST.3SG store.ILL.SG opposite.PREP 3PL.PART
 ‘Pippi ran to the store opposite theirs’
 ‘Пеппи сбегала в магазин напротив их’ [TKS 2013: 118]

The forms *mīne*, *tīne*, *sīne* could also be genitive plural forms, which are usually used together with pre- and postpositions that require the genitive. However, I suppose that these forms are partitive plural forms that have formally merged with the genitive plural forms. Comparing the partitive plural forms with the genitive plural forms in Genetz's translation of the *Gospel of Matthew*, we can see a clear difference between them:

Partitive plural forms have the suffix **-d/-t**:

- (114) *Ienneda* *tīj* *лях* *чевта* *пурямп* **синьйт?**
Ieppeda *tij* *lah* *č'evta* *pur'amp* **sinujt?**
 NEG.2PL 2PL.NOM be.CNG much.ADV good.ADJ.CPR 3PL.PART
 'Are you not much more valuable than they?'
 'Вы не гораздо ли лучше их?' [Genetz 1878: 6, 26]

Genitive plural forms have the suffix **-e/-je** or **-i/-j**:

- (115) *сон* *ыштій* **синьй** *элэ*
son *yštij* **sinuj** *ele*
 3SG.NOM sit down.PST.3SG 3PL.GEN on.POSTP
 'he sat down on top of them'
 'он сел поверх их' [Genetz 1878: 21, 7]

In modern Kildin Saami texts there is no **-d/-t** in the partitive suffix for these types of nouns, which is why it's not possible to distinguish the partitive plural forms from genitive plural forms. The differentiation can only be made by looking at the context and the functions of the different forms:

- (116) *Тыйй* *ебпе* *лягка* *еннгэдтэ* *пэря* **сйнэ?**
Tujj *jeb'pe* *l'agka* *jenngedt'e* *per'a* **sīne?**
 2PL.NOM NEG.2PL be.CNG much.ADV.PART good.ADJ.CPR 3PL. PART
 'Are you not much more valuable than they?'
 'Вы не гораздо ли лучше их?' [MPE 2022: 6, 26]

- (117) *Сонн* *ыштэ* **сйнэ** *эл*
Sōnn *yšte* **sīne** *ēl*
 3SG.NOM sit down.PST.3SG 3PL.GEN on.POSTP
 'He sat down on top of them'
 'Он сел поверх их' [MPE 2022: 21, 7]

3.5.2. Partitive forms of other pronouns

A more comprehensive analysis of partitive forms of pronouns is needed. So far I have detected partitive forms for demonstrative pronouns like **тэдт** *tedt* ‘this, that’, **тала** *tala* ‘this’ and for the determinative pronoun **пугк** *puḡk* ‘all, the whole of’ in the modern written Kildin Saami literature:

- (118) *мōджьта* **тәннэ** *элля*
mōdž’ta **tenne** *ell’a*
 beautiful.CPR this.PART.SG be.NEG.NPST.3SG
 ‘nothing is more beautiful than this’
 ‘красивее этого нет’ [TKS 2013: 156]
- (119) *А* *окромья* **тәннэ** *лѐв* *каникула*
A *okrom’a* **tenne** *l’ev* *kanikula*
 And besides.PREP this.PART.SG be.NPST.3PL holiday.NOM.PL
 ‘And besides (this), there are holidays’
 ‘А кроме того, бывают каникулы.’ [TKS 2013: 36]
- (120) *Я* *пугк* **талэдтэ** *ляйй*
Ja *puḡk* **taledt’e** *l’ajj*
 And all.NOM.SG this.PART be.PST.3SG
 ‘And all this took place’
 ‘И всё же сие было’ [MPE 2022: 21, 4]
- (121) *вуэмь* *кәннџи* *пэря* **пукэ** *ōдт*
vietm’ *kānn’c* *per’a* **puke** *ōdt*
 old friend.NOM.SG good.CPR all.PART.PL new
коанџэ *лї*
koan’ce *li*
 friend.PART.PL be.NPST.3SG
 ‘an old friend is better than all new friends’
 ‘старый друг лучше новых друзей’ [SRS 1985: 62]
- (122) *Енамп* **пукэ** *эллмантэсьт*
Jēnamp **puke** *ellmantest*
 much.CPR all.PART.PL world.LOC.SG
 ‘More than anything in the world’
 ‘Больше всего на свете’ [TKS 2013: 28]
- (123) *(сōнн)* *пляссэй* **пукэ** *удла*
(sōnn) *pl’assej* **puke** *udla*
 (3SG.NOM) dance.PST.3SG all.PART.PL passionately.CPR
 ‘(she) danced more passionately than anyone else’
 ‘(она) танцевала азартнее всех’ [TKS 2013: 192]

3.6. The partitive form with the adverb

ĕННЭ *jĕnne* ‘many, much’

In the analysed texts there are several examples of partitive use with the adverb **ĕННЭ** *jĕnne* ‘many, much’, which takes a partitive form in connection with comparative forms of adverbs or adjectives and behaves like other disyllabic consonant stems, ending with a vowel and taking the partitive suffix **-edt’e/-edt’e/-edt’e** (**-эдтэ/-эдтэ/-едтэ**).

(124) <i>tĕdt</i>	<i>lĭ</i>	ĕННЭдтэ	<i>нюэззя</i>
<i>tedt</i>	<i>lĭ</i>	jĕnngedt’e	<i>n’uez’a</i>
this.NOM.SG	3NPST.SG	much.PART	bad.CPR

‘this is much worse’

‘это на много хуже’ [MPE 2022: 12, 45]

(125) <i>Sĕnn</i>	<i>stuaĭj</i>	[...]	ĕННЭдтэ	<i>вүгкса</i>
<i>Sĕnn</i>	<i>stuaĭj</i>	[...]	jĕnngedt’e	<i>vügksa</i>
3SG.NOM	cost.NPST.3SG	[...]	many.PART	cheap.CPR

‘It costs [...] much less’

‘Она стоит [...] гораздо дешевле’ [TKS 2013: 115]

4. Replacement of the partitive with other cases

In the analysed materials there are various examples where the partitive has been replaced with other cases. Sometimes this happens because the writers are not sure which case is required; at other times, the Russian original affects the Kildin Saami translation. However, most substitutions take place due to syntactic reasons.

4.1. Replacement of the partitive with genitive plural?

Kert [1971: 162], Szabó [1984: 145], Kuruch [1985: 545] and Rießler [2022: 226] state, that (younger) Kildin Saami speakers replace the partitive with the genitive plural due to influence from the Russian language. Yet, no argumentation for this statement has been given. We can only assume the main cause for this is the large amount of weak grade forms with the suffix **-e/-e/-e** (**-э/-э/-е**) and filling partitive functions in the written texts and transcriptions. As discussed in chapter 3, many of these weak grade forms are partitive plural forms, which have

mistakenly been interpreted as genitive plural forms. Some weak grade forms can be categorised as transcription errors, for example, when the transcriber had problems hearing the difference between the weak and the strong grade.

Most of the written Kildin Saami texts contain plenty of orthographic errors, mistakes and misspellings, because almost nobody among Kildin Saami writers has been schooled in orthographic and grammatical rules. Even the few specialists who have mastered the orthography and grammar rules do not write regularly and do not have enough writing practice, which is needed to produce correctly spelled texts. In addition, the number of misspellings and errors even rises within the publishing process, because the editors and publishers usually don't know the Kildin Saami language¹⁷.

Among Kildin Saami writers there is a general tendency to write noun stems with the weak grade, even if they use the strong grade in oral speech, and vice versa. Nominative, genitive and accusative singular forms often are mixed and can be detected only with the help of the context, for example:

(126) <i>Толл</i>	<i>сон</i>	<i>вуанче</i>
<i>Toll</i>	<i>son</i>	<i>vuanc'e</i>
fire.NOM.SG*	3SG.ACC/GEN*	get.PST.3SG
'She made the fire (The fire made her*)'		
'Огонь она добыла (Огонь её добыл*)' [ASL uncorrected manuscript]		

The corrected version:

¹⁷ The number of mistakes is especially large in older publications, when the manuscripts and corrections were written on typewriters or by hand and prepared for printing by editors without Kildin Saami language knowledge. But there are many challenges in modern digital times as well. For example, in the *Al'manah saamskoj lit'eratury* ('Anthology of Saami literature') [ASL 2019] all Kildin Saami texts were digitized with a scanning program for Russian texts, which did not recognize the special Kildin Saami letters. Although the Russian editor manually compared all texts with the originals and corrected them, there were many errors left in the published version, and there was no time to have all texts be corrected by a specialist who knows the Kildin Saami language and orthography.

Тӧл	сӧнн	<i>вуанче</i>
Тӧл	сӧнн	<i>вианч'е</i>
fire.ACC.SG	3SG.NOM	get.PST.3SG
'She made the fire'		
'Огонь она добыла' [ASL 2019: 130]		

Such mistakes also occur with partitive forms, as illustrated in the following two examples, where partitive singular forms with the strong grade should have been used instead of partitive plural forms:

(127) <i>шӧтткэ</i>	<i>оасскэтъ</i>	<i>вэсьт</i>	кӛдъкэ
<i>šöttke</i>	<i>oassket'</i>	<i>ves't</i>	k'ëd'ke
rub.INF	laundry.ACC.PL	on.PREP	stone.PART.PL*
'to rub the laundry on a stone'			
'тереть бельё о камень' [SRS 1985: 413]			
(128) <i>луэнтэ</i>	<i>сӧн</i>	<i>вэсьт</i>	сӛлькэ
<i>luennte</i>	<i>sõn</i>	<i>ves't</i>	s'ëll'ke
whip.INF	3SG.ACC	on.PREP	back.PART.PL*
'to whip her on the back'			
'стегать её по спине' [TKC 2013: 138]			

In the same publications the same authors sometimes use the grammatically correct spelling forms:

(129) <i>мунн</i>	<i>кӛфксувве</i>	<i>вэсьт</i>	кӛддъкэ
<i>munn</i>	<i>kõfksuvv'e</i>	<i>ves't</i>	k'ëdd'ke
1SG.NOM	tripp.INF	over.PREP	stone.PART.SG
'I tripped over a stone'			
'я споткнулся о камень' [SRS 1985: 73]			
(130) <i>тоӱгнэ</i>	<i>вэсьт</i>	сӛлькеэ ¹⁸	
<i>toägne</i>	<i>ves't</i>	s'ëll'k'ee	
pat.INF	on.PREP	back.PART.SG	
'to pat on the back'			
'похлопывать по спине' [TKC 2013: 196]			

In Russian the partitive is considered part of the genitive case, also called "second genitive" ("второй родительный") or

¹⁸ In example (130) the partitive form is written grammatically correctly, but there is a typing error. Obviously, an orthographic mistake was corrected here, but the incorrect letter has not been removed. The correct form is **сӛлькэ** (*s'ëll'ke*).

“genitive partitive” (“родительный разделительный”) and is used only with some inanimate masculine nouns [Rozenal’, Telenkova 1976: 272, 371; Tyumenceva 2018: 215]. In many positions where the partitive is required in Kildin Saami, the genitive is required in Russian, for example with the comparative, numbers, indefinite quantity and some prepositions [Pekhlivanova, Lebedeva 1987: 80–93]. This could be one reason why the use of the genitive instead of the Kildin Saami partitive has been assumed to be due to influence from the Russian language. However, if such a substitution would take place, it would occur not only with monosyllabic stems but with all types of nouns. And why, then, has the genitive plural form been adopted also with singular referents? If we assume that the genitive substitutes for the partitive in examples (127) and (128) due to the influence of Russian, why are the genitive singular forms **кѐдѣк** *k’ed’k* and **сѐльк** *s’el’k* not used, if we are dealing with singular referents? And there is a much more serious problem: in examples (127) and (128) there are no genitive forms in the Russian translations of **вэсьт кѐдѣкэ** ‘о камень’ (*ves’t k’ed’ke* ‘о kamen’ — ‘on a stone’) and **вэсьт сѐлькэ** ‘по спине’ (*ves’t s’el’ke* ‘po spin’e’ — ‘on the back’), with accusative and prepositional cases used here instead. So why should there be a genitive in the Kildin Saami translations?

However, there are examples in the texts where the expected partitive forms have been replaced by genitive plural forms, not due to Russian influence, but because of semantic and syntactic reasons, for example, when pre- and postpositions which require the genitive override the partitive case:

- (131) *Скрудѣтъ, эйй ённэ минуте байя,*
Skrudt’, ejj jenne minutaje baj’a,
 suddenly NEG.3SG many minute.GEN.PL within.POSTP
кырѣтэсьт тѣрѣмесьвуэххт
kyr’tes’t tĭr’m’es’vuehht
 come flying.PST.3SG thundercloud.NOM.SG
 ‘Suddenly, within a few minutes, a thundercloud came’
 ‘Вдруг, за несколько минут, налетела грозовая туча’ [TKS 2013: 269]

This happens often, but not always:

- (132) *Пэ́йель* эйй ё́ннэ *минута́дтэ* Та́рьенч пы́дтэ
Рэ́јел' ejj jě́ппе *minutadt'e* Та́р'јенč pyđt'e
 after.PREP NEG.3SG many minute.PART Pippi.NOM.SG bring.PST.3SG
 пў́лле ко́фейна́гкь
 pūll'e ko'fejnegk'
 hot coffee pot.ACC.SG
 'A few minutes later Pippi brought the steaming coffee pot'
 'Через несколько минут Пеппи принесла дымящийся кофейник'
 [TKS 2013: 49]

As we see, the hypothesis about the replacement of the Kil-din Saami partitive by the genitive plural due to influence from Russian can be shown to be false in different ways.

4.2. Replacement of the partitive by the genitive singular and vice versa

Sometimes the partitive is replaced by the genitive singular for numbers over six.

- (133) *Муст* тэ́сьт лэ́в кáххц *су́лья*
Must tes't l'ěv káhhc *sul'ja*
 1SG.LOC here.LOC be.NPST.3PL eight.NOM.SG bottle.DIM.GEN.SG
 'I have eight small bottles here'
 'у меня тут восемь пузырьков' [TKS 2013: 123]
- (134) *Та́рьенч,* áведь пугк кáххц *су́лья*
Та́р'јенč, áv'ed' pugk Káhhc *sul'ja*
 Pippi.NOM.SG open.PST.3SG all.NOM.SG eight.NOM.SG bottle.DIM.GEN.SG
 'Pippi opened all eight small bottles'
 'Пеппи, откупила все восемь пузырьков' [TKS 2013: 123]

In examples (133) and (134) numerals over six are treated just as the numerals two through six, which take nouns in the genitive singular and usually override other case markings, like the expected accusative plural, which is required by the transitive verb *áввьдэ* *áv'v'de* 'to open' in example (134).

Substitution of the genitive singular for the partitive with numbers over six has also been observed for Skolt Saami (see Feist 2010: 249, 235).

On the other hand, prepositions and comparatives, which take the partitive, usually override the genitive singular, which is required by the numerals two through six:

- (135) *мэнэ* *алльт* *выдт* *секундэдтэ*
mēne *all't* *vudt* *s'ekunndedt'e*
 pass.PST.3SG about.PREP five second.PART
 'about five seconds passed'
 'прошло около пяти секунд' [TKS 2013: 243]
- (136) *эйй* *ѐнамп* *нелъе* *ăлкэ*
ejj *jēnamp* *n'el'je* *ăllke*
 NEG.3SG many.CPR four.PART log.PART
 'no more than four logs'
 'не больше четырёх поленьев' [TKS 2013: 96]

Sometimes numerals under seven can take the partitive form:

- (137) *Вайваш* *сăммьясьт* *ляйй* *выдт* *ниййтэ*
Vājvaš *sāmmt'as't* *l'āj* *vudt* *nijjte*
 poor Saami.LOC.SG be.PST.3SG five daughter.PART
 'The poor Saami had five daughters'
 'У бедного саама было пять дочек' [KL 2003: 43]

4.3. Replacement of the partitive by the accusative plural or other cases

If the partitive form is an object, transitive verbs can override and take accusative plural instead of the partitive.

- (138) *Тарьенч* [...] *лыгкэ* *эйй* *ѐннэ* *пьяссъемь* *лоăфькэть*
Tār'jenč [...] *lygke* *ejj* *jēnne* *pl'äss'jem'* *loăf'ket'*
 Pippi.NOM.SG [...] do.PST.3SG NEG.3SG many dance.GER step.ACC.PL
 'Pippi did a few dancing steps'
 'Пеппи сделала несколько танцевальных шагов' [TKS 2013: 243]
- (139) *Трифон* *рыстэ* *ѐннэ* *сăмь* *ăллмэть*
Trifon *ryste* *jēnne* *sām'* *ăllmet'*
 Trifon.NOM.SG baptise.PST.3SG many Saami.ADJ people.ACC.PL
 'Trifon baptised many Saami people'
 'Трифон крестил много саамских людей' [ASL 2019: 100]
- (140) *мудта* *пăррнэ* *пыххтлэнь* *пăррьтэ*
mudta *pārrene* *pyhhtlen'* *pērꞑ'te*
 (the) other children.NOM.PL bring.PST.3PL home.ILL.SG

<i>эйй</i>	<i>ённэ</i>	<i>тйуькэть,</i>	<i>конфетатъ</i>
<i>ejj</i>	<i>jenne</i>	<i>tij'ket'</i>	<i>konf'etat'</i>
NEG.3SG	much	money.ACC.PL	candy.ACC.PL
<i>я</i>	<i>поаьхк</i>	<i>фуфайкатъ</i>	
<i>ja</i>	<i>poahhk</i>	<i>fufajkat'</i>	
and	warm	sweatshirt.ACC.PL	

'the other children brought home some money, candy and warm sweatshirts'

'другие дети приносили домой немного денег, конфеты и тёплые фуфайки' [TKS 2013: 228]

However, the accusative, required by the transitive verb, does not always override the partitive case:

(141) <i>коч</i>	[...]	<i>ёнмушиа</i>	<i>коашиьк</i>	<i>рысьседтэ</i>
<i>korč</i>	[...]	<i>enmušša</i>	<i>koašš'k</i>	<i>ryss'jedt'e</i>
collect.IMP.SG		more.ATT	dry.ADJ	branch.DIM.PART
<i>я</i>	<i>коашиьк</i>	<i>пйссетъ</i>		
<i>ja</i>	<i>koašš'k</i>	<i>piss'et'</i>		
and	dry.ADJ	birch bark.ACC.PL		

'collect [...] more dry branches and dry birch bark'

'собери [...] побольше хвороста и сухой берёсты' [TOL 2019: 41]

In the analysed materials, other cases such as locative, illative or comitative can also override the partitive. Even if the partitive is displaced, it can still affect the morphology of the new case form. For example, together with numbers over six or with indefinite quantity, which usually require the partitive singular, the locative and illative cases which replace the partitive also take the singular form, even though a plural form is expected:

(142) <i>авътма</i>	<i>вуэр</i>	<i>ённэ</i>	<i>ыгесът</i>
<i>av'tma</i>	<i>vuer</i>	<i>jenne</i>	<i>yg'es't</i>
first	time.ACC.SG	many	year.LOC.SG

'for the first time in many years'

'в первый раз за много лет' [KL 2003: 32]

(143) <i>быдъсуев</i>	<i>числа</i>	<i>315 югке</i>	<i>кыджемь</i>	<i>сайя</i>
<i>byd'suvv</i>	<i>čisla</i>	<i>315 jügk'e</i>	<i>kudž'em'</i>	<i>saj'a</i>
need.NPST.3SG	number.ACC.SG	315 divide.INF	seven	time.ILL.SG

'one needs to divide the number 315 by seven'

'нужно разделить число 315 на семь' [TKS 2013: 130]

(144) <i>mī</i>	<i>kūdtej</i>	<i>tīŋ'kəŋ'</i>	<i>(sōnn)</i>	— <i>əŋ'tə</i>
<i>mī</i>	<i>kūdtej</i>	<i>tīŋ'ken'</i>	<i>(sōnn)</i>	— <i>en'te</i>
what	leave.PST.3SG	money.LOC.PL	(3SG.NOM)	give.PST.3SG
<i>pəre</i>	<i>ēnnə</i>	<i>syllp</i>	<i>t'ajkaŋuejt.</i>	
<i>pə're</i>	<i>jēnne</i>	<i>syllp</i>	<i>t'ajkaŋuejt.</i>	
very	much	silver	money.COM.PL ¹⁹	
'the change (she) gave — in a lot of silver coins.'				
'сдачу (она) дала — множеством серебрянных монеток.'				
[TKS 2013: 63]				

In this section only a few examples have been presented of other cases being substituted for the partitive. A detailed syntactic analysis of partitive use would be very interesting and useful for researchers as well as language learners and teachers.

Conclusion

We have seen that the partitive is a living and productive case in Kildin Saami, as witnessed by the large number of partitive forms and functions in the analysed written Kildin Saami text materials, observations on the active use of the partitive in spontaneous oral speech, and the use of the partitive in newer loanwords. Earlier research statements about the replacement of partitives by the genitive plural due to Russian interference could not be confirmed, but rather turned out to be misinterpretations of weak grade forms with the suffix *-e/-e/-e (-ə/-ä/-e)*, which often appear in partitive functions and look like genitive plural forms. However, substitution of other cases for the partitive due to syntactic and semantic reasons is normal. A syntactic study has still to be carried out for achieving a better understanding of how partitive and other cases are used in Kildin Saami.

The analysis above confirms the hypothesis about two different partitive suffixes which are used depending on the word stem. In contrast to earlier statements about the Kildin Saami partitive as a single form that is used to express both singular and plural referents, the current analysis shows that both par-

¹⁹ Comitative plural is used here instead of essive or as a plural form of essive.

titive singular and partitive plural forms are used. Whereas disyllabic consonant stems ending with one short consonant or with a vowel in the nominative singular take the partitive suffix *-edt'e/-edt'e/-edt'e* (-ədmä/-ädmä/-edmä), which is used to express both singular and plural referents, mono- and disyllabic consonant stems ending with one long consonant or two consonants in the nominative singular take the partitive suffix *-e/-e/-e* (-ə/-ä/-e) and generate partitive singular forms with the strong grade and partitive plural forms with the weak grade. The Kildin Saami partitive plural and genitive plural forms that are used in modern written literary texts have formally merged. The final consonant *d*, which can be found in older texts, has disappeared from the modern partitive suffix. A differentiation between the partitive plural and the genitive plural can therefore only be carried out by examining the context and function in which the respective form is used.

Although the partitive case seems to stand strong in the written Kildin Saami literature and is actively used in spontaneous oral speech, at least among native speakers who grew up with Kildin Saami as first or second language, its future is uncertain. Today no children are growing up with Kildin Saami as their family's first language or even as a frequently used second language. Only a few Kildin Saami speakers use their native language in everyday communications and there are no public Kildin Saami language domains. Both for community members and outsiders who are not recognized as fluent Kildin Saami speakers it is not easy to get the possibility to participate in more complex conversations, where partitive and other grammatical features, which the majority language does not have, are used.

However, a revitalisation process is going on among Kildin Saami community members. As in other language revitalisation contexts, so also Kildin Saami revitalisers and "new" speakers show a special interest for components of the revitalised minority language which are not found in the dominant majority language. If the partitive will be included in future teaching materials and grammars, and if native speakers and language

teachers choose to transmit it to new speakers, the Kildin Saami partitive has good chances for survival as an actively used and productive case also in the future.

Abbreviations

1	first person	INF	Infinitive
2	second person	LOC	Locative
3	third person	NEG	Negation
ACC	accusative	NOM	Nominative
ADJ	adjective	NPST	non-past
ADV	adverb	NUM	Numeral
ATT	attenuated comparative	ORD	Ordinal
COM	comitative	PART	Partitive
CNG	connegative	PL	Plural
CPR	comparative	POSS	Possessive
DIM	diminutive	POSTP	postposition
DISTR	distributive	PREP	Preposition
ESS	essive	PST	Past
FUT	future	PTCP	Participle
GEN	genitive	REFL	Reflexive
GER	gerund	SG	Singular
ILL	illative	SUP	Superlative
IMP	imperative		

Text resources

ASL 2019 — Balakina D. S. et al. *Al'manakh saamskoy literatury* [Almanac of Saami Literature]. Moscow, 2019.

ČJU 2017 — Mečkina K. Čuvv jurrtē; khudozh.: Jakovleva Ō. (Мечкина К. Чувв юрттэ; худож. Яковлева Ō.) *Kárášjohka: Davvi Girji*, 2017.

KL 2003 — Bol'shakova N. (A. A. Antonova py'e sām' kīle). *Kā'je Lājhh'. Kuelnegk soām'e jēm'n'e bajas moājnas*. Мурманск, 2003.

MPE 2022 — *Māhtves't pass' jevang'el'e* [Gospel of Matthew]. Per. A. A. Antonova.; red. E. Scheller & E. Galkina. Stockholm, 2022.

PB — *Pārrne biblija. Py'e rŭšš kiles't Kuelnegk n'oārk soām'e kilt kill'e Sānndra Antonova, Lujavv'r.* Unpublished manuscript (in preparation).

PK 2015 — Yakimovich S. E. *Pejiv kenn'al: saamskiye skazki* [Saami tales]. Moscow, 2015.

SRS 1985 — Antonova A. A. et al. *Saamsko-russkiy slovar'* [Saami-Russian dictionary]. Moscow, 1985.

SU 2011 — Mechkina E. I., Mozolevskaya A. E. *Saaamskiye uzory* [Saami patterns]. Murmansk, 2011.

TKS 2013 — Lindgren A. *Tār'jenč Kuk'es'suhhk.* Per. A. A. Antonova. Red. E. Scheller. Murmansk, 2013.

TOL 2017 — Yuryevy P. P. i M. P. *Bogatyr Lyayne/Toavas olma L'ājne. Kniga na russkom i saamskom yazykakh.* Murmansk, 2017.

VP 1996 — Bazhanov A. *Vill'k'es' puaz.* Per. na saam. yaz. A. Antonovoy; red. N. Afanasyeva. Karashegk, 1996.

References

Agranat 2021 — Agranat T. B. *Pravila orfografii dlya mladopismennogo yazyka: sluchay kil'dinskogo saamskogo* [Orthography development for previously unwritten languages: The case of Kildin Saami]. *Rodnoy yazyk*, 2021, 1: 30–42. (In Russ.)

Antonova, Scheller 2021 — Antonova A. A., Scheller E. *Saamsko-russkiy i Russko-saamskiy slovar' (okolo 16000 slov)* [Saami-Russian and Russian-Saami dictionary (about 1600 words)]. University of Tromsø — The Arctic University of Norway, 2021. URL: <https://sanj.oahpa.no/>. Accessed on 2024-02-01. (In Russ., Saami)

Antonova, Scheller in preparation — Antonova A. A., Scheller E. *Grammatika kil'dinskogo saamskogo yazyka* [Grammar of the Kildin Saami language], in preparation. (In Russ.)

Bakula 2020 — Bakula V. B. *Neskol'ko pis'mennykh traditsiy kil'din-saamskogo yazyka kak osnovnaya problema y ego sokhraneniya i prepodavaniya* [Several written traditions of the Kildin Saami language as the main problem of its preservation and teaching]. *Pedagogicheskiy IMIDZH*, 2020, 2 (47): 146–159. (In Russ.)

Bakula 2018 — Bakula V. B. Problemy formirovaniya literaturnogo yazyka kol'skikh saamov [Problems of formation of the literary language of the Kola Saami]. *Finno-ugorskiy mir*, 2018, 3: 13–22. (In Russ.)

Endyukovskiy 1937 — Endyukovskiy A. G. Saamskiy (loparskiy) yazyk [Saami language]. *Yazyki i pis'mennost' narodov Severa. 1. Yazyki i pis'mennost' samoyedskikh i finno-ugorskikh narodov*. Red. G. N. Prokof'yev. Leningrad, 1937, 125–162. (In Russ.)

Feist 2010 — Feist T. *A grammar of Skolt Saami. A thesis submitted to the University of Manchester for the degree of Doctor of Philosophy in the Faculty of Humanities*. School of Languages, Linguistics and Cultures. University of Manchester, 2010.

Gaidamashko 2023 — Gaidamashko R. V. Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya «Saamskiye yazyki Rossii v sinkhronii i diakhronii» [International scholarly conference on “The Saami languages of Russia: Synchrony and diachrony”]. *Родной язык*, 2023, 1: 180–182. (In Russ.)

Genetz 1891 — Genetz A. *Wörterbuch der Kola-Lappischen Dialekte nebst Sprachproben*. Bidrag till kännedom af Finlands natur och folk 50. Helsingfors, 1891. (In German)

Genetz 1878 — Genetz A. *Makh'tveyest Pas' — Yevangeli. Samas. Yevangelie ot Matvoeya (na russko-loparskom yazykye), izdannoye Obshchestvom Rasprostraneniya Biblii v Veliko-Britanii i v drugikh stranakh* (Махътвеест Пась – Евангели) [Gospel of Matthew]. 1878. (In Saami)

Halász 1883 — Halász I. Orosz-lapp nyelvtani vázlat. — *Nyelvtudományi közlemények* 17, 1883: 1–45. (In Hungarian)

Itkonen 1973 — Itkonen E. Zur Geschichte des Partitivs. *Fin-nisch-Ugrische Forschungen* 40, 1973: 278–339. (In German)

Kert 1975 — Kert G. M. Saamskiy yazyk [Saami language]. *Osnovy finno-ugorskogo yazykoznaniya (pribaltiysko-finskie, saamskiy i mordovskie yazyki)*. V. I. Lytkin, K. E. Maytinskaya, K. Redei (eds.). Moscow, 1975, 203–247. (In Russ.)

Kert 1971 — Kert G. M. *Saamskiy yazyk (kil'dinskiy dialekt). Fonetika, morfologiya, sintaksis* [Saami language (Kildin dialect). Phonetics, morphology, syntax]. Leningrad, 1971. (In Russ.)

Koivunen 2022 — Koivunen T. Itäsaamelaiskielten partitiivi kielioppien mukaan sekä korpushavainoja inarin- ja koltansaa-
mesta. *Folia Uralica Debrececiensia*, 2022, 29: 83–98. (In Finnish)

Kont 1968 — Kont K. Partitiivista kuolanlapin murteissa. *Congressus secundus internationalis fenno-ugristarum Helsinki-
giae habitus 23.–28. VIII. 1965. Pars 1. Acta linguistica*, Helsinki,
1968, 279–282. (In Finnish)

Kont 1967 — Kont K. O partitive v finno-ugorskikh yazykakh
[About the partitive in Finno-Ugric languages]. *Sovetskoe finno-
ugrovedenie*, 1967, 3 (1): 1–6. (In Russ.)

Korhonen 1981 — Korhonen M. *Johdatus lapin kielen histo-
riaan*. Helsinki, (In Finnish)

Kuruch 1985 — Kuruch R. D. Kratkiy grammaticheskiy
oчерk saamskogo yazyka [Brief grammatical sketch of the
Saami language]. Antonova A. A. et al. *Saamsko-russkiy slovar'*.
Moscow, 1985, 529–567. (In Russ.)

Nielsen 1928 — Nielsen K. Et tredelt bidrag. 2. Partitiv i Fin-
nmark-Lappisk. *Tromsø museums skrifter, Vol. II. Festskrift til
rektor J. Qvigstad, 1853-4. april-1928*. Tromsø, 1928, 169–179. (In
Norwegian)

Overland, Berg-Nordlie 2012 — Overland I., Berg-Nordlie M.
*Bridging Divides: Ethno-Political Leadership among the Russian
Sami*. New York, Oxford, 2012.

Pekhlivanova, Lebedeva 2005 — Pekhlivanova I. K., Lebe-
deva M. N. *Grammatika russkogo yazyka v illyustratsiyah* [Rus-
sian grammar in illustrations]. Moscow, 2005. (In Russ.)

Rießler 2022 — Rießler M. Kildin Saami. *The Oxford guide to
the Uralic languages*. Oxford University Press USA – OSO, 2022,
219–239.

Rießler 2013 — Rießler M. Towards a digital infrastructure
for Kildin Saami. *Sustaining indigenous knowledge: Learning
tools and community initiatives on preserving endangered lan-
guages and local cultural heritage*. E. Kasten, T. de Graaf (eds.).
Exhibitions & Symposia series. Verlag der Kulturstiftung Si-
birien, 2013, 195–218.

Rozental', Telenkova 1976 — Rozental' D. E., Telenkova M. A.
Slovar'-spravochnik lingvisticheskikh terminov [Dictionary of
linguistic terms]. Moscow, 1976. (In Russ.)

Sammallahti 1998 — Sammallahti P. *The Saami Languages: An Introduction*. Davvi Girji, 1998.

Sammallahti, Hvorostukhina 1991 — Sammallahti P., Hvorostukhina A. *Унна/удуць sámí-cámь cáмь-sámí sátnegríjjáš/co-агкнэгка*. Ohcejohka, 1991. (In Saami)

Scheller forthcoming — Scheller E. Aktivizatsiya passivnykh znaniy kildinskogo saamskogo yazyka s pomoshchyu metoda «master-uchenik» i obucheniya grammatike i pismennomu yazyku [Activating passive knowledge of the Kildin Saami language using the “master-student” method and teaching grammar and written language]. *Rodnoy yazyk*, forthcoming. (In Russ.)

Scheller 2023 — *Partitive or genitive plural? An analysis of the use of the partitive case in Kildin Saami*. Abstract of a presentation held in Russian at the International scientific conference “The Saami languages of Russia in synchrony and diachrony in St. Petersburg, Russia, May 11–12 2023, 69–72. URL: <https://nenadict.iling.spb.ru/node/1876>. Accessed on 2024-02-01.

Scheller 2015 — Scheller E. Samisk språkrevitalisering i Rysland: möjligheter och utmaningar. *Sápmi i ord och bild: en antologi*. Västra Frölunda: On Line, 2015, 471–483. (In Swedish)

Scheller 2013 — Scheller E. Kola Sami language revitalisation. Opportunities and challenges. *L'Image du Sápmi II*. Ed. by Kajsa Andersson. Humanistica Oerebroensia. Artes et linguae 17. Örebro, 2013, 392–421.

Scheller 2004 — Scheller E. *Kolasamiska — språkbyte eller språkbevarande? En sociolingvistisk studie av samernas språksituation i Ryssland. D-uppsats*. Umeå universitet, Sámi dutkan/Samiska studier, 2004. (In Swedish)

Siegl, Rießler 2015 — Siegl F., Rießler M. Uneven steps to literacy: The history of Dolgan, Forest Enets and Kola Saami literary languages. *Cultural and Linguistic Minorities in the Russian Federation and the European Union: Comparative Studies on Equality and Diversity*. Marten H. F., Rießler M., Saarikivi J. (eds.) Springer, 2015, 189–229.

Sharshina, Scheller 2008 — Sharshina N. S., Scheller E. (pri sotrudnichestve A. A. Antonovoy). *Sám'kilsyijt (õhnpnuvvem-tuj)*. 1 Grammatika i 2 Leksika. Lujavv'r. Лужавв'р), 2008. (In Russ., Saami)

Szabó 1968 — Szabó L. *Kolalappische Volksdichtung (aus den Dialekten in Kildin und Ter). Zweiter Teil nebst grammatischen Aufzeichnungen gesammelt und herausgegeben von László Szabó*. Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften in Göttingen 72. Göttingen, 1968. (In German)

Szabó 1984 — Szabó L. The function of the Nominative, Accusative, Genitive and Partitive in Kola-Lappish. *Nordlyd. Tromsø University Working Papers on Language & Linguistics*, 1984, 9: 71–155.

Tereshkin 2002 — Tereshkin S. N. *Yokangskiy dialekt saamskogo yazyka* [Jokang dialect of the Saami language]. Dissertatsiya kandidata filologicheskikh nauk. Saint Petersburg, 2002. (In Russ.)

Tyumenceva 2018 — Tyumenceva Yu. V. K voprosu o mestnom i partitivnom padezhakh v russkom yazyke — Tekst: neposredstvennyi [On the issue of local and partitive cases in the Russian language — Text: immediate]. *Molodoj uchenyj*, 2018, 21 (207): 215–218. URL: <https://moluch.ru/archive/207/50734/>. Accessed on 2024-02-01. (In Russ.)

Zaykov 1987 — Zaykov P. M. *Babinskiy dialekt saamskogo yazyka (fonologo-morfologicheskoye issledovaniye)* [Babinsky dialect of the Saami language (phonological and morphological study)]. Petrozavodsk, 1987. (In Russ.)

Seven Tatar translations of the Lord's Prayer (1803-2015) [Part 1]

Teija Greed

*SIL International
Hollola, Finland
teija_greed@sil.org*

The Bible is the world's most translated book. Throughout history it has been translated into a great many languages, and these translations have in recent years begun to attract wider attention. This article investigates a selection of historical translations of the Lord's Prayer from the Gospel of Matthew in a language called Tatar, and one contemporary translation, Volga Tatar. The timespan of the translations encompasses over two hundred years: from 1803 to 2015. The translations are compared on a variety of linguistic levels, with special attention given to the lexicon. Orthography presents a noteworthy challenge, since most of the historical translations are in the Arabic script, not reflecting the nuances of the vowels. Features common to the translations are described, and those distinctive to each text are analysed. I discovered that many of the translations adhere to strict norms of the literary language, clearly differing from spoken variants. Up to the 20th century many Turkic literary languages were “transregional”, that is, similar established literary norms extended over many Turkic peoples, whose spoken languages displayed a far greater variety. Interacting with the biblical text gives us a valuable glimpse of the multiple voices represented by the translations, and the circumstances in which they were created.

Keywords: Bible translation, Tatar, Volga Tatar, the Lord's Prayer, comparative analysis, lexicon, literary language

Acknowledgements: I am grateful to two anonymous peer reviewers for many astute observations and comments, which have helped me improve this article. Grateful thanks also to my husband Michael Greed for reviewing this article and providing helpful feedback.

For citation: Greed T. Seven Tatar translations of the Lord's Prayer (1803–2015) [Part 1]. *Rodnoy yazyk*, 2024, 1: 131–170.
DOI: 10.37892/2313-5816-2024-1-131-170

Семь переводов молитвы «Отче наш» на татарский язык с 1803 г. по 2015 г. [Часть 1-я]

Тейя Грид

SIL

*Холлола, Финляндия
teija_greed@sil.org*

Библия — самая переводимая книга в мире. На протяжении всей истории ее переводили на множество языков, и в последние годы эти переводы начали вызывать широкий интерес. В данной статье исследуется подборка исторических переводов молитвы «Отче наш» из Евангелия от Матфея на татарский язык и один современный перевод — волжско-татарский. Промежуток времени с самого раннего перевода до последнего охватывает более двухсот лет: с 1803 по 2015 г. Переводы сравниваются на разных лингвистических уровнях, особое внимание уделяется лексике. Орфография представляет собой особую проблему, поскольку большинство из переводов написано арабским шрифтом, не отражающим оттенки гласных. Описываются общие для переводов черты и анализируются отличительные особенности каждого текста. Было обнаружено, что многие переводы придерживаются строгих норм литературного языка и явно отличаются от устных вариантов. Вплоть до XX в. многие тюркские литературные языки были «трансрегиональными», т. е. сходные установленные литературные нормы распространялись на многие тюркские народы, чьи разговорные языки демонстрировали гораздо больше разнообразия. Взаимодействие с библейским текстом дает нам ценное представление о множестве голосов, представленных в переводах и об обстоятельствах их создания.

Ключевые слова: перевод Библии, татарский язык, волжско-татарский язык, молитва «Отче Наш», сопоставительный анализ, лексика, литературный язык

Для цитирования: Грид Т. Семь переводов молитвы «Отче наш» на татарский язык с 1803 г. по 2015 г. [Часть 1-я] *Родной язык*, 2024, 1: 131–170.

DOI: 10.37892/2313-5816-2024-1-131-170

The article is divided into two parts: Part I discusses the background to the analysis and the history of the Volga (Kazan) Tatar literary language, and gives an outline of the Bible translation situation in the area as well as an overview of the seven translations of the Lord's Prayer. Part II (to be published in a future issue of this journal) offers an investigation into the pertinent features of each translation, followed by a summary table of the key distinguishing features of the texts, and concluding remarks.

PART I

1. Introduction

This article investigates a selection of historical translations of the Lord's Prayer from the Gospel of Matthew in a language called Tatar, and one contemporary translation, Volga Tatar. A number of language variants have in the course of history been called Tatar, and the starting point of this paper is that they have to a greater or lesser extent some connection with the contemporary language, Volga Tatar. My aim is to compare the translations on different linguistic levels: phonological, morphological, lexical, syntactic and pragmatic. A number of common features, as well as features peculiar to each text, are described and analysed. An area needing special comment is orthography, as it reflects the developments of the writing systems of the Tatar¹ literary language.

Of the seven translations, the earliest text originates from 1803, and the most recent one from 2015. The six historical texts themselves are divergent, and my overall impression is that they are not linked in their production: that is, none of the later

¹ I use the plain term Tatar both in reference to the Volga (Kazan) Tatar language and also as the ethnonym for the people themselves.

translations is based on an earlier one. I have been able to view some of the translations in their original wider context, for example, in an electronic copy of a printed book of the Gospel of Matthew, or even of the whole New Testament. However, many, in particular the early 19th century publications, do not contain any metadata, such as an introduction, besides the printer's information. That said, I endeavour to comment on the situational background where possible.

Particular attention is given to the lexicon², as this is likely to correlate with the chosen style and literary tradition of the time of translation and may also show something about the intended audience. In the study of vocabulary, the basic division is into "(common) Turkic"³ and loan words, mainly from Arabic and Persian. Phonology, morphology and syntax help in gauging possible links, as well as in distinguishing the translation from other Kypchak Turkic variants.

When studying pre-20th century Tatar translations, a key challenge presents itself: when a given translation was labelled "Tatar", what was meant by this? "Tatar" was used widely as a cover term of different (Turkic) ethnic groups, and it was also used for languages, with or without an explicating epithet (for example, "Astrakhan Tatar"). Its varied use both as an ethnic and linguistic label during the previous centuries makes it impossible (in the confines of this paper) to definitively establish a text as belonging to a particular language variant. However, I do draw attention to some pertinent features and tendencies which may point towards a certain language or variant for the earlier texts.

An overall challenge for the study of translations of the Bible of the first half of the 19th century (three of the samples dis-

² The main sources for lexicon in my study are: [Gazizov et al. 1993], [Nadelyaev et al. 1969] and [Tëtimol 2015].

³ Shcherbak [1994: 110–115] gives the following criterion for "common Turkic" lexical items: "it is not necessary for it to be present in all Turkic languages; it is sufficient that there is evidence of its existence in some of them, as long as there has not been recent direct or indirect contact between them". He also provides a list of common Turkic words grouped thematically.

cussed) is the fact that, in general, distinct literary languages of different spoken Turkic languages were formed quite late. For example, while the formation of the Volga Tatar literary language is seen as having begun during the era of the Golden Horde, this process continued until the turn of the 20th century. Due to the transregional nature of Turkic literary languages in use before the late 19th century, translations resemble each other fairly closely. This similarity is emphasised by the relatively consistent use of loan words of Arabic and Persian origin.

The texts under discussion came to my attention from different sources⁴. In the course of my research, I became aware of the wealth of texts available for further study⁵. A major area of study would be to investigate and establish relationships between the different variants represented in the Turkic translations of the early 19th century.

The translation of a biblical text is of itself a complex task where translation science, biblical studies, theology, linguistics, literature studies and other disciplines come together. To compare Bible translations from different centuries is a rewarding but also a daunting task, as the researcher needs to address questions relating to a wide range of disciplines, such as

⁴ Most of the translations I received from Dr Marianne Beerle-Moor for the purpose of this study. I would like to express my grateful thanks to Zufar Khamadrakhimov for kindly providing the 1825 text, as well as additional information about the source in question. As for the 1820 and 1882/1884 translations, Dr Borislav Arapović [unpublished manuscript] mentions in his study of translations of the Bible the 1820 New Testament as the first New Testament in Tatar (the Gospel of Matthew was published two years previously), and the 1882/1884 translation of the Gospel of Matthew is also in his list. Copies of these publications are housed in the Bible Society collection at Cambridge University Library. An electronic copy was kindly made available for my research by Dr Onesimus Ngundu, and I would also like to thank Dr Simon Crisp for making the connection for me.

⁵ For example, two translations mentioned in Halén [1977: 193], and catalogued as “(742) Turc-755” and “(743) Turc-756”. They are housed in the National Library of Finland.

historical linguistics⁶, history and culture, the development of the literary language(s)⁷, and genres, but has to limit herself to a manageable range. Unlike contemporary Bible translations, little can be said about the intended audience and the purpose of the translation in question. This article offers a glimpse into the fascinating investigation of historical Bible translations.

The texts are presented in chronological order, and the available historical (and geographical) information is noted. Special emphasis is given to distinctive linguistic features, both in the area of phonology and morphology, and in syntax and lexicon. However, the discussion does not cover the same aspects for all texts, as this would make the study unwieldy; I have chosen to comment on aspects which I regard as pertinent and of special interest. Choices made in the different translations are also compared. In addition, I comment on issues of interpretation.

1.1 Background information to the analysis

1.1.1 Influence of genre in the source text(s)

The genre of a literary composition imposes its own requirements on the use of language, purpose, textual structure, level of formality, etc., that can be identified in the text [Crystal 2003 (2007): 201]. When analysing the genre of a text, we examine its form, content and function [Hayes & Holladay 1988 (2007): 83]. The Lord's Prayer in Matthew 6:9-13 is itself embedded in narrative genre. Functionally, it operates on two levels: firstly, on the level of the situation described by the narrative, that is, Jesus addressing people in a certain setting, and, secondly, on the level of the actual content of the prayer, which is an address to God. The first function shows Jesus' communicative intent to encourage his listeners to a particular conduct and action. It can therefore be categorised as representing behavioural genre [see Dooley & Levinsohn 2001], specifically of the hortatory type. The second function, an address to God, reveals several subgenres within

⁶ For comparative linguistic study of Turkic languages see, for example, [Shcherbak 1994] and [Tenishev & Dybo 2006].

⁷ See [Johanson 1998b: 84–87] for a discussion of the development of Turkic literary languages.

the general genre of prayer, the main ones being praise, exhortation and petition.

In general terms, the translations investigated follow the form and content evident in the primary source texts known to us nowadays (for example, for the 2015 translation, this was *Novum Testamentum Graece (Nestle-Aland)* [Izge Jazma 2015: 7]). As to the function and communicative intent of the translations of the prayer, additional study into religious and spiritual texts of the time would be needed to shed further light on this aspect.

1.1.2 Source texts

The source texts used for translation are known for the 1820 text and the 2015 version. All except the contemporary version contain the doxology and “Amen” at the end of the text. This is likely due to the tradition followed, also reflecting the source text the translators had access to or chose to use.

1.2 Representation of the phonological system of Tatar through Arabic letters; Principles of transcription

In this paper the system of transcription is streamlined for ease of comparison. The principles are outlined below. The Arabic script used in written Turkic languages had limitations especially in the area of vowel representation. Arabic had only *alif*⁸, *ya* and *waw* to represent vowel sounds, so the same Arabic letters had to be used for several sounds. The basic principles shown below of how the phonological system of Tatar is represented by means of the Arabic script are from Bashirova et al. [2015: 362–389] – a major study of the Tatar literary language from the 13th to the early 20th centuries. The principles reflect the situation before the earliest translation of our study, that is, the 17th and 18th centuries.

1. Word-initially the Arabic *ā*, (*alif* with *maddah*), and *alif* ^ʾ represent the sound [a] and [ä]; *alif* together with *ya* ^ϣ represent [i] and [e].

⁸ In Table 1 I show the fuller names for the Arabic letters, but in the discussion I use only the basic Latin-script letters without diacritics.

2. Word-medially and word-finally *alif* ا and *ha* ه represent the sounds [a] and [ä].
3. Word-initially the digraph *alif* ا and *waw* و represent the sounds [u], [ü], [o] and [ö], and word-medially the letter *waw* و is used for these sounds.
4. There is fluctuation observed between the word-initial [b] and [w], and between the [b] and [m] sounds (and their respective letters).
5. The gradual change of [ä] into [i] in word-medial positions is observable in closed syllables.
6. Labial harmony can be frequently observed.

Table 1. Basic system of transcription used in this paper [cf. Bashirova et al. 2015: 388; Khisamova 1990: 17; Safiullina & Zakiev 1994].

Transcription	Arabic letter, isolated form (Arabic name ⁹)	Transcription	Arabic letter, isolated form (Arabic name)
b (p)	ب (bā')	q	ق (qāf)
p	پ	k (g)	ك (kāf)
t	ت (tā')	g	گ, ك
s	س (sīn)	l	ل (lām)
š	ش (shīn)	m	م (mīm)
ž	ج (jīm)	n	ن (nūn)
č	چ (če ¹⁰)	ŋ, ng	ن + ك, نڭ
x	ح (ḥā)	a, ä; h (word-initially)	ه (hā')

⁹ The names are as presented in Wikipedia: Romanization of Arabic; https://en.wikipedia.org/wiki/Romanization_of_Arabic, accessed 22 November 2023.

¹⁰ From the Persian alphabet.

d	ﺩ (dāl)	w; u, ü, o, ö	ﻭ (wāw)
z	ﺯ (zayn)	(v)	ﺯ
r	ﺭ (rā')	j; i, y; ji, jy	ﺭ (yā')
ɣ	غ, ع (ghayn, 'ayn)	a, ä, (e, y)	ا (alif)
f	ﻑ (fā)	a, ä	آ (alif maddah)

In addition to the principles outlined above, in the Synopsis (section 4.2) for ease of comparison I follow the (current) Tatar sound system in cases where the Arabic letter is ambiguous (for example, as is the case with *waw* and *ya*), as I am able to detect it. Although vowel harmony is not reflected in the Arabic-script text consistently, I follow the attested claim [see Róna-Tas 1998: 73–75; Johanson 1998b: 108] of Turkic vowel harmony.

This article is organized as follows: Part I consists of sections 1–4, and Part II of sections 5–6. Section 2 presents a basic outline of the development of the Tatar literary language, where points relevant to the current discussion are highlighted. This section also contains an introduction to some pertinent linguistic features of the Tatar language. Section 3 offers an overview of Scripture translation in the geographical area relevant to our study. In Section 4 the translated texts are first introduced in Table 2 with the available background information concerning them (historical, geographical, authorship, year of printing, publisher). I then present in Table 3 the seven translations of the Lord's Prayer in the format of a synopsis¹¹ to enable the texts to be viewed together. Section 5 is devoted to the investigation of each of the seven translations: their linguistic characteristics, distinctive lexical and syntactic features, and orthography issues. The final section 6 offers conclusions with suggestions for further research.

¹¹ This idea I owe to Julian Rentzsch [2015].

2. History of Kazan/Volga Tatar: literary language, scripts and printing

In this article we explore translations which are regarded as connected with the language nowadays defined as Kazan, or Volga, Tatar. Volga Tatar is a Kypchak Turkic¹² language, with five million speakers mainly in the Russian Federation, the Republics of Tatarstan and Bashkortostan being the major centres of speakers. Therefore it is appropriate to offer an overview of the main stages of development, as well as a description of the features characteristic of the Volga Tatar literary language. This enables us to look at the seven translations in the context of a particular form of the language. At the same time it is important to keep in mind that the literary languages before the emergence of the distinct contemporary Turkic languages were “transregional”, where literary languages like Chaghatay functioned as the prestigious written medium over a wide area, including the Tatar homeland and Central Asia. There was not usually a direct relationship between the written and spoken variants. Nevertheless, Johanson [1998: 87] points out that even though authors intended to follow certain literary norms, some features originating from their linguistic environment are detectable. This is visible, for example, in Old Tatar, or Volga Turki, which displayed clear Kypchak features.

2.1 Development of the literary language

Written Tatar has its roots in the origins common to all Turkic languages. The early written Old Turkic documents, the most prominent of them being the Orkhon runiform inscriptions, originate from the 6th–8th centuries. These represent Common Turkic. Closer to the current Tatar homeland, written in-

¹² See [Tenishev et al. 2002: 216 ff.], a comparative-historical grammar of Turkic languages, for an in-depth portrayal of the Kypchak languages through a comparison of its two states: Proto Kypchak and the current Kypchak languages, one of them being (Volga) Tatar, which is classified as belonging to the Uralic subgroup together with Bashkir and the language of the Baraba Tatars [Tenishev et al. 2002: 219].

scriptions were found on tombstones in Bolghar, originating from the 13th–14th centuries. While these inscriptions open a linguistic window to the area, in his study of the Volga Bolghar epitaphs, Khakimzhanov [1978: 3, 99] points out that it is likely that the Arabic-script texts do not reflect the spoken language of Volga Bolghars, but represents a “functional language” specifically used for this purpose, which is visible in the standardised phraseology and constructions employed.

The 11th century literary monument of all Turkic peoples is the *Compendium of the languages of the Turks* by the philologist Maḥmūd al-Kāšyarī, which contains a dictionary of Turkic languages, as well as language and folklore samples from many Turkic tribes. The over 50 tribes which al-Kāšyarī's lists as Turkic include, amongst many others, ethnonyms familiar in current Turkology: Bolghar, Kyfchak (Kypchak), and Tatar, which are listed as separate groups¹³. The ethnonym Tatar does not in this case have any direct relation with the current (Volga) Tatars¹⁴.

Bolghars, who are regarded by a number of scholars as the ancestors of Kazan Tatars, arrived at the shores of the Volga and Kama rivers in the 7th century. The land of the Bolghars, Volga Bolgharia, became established as a state in the late 10th century after the fall of the Khazar Khanate. Before this, in the 920s, the Bolghar rulers had adopted Islam, which became a major unifying force, both politically and culturally [see Urazmanova & Cheshko 2001: 55–56]. Islam brought with it the adoption of the Arabic script as the medium of writing, when the Khan of the Golden Horde officially declared Islam the only religion of the territory [Nurieva 2016: 114]. Thus the written language of the Tatar homeland, Old Tatar, or Volga Turki, was written in Arabic script, which continued to be in use in the subsequent written variants until the early 20th century. In records written in this language, Arabic and Persian loans strictly retained the source-language form, whereas Turkic-Tatar words followed the system

¹³ See [Zakiev 2008: 25] for the full list.

¹⁴ See [Zakiev 2008: 11] for the eleven different meanings of the ethnonym “Tatar” since ancient times.

of the so-called *iske imla* (“old orthography”) [Bashirova et al. 2015: 32].

When the Mongol invasion engulfed the Turkic world in the early 13th century, Old Turkic gave way to Middle Turkic. According to Erdal [2004: 5–6], four different Turkic written variants can be attested from this time: Eastern Turkic, Kypchak, Bolghar and Oghuz, each representing distinct dialect groups¹⁵. A short time before Volga Bolgharia fell to the Mongol invaders and the Golden Horde (the Ulus of Jochi) was established in the area, a major literary work saw light in Volga Bolgharia. This is Qol Gali’s epic poem *Qyjssa Josif*¹⁶ (or *Qyssa-i Jusuf*; “Story about Joseph”) originating from 1233.

Some Tatar scholars regard Qol Gali’s epic poem as the beginning of their national literature [Bashirova et al. 2015: 12; Khaliullin 2021] and others emphasise its significant influence on the literary language and folklore heritage of Volga Tatar [Tenishev & Zäkiev 1983]. Qol Gali (ca. 1183–1240) travelled extensively in the cultural centres of the Islamic East. During this time, Arabic, Persian and Turkic were used as the languages for scientific and literary works, which is also reflected in the use of Arabic and Persian vocabulary in the poem. However, there are far fewer Arabic and Persian loans than in other Turkic literary works of the same era written in the Chaghatay (Old Uzbek) and Osman-Turkish languages. *Qyjssa Josif* is characterized as representing both cultivated classic Turkic, and simultaneously displaying a clear influence of the regional Turkic variant of Volga Bolgharia. In the epic poem, especially in the area of vocabulary and phraseology “neutral Turkic-Kypchak elements” are prevalent [Tenishev & Zakiev 1983: 15–16]. In morphology, a clearly Kypchak feature is the genitive formed with *-niŋ* and the accusative formed with *-ni* [Nurieva et al. 2019: 748]. Both features have carried over to contemporary Volga Tatar.

¹⁵ Of the current Turkic languages, the vowel sound [a] has a special labialised pronunciation [a^o] in the first syllable only in Kazan Tatar. Tenishev et al. [2002: 221] regard this as the substrate influence of the (now extinct) Bolghar language.

¹⁶ A beautiful Tatar-Russian edition of *Qyjssa Josif* was published in Kazan in 1983 [see Tenishev & Zakiev 1983].

In addition to the Turkic variant reflected in *Qyjssa Josif*, the old Tatar literary language of the 13th–17th centuries displayed at least three other variants, one of which retained a Khorezim-Turkic basis, itself being derived from older Karakhanid-Uyghur, while another one continued the Volga-Kypchak (Bolghar-Kypchak) tradition, and a later variant in the 16th–17th centuries reflected Chaghatay traditions.¹⁷

The literary language during the era of the Golden Horde is seen in general as having a Kypchak basis, and structurally differing from the earlier Karakhanid-Uyghur language and Chaghatay. A distinguishing feature in the system of nominal declension observed between this literary language and Chaghatay is the use of *-n-*: in the former this infix is present, whereas in the latter it is absent, cf *uyly-na* vs. *uylyj-ya* ‘to his/her son’ [Khisamova 1990: 19]. The use of the infix *-n-* remains a feature of contemporary Tatar.

The literary work *Codex Cumanicus* from the early 14th century reflects a Kypchak variant, a koine [Bashirova et al. 2015: 40], spoken in the west of the Turkic world. Some parts of the *Codex* find reflection also in the development of the Tatar literary language. The Kypchak language was spoken by Cumans who lived on the Black Sea. The *Codex* consists of two parts, a Latin-Persian-Cuman lexicon and religious texts including Bible portions. Amongst the latter is also a version of the Lord's Prayer. The translations appear very literal, retaining the word order of the source text, or reflecting the syntax of European languages, more specifically German(ic), which is presumably an indication of the German Franciscan compilers' influence on the text. [See Golden (n. d.); Berta 1998: 158–159.] As for the value of *Codex Cumanicus* for Turkology, Nurieva [2017: 510] commends it as “a major written source of the Kipchak colloquial language of

¹⁷ Khisamova [1990: 18] adds to this list one special strand – the object of her own study – the language of official correspondence, beginning with official edicts and formal diplomas, *yarlyks*, of the era of the Golden Horde, and later of the Kazan and Crimean Khanates. They differ from other written texts of their time in that they reflect to some degree the spoken language of the people, even some features of the dialects.

the Golden Horde” for the study of the development of the Kypchak languages. The Tatar linguist and poet Mostafa Nogman [1969: 9–10] writes, “After comparing the Cuman sound system with sounds in other Turkic languages, [the eminent 19th century Turkologist] Radloff proves that in the area of consonant sounds it is close to the Volga Tatar language, and particularly to its Western, Mishar dialect.” Nurieva [2017a: 701–702] outlines some of the Kypchak features evident in the dictionary: in phonology, voicing of the [q] sound intervocalically into [y] and evident labial harmony followed in the genitive case affixes; in morphology, the accusative formed with *-nY* and the ablative with *-Dan*; in verbal forms, the *-yp tur* forms occur frequently. These features, except for the last one, are the norm in contemporary Tatar.

The dominion of the Golden Horde began to decline and it disintegrated in the early 15th century. Soon on its edges new state-like formations started appearing: the Siberian, Kazan, and Crimean Khanates, the Noghay Orda, and sometime later the Astrakhan, Kazakh and Uzbek Khanates. The Kazan Khanate became established in the area of the earlier Volga Bolgharia, and during its existence a unified Tatar ethnos started forming. On the basis of the merging of the Bolghar and Kypchak dialects a Tatar common spoken language began to emerge. When the Kazan Khanate fell in 1552 the Russian rule brought along a new socio-political situation, and without the support of a unified city culture the development of the literary language slowed down and the language became “mixed” [Khisamova 1990: 19–20].

Nurieva [2017b: 513] summarises the origins of the Old Tatar literary language as combining two different elements which interacted with one another. On the one hand, there is the continuous Turkic literary tradition dating back to the Turkic and Uyghur Khanates. On the other hand, an important role was played by the regional Kypchak koine used widely in the area of the Golden Horde. These two elements contributed “to the formation of an early, regional literary language” [Nurieva 2017b: 513]. Being by its fundamental system Kypchak, the cultural, his-

torical, and linguistic conditions were such in the Kazan, As-trakhan, and Siberian Khanates that the literary language was able to preserve its traditional archaic features more than, for example, in the Crimea, where Ottoman Turkish influenced the literary language.

In the area of linguistic development, the transition of nominal declension to a Kypchak type took place in the 14th century [Nurieva et al. 2019: 748]. With verbs, while the standard past continued to be formed with the suffix *-DY*, the regional koine was instrumental in the appearance of the new Kypchak verb form with *-GAn* into the repertoire of perfect forms. The verb form with *-mYş* remained as the indicator of prestigious literary tradition, and *-Yp tur* was a colloquial dialectal form [Nurieva et al. 2019: 748]. For verbal nouns and infinitives, the Chaghatay-influenced *-mAQ* still held sway, but the new infinitive form *-rGA*, characteristic to the Volga region, started to appear in some literature of this era [Nurieva 2017a: 704].

In the 15th–16th centuries a new verbal morphological formant *-a/-ä* appeared alongside the existing present-future affix *-yr/-er*, *-ur/-ür*. During the era of the Kazan Khanate, the verbal noun formed with the Oghuz (Chaghatay) *-mAQ* was challenged by the regional form *-u/-ü* [Nurieva et al. 2019: 750], which is also in use in contemporary Tatar. For the infinitive, *-rGA* started occurring frequently in the records. For participle, three forms with the suffixes *-GAn*, *-mYş* and *-DYQ* were used.

The mid-16th century brought a major upheaval in the area. Kazan, the capital of the Kazan Khanate, was conquered by Ivan IV (the Terrible) of Russia in 1552. Many Tatars were expelled from their living areas. Fleeing from the threat of Christianisation they founded new villages where people representing different Tatar dialects and other Turkic variants lived together. A spoken village koine was formed [Bashirova et al. 2015: 46], folklore developed, and various epics depicting battles against the Russian Tsar were created.

As the Russian government needed translators, scribes, and ambassadors for communicating with Turkic-speaking peoples, the Old Tatar written language came to be used for well over 200

years as the main means of communication with the Eastern lands. Its basic system was close to the spoken Tatar of its day, but gradually Russia's increasing diplomatic connections with Turkey and Iran brought about a stronger Oghuz influence on the language. As Central Asian classical literature and opportunities for education in its madrasas were becoming more available, the prestigious Chaghatay literary tradition started exerting more influence from the mid-1700s. A clear sign of this change were the increasing Arabic and Persian loans in the written records. In general, secular literature adopted innovations more readily, religious and didactic literature remained more stable and traditional [Nurieva et al. 2019: 748, 750].

In the 16th–19th centuries, two dialects of the area, Kazan Tatar and Mishar, were used for spoken communication. An inter-dialectal spoken literary language was in use for administrative and legal, as well as religious purposes. Characteristic for this style was strong stability and conservatism. In religious ceremonies the spoken language was mixed with Arabic, for a more elevated style [Khisamova 1990: 26–28]. In her study on the literary language from 1990, Khisamova advocated for extensive research in the area of religious language. This article attempts to respond to this need in the context of the Tatar historical translations of the Lord's Prayer, a piece of religious literature which in its original form is an act of communication combining praise, exhortation and poetry.

Poetry of this time retains some of the traditional features deriving from the Kypchak of the Golden Horde era, but the language “by its lexical stock and basic system of grammatical forms is already in considerable amount Tatar” [Khisamova 1990: 29]. Also, poetry contained figurative expressions close to Tatar spoken language, a clear example of this being the use of the Tatar first-person plural affix *-bYz* instead of the traditional *-mYz*. The earlier translations to be discussed in section 5 originate from a century after the era researched by Khisamova, but, as we will see, there is still fluctuation in the use of this affix.

According to Bashirova et al. [2015: 56–71], the written language of the 17th–18th centuries reflected the earlier traditions of

the Bolghar and the Golden Horde eras, and during the Kazan Khanate it started mixing with the spoken forms of the language of the area, at this time being called “Bolghar-Kazan Turki”. Arabic and Persian loans became more rare, and Turkic vocabulary — closer also to the spoken language — came to the fore. Gradually, the language called “Turki” was replaced by the term “Tatar” in published literature, for example, dictionaries. At the turn of the 19th century, the first study books for Russians to learn Tatar started appearing. At this time Islam became recognised in Russia as an official religion.

In the first half of the 19th century different influential views about what was appropriate for language in literary and religious contexts started challenging one another. Some advocated that mullahs should show their special status by using “higher” language with Arabic and Persian loan words. The demand for the use of “classical, authoritative Turki” filled with Arabic and Persian loans resulted in two types of literature occurring side by side: some followed the “Turki” style, while others made use of the Old Tatar literary language, more in tune with the spoken language of the people. Works using classical Turki become more dominant, and the literary language became hard to understand [Bashirova et al. 2015: 74–75].

In the middle of the 19th century in conjunction with the formation of the Tatar nation, a national literary language started emerging. With the increase of domains needing the written language, the Old Tatar literary language was no longer satisfactory, because it was not understandable to common people. This triggered the process of bringing the language closer to spoken language. This was also the time of Nikolai Ilminsky's initiative to use spoken language as the foundation for translating the Bible and other Christian texts, and to utilise the Cyrillic script for greater representation of the Tatar sound system and wider understandability. The change of linguistic standards and style towards a commonly accessible language took its time, and it was at the beginning of the 20th century when “all the styles of Tatar national literary language were by and large brought into the norm” [Safiullina & Zakiev 1994: 19]. During the Soviet era the

development of literary standards continued, and different literary varieties and styles became established.

2.2 Scripts and the beginning of printed publications

In the course of its history the path leading from Turkic to the Volga Tatar written language has proceeded through five different scripts: runiform, Uyghur, Arabic, Latin, and Cyrillic. The earliest Turkic words and phrases originate from the 6th century [Erdal 2004: 4], but the written Turkic period starts in earnest with the Orkhon valley inscriptions dated to ca. 720 AD. Being in a runiform script, they represent the so-called Common Turkic, that is, Turkic from which the Oghur language had already broken away, but the split into Oghuz, Kypchak and Uyghur had not yet taken place [Johanson 1998b: 85].

After the state of Volga Bolgharia was formed in the late 10th century, it soon established political, trade, religious, cultural and scientific connections with eastern countries. With the adoption of Islam in 922, the Arabic script began to be used. The Arabic script continued to be in use amongst the Tatars for one thousand years. It did not allow for full representation of the Tatar vowel sounds, as it had only three letters for vowels and semivowels, whereas Tatar has eight vowels and two semivowels. In essence the writing system did not undergo major changes until the latter half of the 19th century, when *iske imla* “old orthography” was replaced by *jana imla* “new orthography” and *urta imla* “middle orthography”. Tatar started marking six additional vowels, which system continued until the Arabic script was replaced in the early 20th century [Safiullina & Zakiyev 1994: 207].

The first printed publication in Tatar was a manifest of Tsar Peter I from 1722 printed in his military typography in connection with the Russo-Persian war. The publication came out almost simultaneously with the Russian version, which is an indication of the important role the Tatar literary language played in society. Sometime later, at the request of representatives of the Tatar educational bodies Tsar Paul I gave permission in 1800 to open a typography at Kazan University, and printing of Tatar books began a year later [Khaliullin 2021].

In the early 20th century the Arabic script was regarded as a symbol of Islam. In 1926 all Turkic peoples within the Soviet Union started using the Latin script. The new Tatar script based on the Latin script was called *jaŋalif* “new alphabet”. However, in the 1930s due to Russification efforts the Cyrillic alphabet was introduced and it became functional in 1938, with the introduction of six new characters to represent Tatar sounds not available in the standard Cyrillic script [see Safiullina & Zakiev 1994: 208].

2.3 Contemporary Tatar literary language

The norms of the current Tatar literary language are essentially a combination of features from different Tatar dialects. The phonetic system and the lexical stock are mainly from the middle dialect, whereas the western Mishar dialect played a major role in the formulation of morphology and grammatical structure. For syntax, the norms derive from old literary Tatar, finding its roots in the Middle Turkic literary language. [See Urazmanova & Cheshko 2001: 26; Safiullina & Zakiev 1994: 18.]

3. An overview of Bible translation in the areas around the Tatar homeland in the 1800s

In this section I take a look at Bible translation activities in the territories close to where Volga Tatars resided when most of the texts studied were created. We will note the activities of the Karass Mission, and how Professors Kazembek and Ilminsky, who were members of the Scripture Translation Committee, regarded the task of Bible translation. I would like to highlight the following Tatar scholars who mention Bible translation in their writings: Fanuza Nurieva who with her colleagues has written in detail about Ilminsky's work [see Nurieva et al. 2016]; Nogman [1969] who briefly discusses *Codex Cumanicus* and its connection with contemporary Tatar dialects, and Iskander Abdullin [1974] who touches on the topic of biblical translations in his study of connections between Tatar dialects and the language of “Armenian-Kypchak” manuscripts originating from the 16th and 17th

centuries. The book of the Bible that Abdullin [1974: 170] mentions is Psalms in a Kypchak variant written in Armenian script.

3.1 Scripture translation of Turkic variants in Karass, Astrakhan and Orenburg

The late 1700s and the 1800s were a time of increasing activity in Christian missions, and many Protestant societies were founded to promote the Christian faith, and to accomplish other humanitarian goals inspired by their Christian faith, including the abolition of slavery. An interest also grew in Bible translation, to provide the Scriptures to peoples and languages in new areas. The Scottish Missionary Society, founded in 1796 (initially under the name *The Edinburgh Missionary Society*) became a major contributor to Bible translation work in the area where many Turkic peoples lived, including the many different groups who were called “Tatar” but represented different language variants and dialects. The early 1800s also saw the beginning of several Bible Societies, the British and Foreign Bible Society being founded in 1804, and the Scottish Bible Society in 1809 [see Flynn 2017: 235, 238].

The Scottish Missionary Society established a mission centre in Karass in the North Caucasus in 1802 in an area which had been taken over by Russia just some fifteen years previously during the reign of Catherine II. The area was now being referred to as “Russian Tartary” [Flynn 2017: 229]. The Karass team, headed by Henry Brunton, started translating the Scriptures as a key part of their work. The Turkic variant spoken in the village was called “Tatar-Turkish”, or “Noghay”. The Noghays lived adjacent to the Kabardians [Flynn 2017: 283] who spoke a very different language belonging to the north-west Caucasian language family. The Karass centre started printing the translated Scriptures and other religious literature in this “leading vernacular of the Karass region” [Flynn 2017: 276]. The translation of the New Testament into Tatar-Turkish/Noghay was headed by Brunton, who had acquired an excellent spoken and written knowledge of the language. However, he died just before the work was completed, so Charles Fraser led the work to conclusion, and the Noghay New Testament was published in 1813 [Flynn 2017: 304].

According to Flynn [2017: 309], the Karass Scripture translations did not strictly represent one single dialect but were an “eclectic lingua franca version”, or a “union version” created in the Tatar-Turkish/Noghay lingua franca of the area. Brunton's New Testament translation was based to some extent on William Seaman's Noghay-Turkish version of 1666.

The Russian Bible Society was founded 1812, and together with the British and Foreign Bible Society it supported the production of the Scriptures until the mid-1820s [Flynn 2017: 321]. During this time the New Testament and some Old Testament books were translated into Russian, and several schools were established for the poor. In 1815 the Karass community moved to Astrakhan, a cosmopolitan city strategically located on the Volga, with a mixed population. Scriptures were produced and printed in Turkic varieties, now including a variant called the “Orenburg Tatar dialect”. Instead of “Tatar-Turkish”, which was the name of the variant spoken in Karass, Flynn [2017: 326] comments, “in this region, [the variant is] more correctly called Volga-Tatar”. Being a commercial centre, in addition to other types of goods the merchants also carried the printed Scriptures to various areas, including Georgia, the Crimea, Persia and Kazan.

In addition to Astrakhan, a new mission station was opened in another key location, Orenburg, in 1815. Orenburg was situated at the crossroads of European and Asiatic Russia on the River Ural, and was seen as a door to Siberia [Flynn 2017: 394]. Beyond the city in the steppe lived a nomadic people called “Kirgizian Tatars”, and they were amongst the peoples whom the Scottish mission aimed to reach. After ten productive years, the censorship ruling of 1824 in Russia caused difficulties for the work, and the Russian Bible Society was closed down during the reign of Nicholas I [Flynn 2017: 324–326].

3.2 Scriptures reaching the region of Kazan

As mentioned, merchants were instrumental in taking printed Scriptures from Astrakhan to various key areas, including Kazan. It appears that some of the original Tatar-Turkish New Testaments of the Karass mission ended up in Kazan in response to the government of Kazan's request for them [Flynn 2017: 384].

The mission workers themselves also travelled long distances from Orenburg, and some of them reached the Kazan region in 1821. The Scriptures they brought along were in “Tatar-Turkish”, including the New Testament, Genesis and Psalms [Flynn 2017: 390–396]. It is not clear whether “Tatar-Turkish” was in this case used for the Noghay “lingua franca” variant, or perhaps some other variant(s), for convenience called with the general title “Tatar-Turkish”.

3.2.1 Mirza Alexander Kazembek

Mirza Alexander Kazembek was influential in Scripture translation in Kazan in the 1840s–1850s. Kazembek was ethnically Persian and from the leading families of Derbent in southern Daghestan, where his father served as a Muslim judge. The father was convicted of treason and sent to Astrakhan for exile, and his son followed him there. Kazembek became interested in the Christian faith through the Scottish mission.

After his conversion in 1823, he visited Kazan and its university. The University of Kazan had been founded in 1804, and it was the only university in the Russian Empire located in a predominantly Muslim area. Kazembek became one of the founders of the Oriental Studies department at the university, and served there as a professor [Flynn 2017: 442–448].

Tsar Nicholas I established a Scripture Translation Committee, and Kazembek served as its chairman in the 1840s–1850s. Kazembek’s approach to Bible translation was “ultra-Muslim”: he was in favour of retaining high style with Arabic and Persian literary elements, and of using the Arabic alphabet. It is impossible in the constraints of this paper to investigate whether Kazembek’s approach might have been influential in some of the translations studied¹⁸.

¹⁸ Kazembek’s special interest in the “Turkish-Tatar” language is shown by the fact that he wrote a grammar of it in Russian, which was soon afterwards translated into German. See [Kasem-Beg 1981] (which is a reprint of the German translation, originally published in 1848–1849).

3.2.2 Nikolai Ilminsky

It was due to Kazembek's influence that another key player in the history of Bible translation amongst the indigenous peoples of the area, Nikolai Ilminsky, became involved in Scripture work. Ilminsky received his education in Turkic studies and joined the Translation Committee, also serving as professor of Turkic languages at the University of Kazan. Initially Ilminsky followed the translation principles outlined by Kazembek and the Committee, but when he came to test the translation in Tatar villages to find out how it was understood, he discovered that the text was unintelligible to the people. As a result, Ilminsky developed his own method of translating, where the translations were aimed at more clearly defined "multiple narrow dialects", and instead of the Arabic alphabet, a modified Cyrillic script was used [Flynn 2017: 448–449]. We look at Ilminsky's principles more closely in section 5.6, when discussing the 1893 translation.

3.3 Comments on translation method

Research into translation methods and principles of those involved in Scripture translation in the 19th century would present a wide area of investigation, which is outside the scope of this article. I do nevertheless offer some observations on this crucial topic.

Kazembek and Ilminsky appear to represent two extremes on the spectrum of Bible translation methods. Kazembek favoured traditional, established ways of presenting a religious text to the speakers, while Ilminsky, through his initial bitter experience when testing an unintelligible translation, came to radically modify his approach, involving mother-tongue speakers in a major way and taking into account the results of comprehension testing.

When it comes to the earlier translation work by the Scottish mission community, originating in Karass, Flynn [2017: 456–457], while regretting how little acknowledgement the mother-tongue language informants received in their day, commends the method used by the Scottish worker William Glen, who worked on the Persian translation of the Old Testament:

...it was the *munshīs* who in reality did most of the real translation work for Glen. He actually followed the now approved practice of overseeing the translation made firstly by the *munshi* ('language informant'). It was then revised against the original and other versions for accuracy and internal consistency by biblical experts.

It is not clear whether mother-tongue speakers were involved in a major way in the early translations into Turkic languages and dialects, but some of the translations investigated in this study do show signs of aiming for what would in contemporary translation studies be called a natural translation. That said, the text we are currently studying, the Lord's Prayer, is not in the most straightforward genre for studying naturalness, which can more easily be distinguished in narrative texts.

4. An overview of the texts

4.1 Metadata on the texts:

sources, year, background to creation

In Table 2 I present the basic background to the seven texts studied: place of printing, year, script, publisher and other relevant information.

Table 2. Texts, year of printing, script and other information

	Text	Year	Script	Comments
1	<i>Tatar Catechism</i> , reprinted in [Adelung 1817], Volume IV: page 174	1803	Original Arabic transcribed into Latin script	The language is called in German "Tatarisch", 'Tatar'.

	Text	Year	Script	Comments
2	<i>Inzhil (New Testament)</i> . Astrakhan. Copy used from Cambridge University Library, from the collections of the Bible Society's Library.	1820	Arabic	Printed in Astrakhan by Juxana Mitžil. Darlow and Moule [1911: 1630] classify this under "Turkish-Kirghiz" and link it with "Orenburg Tatar". The translation was prepared by Charles Fraser on the basis of Henry Brunton's version of the Noghay New Testament of 1813.
3	<i>Inzhil (New Testament)</i> . Astrakhan. Copy used from Lobachevsky Scientific Library at Kazan State University.	1825	Arabic	Copy used originates from the collection of Barudi (1857–1920), Mufti of Kazan.
4	Published in [Dalton 1870] and provided by Academician Velyaminov [Dalton 1870: 14]. No information on source, year or place of printing.	1870	Arabic	Dalton's description presents this as "Siberian Tatar".
5	<i>Matthew's Gospel</i> . BSFS: Kazan. Copy used from Cambridge University Library, from the collections of the Bible Society's Library.	1882/ 1884	Arabic	Darlow and Moule [1911: 1629] discuss under "Turkish-Kazan" and call the language "Kazan Tatar". Translated by C. Salemann, a professor at the University of St Petersburg. "Revised for press by J. M. E. Gottwald, a professor at Kazan University, and head of the University Printing Office and Library."

	Text	Year	Script	Comments
6	<i>Four Gospels.</i> The copy used is a 1908 reprint of the 3rd edition of the Four Gospels of 1893. Kazan: Printing House of the Imperial University. (This was reprinted in 1973 together with Psalms of 1914. Stockholm: IBT.)	1893 (1908)	Cyrillic	Translated under the leadership of N. Bobrodnikov, Nikolai Ilminsky's successor. The title page has the following in Russian: "Holy Gospel of our Lord Jesus Christ in the Tatar language". 3 rd edition of the Orthodox Missionary Society.
7	<i>Izge Jazma (The Bible)</i> IBT: Moscow.	2015	Cyrillic	Full title: <i>Izge jazma. Täurat. Zäbür. Inžil.</i> In addition, the title page contains the following: "Institution of the Russian Academy of Sciences, Institute of Linguistics of RAS".

Key to abbreviations:

BFBS = British and Foreign Bible Society

IBT = Institute for Bible Translation

PMO = Orthodox Missionary Society

(Pravoslavnoe missionerskoe obshchestvo)

RAS = Russian Academy of Sciences

4.2 Synopsis of the seven versions of the Lord's Prayer

The transcriptions of the seven versions are presented below in table format as a synopsis, which facilitates easier comparison. In the discussion of each translation in section 5 I present a direct transcription of the Arabic-script text, which is basically consonantal. The transcription in the synopsis below contains my interpretation of the approximate pronunciation of the vowels, and I have explicitly indicated the front and back vowels where possible.

Table 3. Synopsis of the seven versions of the Lord's Prayer.

Year	Matthew 6:9a	Matthew 6:9b	Matthew 6:9c
1803	bezüm ¹⁹ atamezdur our father-our-is	sän küklär- däki sän you in-skies- the-one-being you (are)	rušanlansun sänünj isümünj may-be-glorified your name-your
1820	asmanda bulyan atamyz in-sky being father-our		isemeñ möqadas bulsun name-your holy may-be
1825	küklärä ulan atamyz in-skies being father-our		adyñ möqaddas ulsun name-your holy may-be-
1870	i kükläräki atamyz O in-skies-the-one- being father-our		sneñ isemeñ möqadas bulsun your name-your holy may-be
1882/ 1884	i küklärägi atamyz O in-skies-the-one- being father-our		isemeñ möqadas bulsun name-your holy may-be
1893	ej küktäge Atabyz, O in-sky Father-our		danny bulyb torson isemeñ Sineñ, glorious may-be. continuously name- your Your.
2015	Küktäge Atabyz! In-sky-the-one- being Father-our!		Isemeñ izge dip iqrar itelsen, Name-your holy as may-be-declared,

¹⁹ The 1803 text in the synopsis is my interpretation of the Latin-script transcription of the source, which itself was made in a context influenced by German.

Year	Matthew 6:10a	Matthew 6:10b	Matthew 6:10c
1803	kalsun sänüŋ šagluguŋ may-remain your kingdom-your	ulsun ixtiar säniki kükdä gäm erdä may-be will yours in-sky and on-earth	
1820	mämläkäten jitešsün government- your may-arrive	10c iradäten zämindä bulsun will-your on- earth may-be	10b asmanda däxi bulduyy kebi sky-in also its- being like
1825	badšahlyyyŋ kilsün kingdom-your may-come	kükdä moradyŋ ničä isä in-sky purpose- your as would-be	jirdä däxi bu ilä ulsun on-earth also this with may-be
1870	sneŋ mölkteŋ kilsün your dominion- your may-come	sneŋ aradaŋ kükdä bułyan tik your will-your in- sky being as	jirdä däxi bulsun on-earth also may-be
1882/ 1884	mölküteŋ kilsün dominion-your may-come	moradyŋ kükdä ničuk isä purpose-your in- sky as would-be	jirdädä šulaj bulsun on-earth thus may-be
1893	Kilsen padšalyyyŋ Sineŋ; May-come kingdom- your Your;	žirdä dä küktägečä on-earth also as- (being-)in-sky	bulsyn irkeŋ Sineŋ. may-be will- your Your.
2015	Sineŋ Patšalyyyŋ kilsen. Your Kingdom- your may-come.	Küktäge kebek, žirdä dä In-sky(-being) like, on-earth also	Sineŋ ixtyjaryŋ yamälgä ašsyn. Your will-your may-become- realised.

Year	Matthew 6:11a	Matthew 6:11b
1803	bezüm gärküngi nafakamezne our every-daily food-our-ACC	bu jümdä birgil wezgä this in-day give-IMP to-us
1820	här künki nanymyzny every daily bread-our-ACC	bu kün bezkä bir this day we-DAT give
1825	här künki etmäkemezi every daily bread-our-ACC	bezä bu kün wir we-DAT this day give
1870	bezneñ rizyq ikmäkemezni our food bread-our-ACC	bükün bezkä birkil today we-DAT give-IMP
1882/ 1884	här künki ikmägemezni every daily bread-our-ACC	bügün bezgä birkil today we-DAT give-IMP
1893	Bögön könnök ikmägebezne Today daily bread-our-ACC	bir bezgä. give we-DAT.
2015	Köndäleñ ikmägebezne Daily bread-our-ACC	bezgä bügen bir. we-DAT today give.

Year	Matthew 6:12a	Matthew 6:12b	Matthew 6:12c
1803	gäm kitşgül bezüm gunaglaremezni and forgive-IMP our sins-our-ACC	niçükdür wä bez kitşämez as-is also we forgive-we	magijublakmüš ²⁰ kemsanalarni ?-doing anyone- PL-ACC
1820	wä buručlary- myzny bezkä bayyşla and debts-our-ACC we-DAT forgive	bezim däxi buručlylarymyza our also indebted- being-our-DAT	bayyşladuyymyz kebi forgiving-our like
1825	wä bezä buryçlarymyzy bayyşla and we-DAT debts- our-ACC forgive	ničä kä bez däxi bezä buryçly ulanlara as we also we-DAT those-indebted-DAT	bayyşlaryz forgive-we

²⁰ A query remaining for future research.

1870	wä bezneŋ buryč-larymyzny baŋyš-layyl bezlärkä and our debts-our forgive-IMP we-PL-DAT	antak kim bezläŋ buryčlularymyzŋa such as we-PL those-indebted-our-DAT	baŋyšlajmyz forgive-we
1882/ 1884	häm bezgä buručlarymyzny kičür and we-DAT debts-our-ACC forgive	antak kim bez dä üzemezgä buručly bulŋanlaraŋa such as we also ourselves-DAT indebted those-being-DAT	Kičürämez forgive-we
1893	Buryčlarybyzny kičer, Debts-our-ACC forgive,	bez dä bezgä buryčly bulŋannaraŋa we also we-DAT indebted those-being-DAT	kičergän kük. have-forgiven like.
2015	Bez dä üzebezgä jawyzlyq qylučylarny We also ourselves-DAT evil doers-ACC	kičergändäj, as-have-forgiven,	bezneŋ jawyz ešlärne Sin kičer. Our evil deeds-ACC You forgive.

Year	Matthew 6:13a	Matthew 6:13b
1803	gäm džasuwe ²¹ itmägil fasad eškä and ? do-not-IMP corrupt deed-DAT	emma kutkar bezni rialukdan but save we-ACC hypocritical.one-from
1820	wä bezni mxll ²² imtixanŋa ketürmä and we-ACC position testing-DAT bring-in-not	läkin šärdän bezni näžat qyl but evil-from we-ACC salvation do

²¹ A query remaining for future research.

²² I am grateful to Dr Rachel Décor for deciphering the Arabic-script word and suggesting a meaning for it.

1825	häm bezi imtixana salma and we-ACC testing-DAT put-not	ämmä bezi jaramazdan qurtar but we-DAT (the) worthless-from save
1870	wä bezläрни imtxanya mbtla ²³ qylmayyl and we-PL-ACC testing-DAT one_exposed make-not-IMP	bälkä bezläрни šärirdän qotqaryyl but we-PL-ACC evil- from save-IMP
1882/ 1884	häm bezni imtixanya tüšürmä and we-ACC testing- DAT put-down-not	läkin jamandan bezni qutqar but evil-from we-ACC save
1893	Bezne aldanyrya irek žibärmä; We-ACC be-deceived allow-not;	žamannan qotqar bezne. evil-from save we-ACC.
2015	Bezne synauya dučar itmä, We-ACC testing-DAT subject do-not,	ä jawyzdan saqla. but evil-from protect.

Year	(Matthew 6:13c)	(Matthew 6:13d)	(Matthew 6:13e)
1803	zira sänüñ šagluguñ gäm kuwatuñ for your kingdom-your and strength-your	gäm danuñ abadidur and glory-your eternal-is	amin amen
1820	ziräkä mämläkät wä qodrät for government and power	wä žälal sineñki der daim and greatness yours is eternally	amin amen
1825	zirä badšahlyq wä qodrät for kingdom and power	wä žälal abda sneñder and greatness eternally yours-is	amin amen

²³ I am grateful to Dr Rachel Décor for pointing me to the right direction with the interpretation of the Arabic-script word. The meaning ‘exposed (to affliction)’ is confirmed by Gazizov et al. [1993: 353], where the word مَبْتَلَا is transcribed into Tatar as *мөбтәлә* (*möbtälja*) and given the meaning ‘(someone) exposed (to misfortune)’.

1870	anyñčun kim sneñder mölkt wä quut therefore as your-is dominion and strength	wä žälal äbädkäčä and greatness until-eternity	amin amen
1882/ 1884	čünki sneñder mölkün wä qodrät for your-is dominion and power	wä oloylyq mänküčä and greatness until-eternity	amin amen
1893	Pađšalyq, qyuat, Kingdom, strength,	ololoq yumergä Sineke šul. greatness eternally Yours indeed (is).	Amin'. Amen.
2015	-	-	-

4.3 General observations, common to all the texts

The main observations and comparisons of the texts are conducted through investigation of their lexicon and certain linguistic features pertaining to phonology, morphology, syntax, as well as discourse-pragmatic features.

In the area of **lexicon**, what stands out at a first glance is the number of loan words, mainly from Arabic. This is especially true of nouns and abstract concepts, whereas verbs are more commonly of Turkic origin, and reflect everyday use.

In the area of **phonology**, sound harmony is a fundamental, indigenous feature of Turkic, which has been retained in contemporary languages. Turkic sound harmony affects both vowels and consonants, and also has impact at the morphological level [Tenishev et al. 2002: 284]. The existence of front vs. back sound harmony is already postulated for Ancient Turkic [Róna-Tas 1998: 73–75]. In the translations studied, albeit not consistently marked, the existence of uvular consonants [q] and [ɣ] in the Arabic script is an indication that the language differentiates front- and back-vowel environments. The front- or back-vowel value of the Arabic-script vowels and semivowels “a”, “i/ji”, and “w/u” can only be interpreted through such consonants.

Most texts also exhibit more extended vowel harmony than contemporary Tatar; this is evident for example from the word *bulsun/ulsun* ‘may be’ of the first five texts, where the jussive suffix *-sYn* is in harmony with the first vowel of the verb *bul* ‘be’. The 1893 translation displays weaker vowel harmony with the form *bulsyn*; this type of vowel harmony also occurs in contemporary Tatar.

Morphology is an area where many interesting distinctions can be observed. Suffixes are a key feature of Turkic morphology attested since ancient times. Róna-Tas [1998: 73] postulates the following possessive suffixes for Ancient Turkic: in singular: first person: **-m*; second person: **-ŋ*; third person **(s)i*, whereas the plural in first and second persons was formed with *-z*. Personal pronouns in singular were *bi* for first person, and *si* for second person, and they could be pluralised with the suffix *-z*: resulting in *biz* ‘we’ and *siz* ‘you.PL’, respectively. Third-person pronouns developed later from demonstrative pronouns.

In the texts we are studying, the following cases occur: nominative (which is unmarked), accusative, dative, genitive, locative and ablative. Especially noteworthy among these is the development of the dative form. Already in Ancient Turkic the dative is said to have been formed with *-ka* [Róna-Tas 1998: 73], and this form occurs also in our texts, alternating with a later variant *-a*.

For verbs, even in Ancient Turkic “the second-person singular simple imperative was identical with the verb stem” [Róna-Tas 1998: 73–75]. An example of this is *kör* ‘see!’, which is both the stem and also functions as an imperative. As for tense markers, the past marker was *-dI*. Markers indicating person on the verb developed from personal pronouns. The development from a personal pronoun to a verbal suffix was the following:

1st-person singular: *ben* > *-men*²⁴ > *-m*;

2nd-person singular: *sen* > *-n*; also *-ŋ*;

²⁴ Johanson [1998b: 106] suggests that an initial *m*- did not exist in Proto-Turkic. The development of the initial consonant of the first-person singular pronoun *ben* to *men*, which is visible in many Turkic languages, including Tatar, would therefore be due to assimilation to the following nasal.

3rd-person singular: **i* > \emptyset ;

1st-person plural: *biz* > *-biz/-miz*; also *-k*;

2nd-person plural: *siz* > *-siz*.

As we will see, most of these features are reflected in the texts of our study many centuries later.

For other verb forms, participles were formed with the suffix *-miš*, and one of the major verbal forms common to Turkic languages, converbs, were already evident in the oldest Turkic texts. We will be observing some participle forms in the texts of the Lord's Prayer, but since the prayer is not a narrative text, no converbs are used. For tenses, only the present tense is used in our texts. Aspectual forms, very common in Turkic languages, have one occurrence in this prayer: in 9c of the 1893 text. As is to be expected in a prayer, imperative and jussive forms occur frequently.

With regard to **syntax**, subordination is not expressed through the use of conjunctions as it is in many European languages, but with the help of non-finite verb forms: the subordinate clause containing the non-finite verb form (converb) precedes the main clause containing a full verb. For co-ordination, simple juxtaposing of clauses is typical. These features are reflected to varying degrees in our texts.

Table 4 in section 6 of Part II presents an overview of the features observed in the translations, with emphasis on features where more variation is observed.

4.4 Illustrative observations from Table 3

4.4.1 Phonology: vowel shift

The Turkic language translations of the time of our study pose a special challenge: they all use the Arabic script, and it is difficult to distinguish between the different language variants. In the Arabic script translations, word-internal vowels are often left unmarked, or under-distinguished. It is from these sounds that different languages can be distinguished, as languages have gone through different sound changes. An example of the importance of distinguishing between vowel sounds

is the systematic vowel shifts²⁵, in particular, the raising of the vowel [e] to [i], which took place in Tatar and Bashkir, and then spread to other vowels as well, resulting in [o] becoming [u], and [ö] becoming [ü]. For example, for the meaning 'come (IMP)' Turkish has *gel*, whereas for Tatar the form is *kil* [Johanson 1998b: 92].

Despite the underrepresentation of the vowel sounds, some evidence of a sound shift can be detected in the translations in the form of the singular pronoun 'you'. The vowel in this word is word-internal, and the word being a pronoun, it has been in use from ancient times. Róna-Tas [1998: 73] postulates that the second-person pronoun for Ancient Turkic was in the form of *si*.

In the 1803 translation 'you' is represented by *sàn/sān* (1803: 9b), which retains the Ancient Turkic initial consonant, but the vowel is the low vowel [a/ā] as opposed to the high vowel [i]. The 1820 translation has one pronoun 'you', and it contains an explicit vowel "i": *sin* (1820: 13d). Interestingly, the 1825 translation, printed only five years later, represents a different tradition or language variant, as the vowel is left unscripted, which would suggest that the sound is not [i], but [a/ā], since there appears to be a general tendency to write word-internal [i] sounds more often than word-internal [a] sounds. It is therefore likely that the 'you' pronoun in the 1825 version was in the form of *sān* (1825: 13d), as in 1803. The 1870 (13c) and 1882/1884 (13c) pronouns follow this pattern, with an unscripted middle vowel, and it is only in the 1893 Cyrillic-script translation that we again meet the form *sin* (9c), which is the norm in contemporary Tatar, as seen in the 2015 translation of Matthew 6:10a.

This is not a clear-cut development of a sound shift, since the forms do not indicate a consistent change which is retained, but fluctuation between different pronunciations. The reason for such fluctuation may be different language variants, localised variation and script conventions, to name but a few.

²⁵ See [Tenishev et al. 2002: 253–256] for a discussion on the development of the vowel system in Kypchak languages, including Kazan Tatar.

4.4.2 Morphology: a possessive suffix

In the table in 9a the key word is ‘our Father’. In all the translations the word for ‘father’ is consistently the same: *ata*, but a difference can be observed in the first-person plural possessive suffix. The form is *-mYz* in five versions. The 1893 translation is the first one to display the form *-bYz*, which is normative in contemporary Tatar.

4.4.3 Word order

The syntactic structure of Turkic languages is typically Subject-Object-Verb [see Johanson 1998a: 49]. The Lord’s Prayer is not the most standard text for determining word order, as it is of a particular genre with its own characteristics, rather than (unmarked) narrative with regular tenses. However, even in clauses with imperative forms the translations follow the verb-final word order, except in the oldest text of 1803, where most clauses have the subject following the verb; see, for example, 10a: *kalsun sänün şagluguñ* ‘may-remain your kingdom’. The 1893 version, which gives the overall impression of a translation aiming to use more everyday language, displays an interesting feature seemingly contradicting this aim: the noun phrase containing a noun and an attribute modifying it has the word order reversed from the standard Attribute-Noun. This is visible in 9c, which has *isemeñ Sineñ* ‘name Your’ instead of the standard *Sineñ isemeñ* ‘Your name’. This reversed order possibly reflects the original Greek word order, or the order of the Russian Synodal translation, which may have been used as a model for the translation.

Grammatical abbreviations used

ACC = accusative

DAT = dative

IMP = imperative

PL = plural

References for Part I

Abdullin 1974 — Abdullin I. I. Armyano-kypchakskie rukopisi i ikh otnoshenie k dialektam tatarskogo yazyka [Armenian-Kypchak manuscripts and their relation to dialects of the Tatar language]. *Materialy po tatarskoi dialektologii*. Kazan, 1974, 3, 166–185. (In Russ.)

Adelung 1817 — Adelung J. Chr., Vater J. S. *Mithridates oder allgemeine Sprachkunde mit dem Vater Unser als Sprachprobe in bey nahe fünf hundert Sprachen und Mundarten*. Volume IV. Berlin, 1817. Volume IV can be accessed here, URL: https://archive.org/details/bub_gb_WvDCoopWr0C/page/172/mode/2up (In German)

Arapović — Arapović B. Unpublished manuscript.

Bashirova et al. 2015 — Bashirova I. B., Nurieva F. Sh., Kadyirova E. Kh. *Tatar ädäbi tele tarixy (XIII yasyr – XX jöz bashy)*. I tom. *Fonetika. Grafika. Jazma tradicijalär, norma häm variantlylyq* [History of the Tatar literary language (13th – beginning of 20th century. Volume I. Phonetics. Graphs. Written traditions, norms and variation]. Kazan, 2015. (In Tatar)

Berta 1998 — Berta Á. Middle Kipchak. *The Turkic Languages*. L. Johanson, É. Á. Csató (eds.). New York, 1998, 158–165.

Crystal 2003 (2007) — Crystal D. *A Dictionary of Linguistics & Phonetics*. Fifth Edition. Malden, Oxford, Carlton, 2003 (2007).

Dalton 1870 — Dalton H. *Das Gebet des Herrn in den Sprachen Russlands*. St. Petersburg, 1870. Can be accessed at URL: https://play.google.com/books/reader?id=9RhAAAAAYAAJ&pg=GBS.PA60&hl=en_GB (In German)

Darlow and Moule 1911 — Darlow T. H., Moule H. F. *Historical Catalogue of the printed editions of Holy Scripture in the Library of the British and Foreign Bible Society*. London, 1903–1911.

Dooley & Levinsohn 2001 — Dooley R. A., Levinsohn S. H. *Analyzing Discourse. A Manual of Basic Concepts*. Texas, 2001.

Erdal 2004 — Erdal M. *A Grammar of Old Turkic*. Leiden, 2004.

Flynn 2017 — Flynn Th. O. *The Western Christian Presence in the Russias and Qājār Persia, c. 1760 – c. 1870*. Studies in Christian Mission, Volume 47. Leiden, Boston, 2017.

Gazizov et al. 1993 — Gazizov R. S., Gyimadiev M. G., Gylfanov I. G. (eds.). *Garäpčä-tatarča-rusča alynmalar süzlege* [Dictionary of Arabic-Tatar-Russian loans]. Volumes I and II. Kazan, 1993. (In Tatar)

Golden (n. d.) — Golden P. (undated) URL: http://old.unesco.kz/qypchaq/The%20Codex%20Cumanicus%20-%20By%20Peter%20B_%20Golden.htm Accessed 16Aug 2021.

Halén 1977 — Halén H. *Handbook of Oriental Collections in Finland. Manuscripts, xylographs, inscriptions, and Russian minority literature*. Scandinavian Institute of Asian Studies Monograph Series, No. 31. London, Malmö, 1977.

Hayes & Holladay 1988 (2007) — Hayes J., Holladay C. R. *Biblical Exegesis. A Beginner's Handbook*. Second Edition. London, 1988.

Izge Jazma 2015 — *Izge Jazma* [Holy Scriptures, The Bible]. Moscow, 2015. (In Tatar)

Johanson 1998a — Johanson L. The Structure of Turkic. *The Turkic Languages*. L. Johanson, É. Á. Csató (eds.). New York, 1998, 30–66.

Johanson 1998b — Johanson L. The History of Turkic. *The Turkic Languages*. L. Johanson, É. Á. Csató (eds.). New York, 1998, 81–125.

Kasem-Beg 1981 — Kasem-Beg M. A. *Allgemeine Grammatik der türkisch-tatarischen Sprache*. Amsterdam, 1981. [A reprint of the German translation of 1848–1849 of the Russian original]. (In German)

Khakimzhanov 1978 — Khakimzhanov F. S. *Yazyk epitafii volzhskikh bulgar* [Language of epitaphs of the Volga Bulgars]. Moscow, 1978. (In Russ.)

Khaliullin 2021 — Khaliullin Yu. *Istoriya vozniknoveniya i razvitiya tatarskoj knigi* [History of the origin and development of the Tatar book]. An article originally published in *Nezavisimaya gazeta*. Available at URL: <https://tatmsk.tatarstan.ru/istoriya-vozniknoveniya-i-razvitiya-tatarskoj.htm>, accessed 25 June 2021. (In Russ.)

Khisamova 1990 — Khisamova F. M. *Funktsionirovanie i razvitie starotatarskoj delovoi pis'mennosti XVI–XVII vv.* [Function-

ning and development of old Tatar business writing of 16th–17th centuries]. Kazan, 1990. (In Russ.)

Nadelyaev et al. 1969 — Nadelyaev V. M., Nasilov D. M., Tenishev E. R., Shcherbak A. M. (eds). *Drevnetyurkskij slovar'* [Old Russian Dictionary]. Leningrad, 1969. (In Russ.)

Nogman 1969 — Nogman M. *XVII-XVIII jözlärdäge rusçatatarça kul'jazma süzleklär* [Russian-Tatar Manuscript Dictionaries of 17th to 18th centuries]. Kazan, 1969. (In Tatar)

Nurieva 2017a — Nurieva F. Literary Language of the Golden Horde. *The History of the Tatars since Ancient Times, in seven volumes. Volume 3: The Ulus of Jochi (Golden Horde). 13th Century – Mid-15th Century*. Kazan, 2017, 696–704.

Nurieva 2017b — Nurieva F. The Language of Written Records from the Golden Horde Period. *The Golden Horde in World History*. Kazan, 2017, 503–515.

Nurieva et al. 2016 — Nurieva F. Sh. et al. Translation practice and educational activities of the Christian Missionary N. I. Ilminsky. *European Journal of Science and Theology*, 2016, 12 (6): 113–121.

Nurieva et al. 2019 — Nurieva F. Sh. et al. The origins and stages of development of the Old Tatar Literary Language. *Revista Inclusiones*, 2019, 6: 746–751.

Rentzsch 2015 — Rentzsch J. *Oghuz versions of the Lord's Prayer*. Proceedings of the 1st International Conference on the Role of Religions in the Turkic Culture held on September 9–11, 2015 in Budapest, 2015, 39–59.

Róna-Tas 1998 — Róna-Tas A. Reconstruction of Proto-Turkic. *The Turkic Languages*. L. Johanson, É. Á. Csató (eds.). New York, 1998, 67–79.

Safiullina & Zakiev 1994 — Safiullina F. S., Zakiev M. Z. *Xäzerge tatar ädäbi tele* [Contemporary Tatar Literary Language]. Kazan, 1994. (In Tatar)

Shcherbak 1994 — Shcherbak A. M. *Vvedenie v sravnitel'noe izuchenie tyurkskikh yazykov* [Introduction to the comparative study of Turkic languages]. St Petersburg, 1994. (In Russ.)

Tenishev & Dybo 2006 — Tenishev E. R., Dybo A. B. (eds). *Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov*. Pra-

tyurkskiy yazyk-osnova. Kartina mira pratyurkskogo etnosa po dannym yazyka [Comparative-historical grammar of the Turkic languages. Proto-Turkic language. Picture of the world of the Proto-Turkic ethnos according to language data]. Moscow, 2006. (In Russ.)

Tenishev & Zakiev 1983 — Tenishev A. R., Zakiev M. Z. (eds.). *Qol Gali – Qyjssai Josyf*. Kazan, 1983. (In Tatar)

Tenishev et al. 2002 — Tenishev E. R. et al. (eds.). *Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Regional'nye rekonstruktsii* [Comparative-historical grammar of the Turkic languages. Regional reconstructions]. Moscow, 2002. (In Russ.)

Tëtimol 2015 — Akhmet'yanov R. G. *Tatar telenej étimologik süzlege. Ike tomda*. [Etymological dictionary of the Tatar language in two volumes.] Kazan, 2015. Can be accessed at URL: <https://suzlek.antat.ru/indexR.php> (In Tatar)

Urazmanova & Cheshko 2001 — Urazmanova R. K., Cheshko S. V. (eds.). *Tatary* [Tatar people]. Moscow, 2001. (In Russ.)

Zakiev 2008 — Zakiev M. Z. *Istoriya tatarskogo naroda. Etnicheskie korni, formirovanie i razvitie* [History of the Tatar people. Ethnic, formation and development]. Moscow, 2008. (In Russ.)

Три рассказа на джелтулакском и усть-нюкжинском говорах эвенкийского языка

Елена Леонидовна Рудницкая

*Институт востоковедения РАН
Москва, Россия
erudnitskaya@gmail.com*

Рассказы и сказки на эвенкийском языке много публиковались, в том числе в корпусах. В данной публикации содержатся рассказы на восточных говорах эвенкийского языка, которые относятся к Амурской области. Эти диалекты изучены меньше, чем западные диалекты (Красноярский край), на них также мало опубликованных рассказов. Публикуемые рассказы записаны в 2019 и 2023 годах. Впервые предпринята попытка перечислить фонетические особенности усть-нюкжинского говора. Восточные говоры Амурской области расположены рядом с Якутией, поэтому они содержат заимствования из якутского языка. Также поднимается проблема кратких и долгих гласных в восточных говорах эвенкийского языка, которой уделяется недостаточное внимание в литературе. По результатам экспериментов, проведенных О. Н. Морозовой, эвенкийский язык на современном этапе утрачивает фонематическую долготу гласных, и долготы во многом зависят от фонетического контекста. Расстановка долготы в сказках самими рассказчиками подтверждает эксперимент. При глоссировании использовалась программа Fieldworks; список глосс основан на глоссах, используемых в Корпусе рассказов на эвенкийском языке. Однако эти глоссы модифицированы, чтобы они лучше соответствовали Лейпцигским правилам глоссирования.

Ключевые слова: эвенкийский язык, джелтулакский, говор, усть-нюкжинский говор, сказка

Благодарности: Автор благодарит О. Н. Морозову и анонимно-рецензента за ценные замечания.

Для цитирования: Рудницкая Е. Л. Три рассказа на джелтулакском и усть-нюкжинском говорах эвенкийского языка. *Родной язык*, 2024, 1: 171–184.

DOI: 10.37892/2313-5816-2024-1-171-184

Three stories in the Jeltulak and Ust'-Nyukzha dialects of Evenki

Elena Leonidovna Rudnitskaya

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences

Moscow, Russia

erudnitskaya@gmail.com

Stories and legends in Evenki have been extensively published, including several corpora. This paper presents three stories in the Eastern Evenki dialects spoken in the Amur region. These dialects are less studied than the Western ones spoken in the Krasnoyarsk region, and there are not many stories yet published from the Eastern dialects. The stories presented here were recorded in 2019 and 2023. The present paper offers the first attempt to list the phonetic distinctives of the Ust'-Nyukzha dialect. The Eastern dialects of the Amur region are close to the Sakha Republic, so they have borrowings from Sakha. The paper also mentions the issue of short and long vowels in the Eastern Evenki dialects, which has not received sufficient attention. Based on O. N. Morozova's experimental studies, contemporary Evenki is losing phonemic vowel length, which now in many ways depends on the phonetic context. The arrangement of long and short vowels in stories by native speakers confirms Morozova's findings. Glossing was done in FLEx, and the list of glosses is based on the glosses in the Evenki Story Corpus, with slight modifications for better correspondence to the Leipzig glossing rules.

Keywords: Evenki language, Jeltulak dialect, Ust'-Nyukzha dialect, legends

For citation: Rudnitskaya E. L. Three stories in the Jeltulak and Ust'-Nyukzha dialects of Evenki. *Rodnoy yazyk*, 2024, 1: 171–184.

DOI: 10.37892/2313-5816-2024-1-171-184

Имеется несколько корпусов рассказов и сказок на эвенкийском языке [Казакевич и др. 2023; Däbritz, Gusev 2021; Корпусы 2014]. В данной публикации содержатся рассказы на восточных диалектах эвенкийского языка. Эти многочисленные диалекты изучены мало, так что, хотя есть достаточно публикаций на восточных диалектах, в том числе в последнее время, ср. [Василевич 1966; Трофимов 1990; Варламова, Варламов 2003; Коледнева 2021; Фольклор 2021], публикация новых сказок и рассказов на восточных диалектах актуальна и сейчас.

Два из публикуемых рассказов — сказки, рассказанные носительницами Галиной Сергеевной Николаевой (Усть-Нюкжа) и Галиной Иннокентьевной Макаровой (Первомайское). Обе носительницы — школьные учителя. Это известные эвенкийские сказки, которые уже публиковались на литературном языке и были еще раз рассказаны Г. С. Николаевой и Г. И. Макаровой. В публикуемых сказках присутствует собственная интерпретация и диалектные особенности рассказчиков. Сказки были записаны О. Н. Морозовой в сентябре 2019 г. в Лаборатории экспериментально-фонетических исследований Амурского ГУ. Третий рассказ (про огонь) был записан самой Капитолиной Ивановной Габышевой, носительницей, в Усть-Нюкже в июле 2023 г.

Данные говоры относятся к Амурской области, говоры которой наименее изучены. В Амурской области в настоящий момент осталось всего несколько сел, в которых сохранились носители эвенкийского языка, и среди них Усть-Нюкжа (усть-нюкжинский говор, 109 из 464 эвенков в селе говорят на языке) и Первомайское (джелтулакский говор, 9 из 197 эвенков в селе говорят на языке)¹.

По существующим классификациям [Цинциус 1949: 12–13; Булатова 1987: 7], усть-нюкжинский говор относится к витимо-олёкминскому диалекту, а джелтулакский — к верхнеалданскому диалекту. Перечислим некоторые фонетические черты, характерные для усть-нюкжинского го-

¹ Здесь использованы данные О. Н. Морозовой [Морозова 2021: 86, 88].

вора, ср. похожие (но неидентичные) особенности учурскозейского диалекта в работе [Василевич 1948: 262–265].

1. По различительному признаку, дифференцирующему северное, южное и восточное наречия [Василевич 1948], этот говор относится к восточным наречиям: в словах, в которых по диалектам чередуются [s] и [h], в начале слова произносится [s], а в середине — [h]. Например, *sulaki* ‘лиса’, *ahi* ‘женщина’. Однако см. п. 2 и сноску 3.

2. Отпадение [h] в начале слова: например, *alga* вместо литер. *halga* ‘нога’; *uru-* вместо диал. *huru-* (литер. *suru-*) ‘уйти’². См. об аналогичном явлении в восточных говорах (кур-урмийском) [Василевич 1948: 283].

3. Это акающие говоры: [ə] может произноситься как [a] (при этом может нарушаться гармония гласных): *ɲalə-də-nə* вместо литер. *ɲələ-də-nə* ‘боясь’, *tuksa-ŋi-na-n* (без гармонии гласных) вместо литер. *tuksa-hi-nə-n* (с гармонией гласных) ‘убежал’³.

4. Явление, которое Г. М. Василевич называет «губное притяжение»: задний гласный вместо переднего или среднего, что появляется под влиянием якутского языка: *uɲu-ɲu-ru-n* вместо литер. *suru-ɲa-ra-n* ‘уходит’.

² Согласно классификации Г. М. Василевич (п. 1), в данном корне и в литературном языке (южном наречии), и в восточных диалектах должно быть начальное [s], а не [h] (*suru-*). Форма *huru-* характерна для северного наречия. В тунгирском и чульманско-гилюйском наречиях (пограничные области Якутии, Забайкальского и амурского края) наблюдаются колебания *suru-/huru-* [Василевич 1948: 200]. Подобные колебания, в частности, в усть-нюкжинском диалекте привели к появлению формы *uru-* в результате выпадения начального [h].

³ Суффикс *-ŋi-* в *tuksa-ŋi-na-n* — это сокращенный показатель *-si(n)-/hi(n)-* (исходный вид, инцептив). В литературном языке используется вариант *-sin-*, а в усть-нюкжинском диалекте — вариант *-hin-* с отпадением начального [h] (см. п. 2 выше) — несмотря на то, что *-si(n)-/hi(n)-* не может быть в начале слова. Также в некоторых восточных говорах, в частности в усть-нюкжинском, этот суффикс может произноситься как *-ŋi(n)-*.

5. В кластере из двух согласных происходит регрессивная ассимиляция по способу или месту образования: [v] переходит в [p] (щелевой > взрывной,); [p] переходит в [k] (губной > веларный): *нәһи-**p**kani-**k**ki-l* вместо лит. *нәһи-**v**kani-**v**ki-l* 'кормят огонь'. Также наблюдается переход смычных во фрикативные на конце слова: *bolgix* вместо диал. *bolgig / bolgik* 'стланик' [Мыреева 2004: 92].

К сожалению, подробно ни грамматические, ни лексические отличия обсуждаемых говоров от литературного языка не изучены (см. презентацию доклада [Казакевич и др. 2024] с некоторыми примерами диалектных грамматических особенностей забайкальских эвенков). Из грамматических особенностей можно отметить отсутствие согласования определения с определяемым по числу или падежу (в то время как в западных диалектах согласование часто присутствует). Из лексических — наличие большого число слов, заимствованных из якутского языка, которых нет в западных диалектах: например, *otto* 'потом' от якутского *onton* 'потом', *оҥок* 'печь' от якутского *оһох* 'печь' (Е. Л. Клячко, личное сообщение).

В эвенкийском языке долгие и краткие гласные противопоставлены фонологически (например, *ikəp* 'подбородок' - *ikə̃p* 'песня'), однако ни у исследователей, ни у носителей нет консенсуса в том, какие конкретно гласные в речи краткие, а какие долгие [Морозова 2021: 145–148]. Экспериментальное исследование [Морозова 2021: 149–157, 189] подтверждает существование долгих и кратких гласных, но долгота гласных существенно зависит от типа слога (открытый или закрытый) и положения слога в слове: например, наиболее долгими являются гласные в последнем закрытом слоге.

Поскольку в эвенкийской письменности обозначение долготы гласного почти никогда не используется, в рассказе про огонь долгота гласных не обозначена. В сказках, которые были записаны О. Н. Морозовой, долгота проставлена самими рассказчиками после расшифровки записи. Нужно заметить, что при такой расстановке долготы боль-

ше всего долгих гласных оказывается в последних закрытых слогах, что подтверждает данные эксперимента.

Старушка и медведь (Г. С. Николаева,
усть-нюкжинский говор)

1. umūn	atirkā-čan	əmuk-kākan	
один	старуха-CHILD	один-INTS	
đu-du-wi	bi-də-ča	2. amāka	əmə-rə-n
дом.чум-DAT-RFL	быть-IPFV-PTCP.ANT	дедушка	прийти-NFUT-3SG
nuŋan-tiki-n	gun-ə-n	3. əw̄	sūp-ča
3SG-ALL-PS.3SG	сказать-NFUT-3SG	бабушка	занозить-PTCP.ANT
algan-mi	bi-hi-m	čuptulī-kal	4. atirkān
нога-ACC.RFL	быть-NFUT-1SG	выдернуть-IMPER.2SG	старуха
ŋalə-də-nə	sup-na-wa-n	algan-duki-n	
испугаться-IPFV-CVB.SIM	занозить-PTCP.PF-ACC-PS.3SG	нога-ABL-3SG	
čuptulī-ra-n	5. amāka	uru-đu-nə	gun-ə-n
выдернуть-NFUT-3SG	дедушка	пойти-IPFV-CVB.SIM	сказать-NFUT-3SG
bahiwa	əw̄	6. timātna	atirkān
спасибо	бабушка	утром	старуха
jū-rə-n	7. koŋnoku	ukla-də-rə-n	8. atirkān
выйти-NFUT-3SG	лось	лежать-IPFV-NFUT-3SG	старуха
urun-ə-n	ullə-ŋi-či	o-ra-n	9. tar
обрадоваться-NFUT-3SG	мясо-INDPS-ATR	сделать-NFUT-3SG	тот
koŋnoku-wa	amāka	əmu-w-čə	
лось-ACC	дедушка	прийти-CAUS-PTCP.ANT	
urkə-dū-n	nā-ča	10. amāka	atirkān-du
дверь-DAT-PS.3SG	положить-PTCP.ANT	дедушка	старуха-DAT
ullə-wə	əmu-w-ča	nuŋan-ma-n	11. tar
мясо-ACC	прийти-1SG-PTCP.ANT	3SG-ACC-PS.3SG	тот
			тікә
			так

(1) Одна старушка одинешенько в своем доме жила. (2) Медведь пришел к ней и говорит: (3) «Бабушка, я занозил ногу, вытащи занозу». (4) Старуха, боясь, вытащила занозу из ноги. (5) Медведь, уходя, сказал: «Спасибо, бабушка». (6) Утром старуха вышла из дома (7) — лежит лось. (8) Старуха обрадовалась, с мясом стала. (9) Того лося медведь принес, положил у порога. (10) Так медведь принес старушке мясо и отблагодарил за доброе дело. (11) Так оно и случилось.

Лиса и медведь (Г. И. Макарова, джелтулакский говор)

1. amikān	bi-dǎ-čā-n	2. nuḡan	butunnū-wə
дедушка	быть-IPFV-PST-3SG	3SG	весь-ACC
aja-mamā-t	ḡuga-nī-du		
хороший-INTS-ADVZ	настать(о.лете)-NMLZ.TEMP-DAT		
dǎpi-vkī	bi-čā	ḡiktə-kā-r-bə	
съесть-PTCP.NAV	быть-PTCP.ANT	ягода-ATTEN-PL-ACC	
dəwunḡəktə-kā-r-bə	3. tadūk	sulakī	nuḡan-tikī-n
гриб-ATTEN-PL-ACC	потом	лиса	3SG-ALL-PS.3SG
irəmā-rə-n	4. sulakī	guni-vkī	5. oḡo
прийти.в.гости-NFUT-3SG	лиса	сказать-PTCP.NAV	ой
īktərə-wū-Ø-m		bi	si min-dū otū-ja
охладиться(о.воздухе)-PASS-NFUT-1SG		1SG	2SG 1SG-DAT костер-PART
īla-kāl	6. ilačā	tār	amikān togō-wō
зажечь-IMPER.2SG	зажечь-PTCP.ANT	тот	дедушка огонь-ACC
7. tadūk	sulakī		
	потом	лиса	
guni-vkī	8. bī	darī-lī	
сказать-PTCP.NAV	1SG	в.стороне,сбоку-PROL	

ukla-in-dēṅā-m	si	ərgī-lī	ərgī-lī	
лежать-INCEP-FUT-1SG	2SG	низ-PROL	низ-PROL	
ukla-ik-kəl	9. kə	tikā	āhīn-ā-Ø	inṅā
лежать-INCEP-IMPER.2SG	INTJ	так	лечь.спать-NFUT-3PL	холодно
bi-hī-n	10. togō-wō	ila-rā-n	amikān	11. kə tār
быть-PRS-3SG	огонь-ACC	зажечь-NFUT-3SG	дедушка	INTJ тот
sulakī	alāt-čə-čā	ōkin	amikān	
лиса	ждать-IPFV-PTCP.ANT	когда	дедушка	
āhīn-dēṅā-n	12. amikān	tikā	āhīn-ā-n	
лечь.спать-FUT-3SG	дедушка	так	лечь.спать-NFUT-3SG	
āhīn-ā-n	tadūk	13. sulakī	nunān-ma-n	ərgī-skī
лечь.спать-NFUT-3SG	потом	лиса	3SG-ACC-3SG	внизу-ADVZ
ānā-rā-n	14. tar	amikān	togō-lō	togō-lō
толкнуть-NFUT-3SG	тот	дедушка	огонь-LOC	огонь-LOC
ə-rā-n	tar	inṅaktā-n	inṅaktā-n	
что-NFUT-3SG	тот	шерсть-PS.3SG	шерсть-PS.3SG	
koṅno-rgō-čō	15. ə-duk=dā	amikān	koṅnorīn	ō-čā
черный-VBLZ-PST	этот-AVL=FOC	дедушка	черный	стать-PTCP.ANT

(1) Жил медведь. (2) Он все лето хорошо питался ягодами, грибами. (3) Пришла к нему в гости лиса. (4) Говорит лиса: (5) «Ой, замерзла я сильно, растопи костер!» (6) Растопил медведь костер. (7) Лиса говорит: (8) «Я лягу подальше от костра, а ты ближе ложись». (9) Ну, так и легли спать, холодно было. (10) Подтопил костер медведь. (11) А лиса ждала, когда медведь уснет. (12) Уснул медведь. (13) Лиса медведя в костер столкнула. (14) Медведь в костер скатился, шкура у него почернела. (15) С тех пор медведь черным стал.

Огонь

1. əwəŋki	urə-du	otto	idu=da
эвенк	гора-DAT	потом	где=FOC

- toŋo-du ńəŋu-pkan-ɖa-pki 2. toŋo
огонь-DAT питаться(об.огне)-CAUS-IPFV-PTCP.HAB огонь
- əwənki-wa ńamalgi-pki olgi-pki 3. uli-pki
эвенк-ACC согреть-PTCP.HAB высушить-PTCP.HAB накормить-PTCP.HAB
- toŋo-du ɖəbka-ja iri-ŋna-Ø-nni
огонь-DAT еда-PART сварить-НАВ-NFUT-2SG
4. bulta-na-ɖe-nə toŋo-du
добыть-PRGRN-IPFV-CVB.SIM огонь-DAT
- ńəŋu-pkani-ŋnə-Ø-nni bulta-ŋa-l
питаться(об.огне)-CAUS-НАВ-NFUT-2SG добыть-NMLZ-PL
- ičə-wu-l-ɖe-da-tin 5. ɖu-du-wi ɖukča-du
видеть-PASS-INCH-IPFV-CVB.PURP-PS.3PL дом.чум-DAT-RFL чумовище-DAT
- palatka-du oŋok-ko ə-ŋnə-Ø-nni orol-lō
палатка-DAT печь-ACC NEG-НАВ-NFUT-2SG кружиться-PTCP.NEG
6. bəjə-l-du mata-l-du oŋok-ko
человек.мужчина-PL-DAT гость-PL-DAT печь-ACC
- ə-pka-wun orol-lō 7. toŋo-du-tin
NEG-PTCP.IMPDEB-PS.1PL(EXCL) кружиться-PTCP.NEG огонь-DAT-PS.3PL
- ńəŋu-pkani-ŋnə-Ø-nni 8. toŋo nan bəjə-ŋəčɪn
питаться(об.огне)-CAUS-НАВ-NFUT-2SG огонь опять человек.мужчина-EQT
- tura-t-či-pki 9. əru-t toŋo-wo
разговаривать-DUR-IPFV-PTCP.HAB несчастье-INSTR огонь-ACC
- ə-pkə-wun tura-t-tə
NEG-PTCP.IMPDEB-1PL(EXCL) разговаривать-DUR-PTCP.NEG
10. iŋkəri-ɖə-rə-n toŋo tar nuŋan
говорить(об.огне)-IPFV-NFUT-3SG огонь тот 3SG
- tədəwu-t-čə-rə-n
сообщить-DUR-IPFV-NFUT-3SG

dūla-ski	ēkun	o-ŋat-wa-n	11. toŋo	manak-kan
перед-ADVZ	что	статья-ОПТ-АСС-ПС.3SG	огонь	зря-АТТЕН
ə-kki	iŋkəri-ra	12. əwənki		
NEG-PTCP.НАВ	говорить(об.огне)-PTCP.NEG	эвенк		
doldi-mi	iŋkəri-ḏa-ri-wə-n			
слышать-CVВ.COND	говорить(об.огне)-IPFV-PTCP.SIM-АСС-ПС.3SG			
sərən-čə-kki	mərga-li-pki	13. əda		
остерегаться-IPFV-PTCP.НАВ	опечалиться-INCH-PTCP.НАВ	зачем		
iŋkəri-ḏa-rə-n	guni-pki-l			
говорить(об.огне)-IPFV-NFUT-3SG	сказать-PTCP.НАВ-PL			
14. ḥəŋu-pkani-kki-l	toŋo-du	kləba-ja		
питаться(об.огне)-CAUS-PTCP.НАВ-PL	огонь-DAT	хлеб-PART		
ari-če-ja	bu-kki-l	otto	dəbga-duk	əkun-a=wal
масло-ATR-PART	дать-PTCP.НАВ-PL	потом	еда-ABL	что-PART=INDEF
15. urə-du	əwənki-l	lulgi-in-ḏa-na		
гора-DAT	эвенк-PL	кочевать-INCEP-IPFV-CVВ.SIM		
a-ja-mama-t	toŋo-wo	si-kki-l	ə-da-n	
хороший-INTS-ADVZ	огонь-АСС	потушить-PTCP.НАВ-PL	NEG-CVВ.PURP-3SG	
badara-l-la				
загореться-INCH-PTCP.NEG				

(1) Эвенки в тайге, где бы ни были, всегда кормят огонь. (2) Огонь эвенков согревает и сушит. (3) Кормит, на огне пищу варишь. (4) Отправляясь на охоту, кормишь огонь, чтобы было легко найти добычу (=чтобы показывались добычи). (5) Дома, в чуме и в палатке нельзя ходить вокруг печи. (6) В гостях нельзя обходить вокруг печки. (7) Обязательно кормишь их (хозяев) огонь. (8) Огонь тоже, как и человек, разговаривает. (9) Нельзя говорить об огне плохо. (10) Если огонь разговаривает, значит, он предвещает, предупреждает о чем-то. (11) Огонь чересчур много не го-

ворит. (12) Эвенк, когда услышит, как огонь говорит — остерегается и печалится. (13) «О чем огонь говорит?» — говорят. (14) Дают огню (кормят) хлеб с маслом, в общем, что-нибудь из еды. (15) В тайге эвенки, когда собираются кочевать, очень хорошо тушат костер, чтобы не было пожара.

Глоссы

ABL — аблатив, ACC — аккумулятив, ADVZ — показатель адвербиализации, ATTEN — аттенуатив, ALL — аллатив, ATR — показатель атрибутивности, ANT — (причастие) предшествования, CAUS — каузатив, CHILD — показатель, образующий названия детенышей, COND — условный (конверб), CVB — конверб, DAT — датив, DUR — дуратив, EQT — экватив, EXCL — эксклюзивное (множественное число, FOC — показатель фокуса, FUT — будущее время, HAB — хабитуальный (аспект, причастие), IMPDEV — безличный дебитив, IMPER — императив, INCEP — инцептив, INCH — инхоатив, INDEF — неопределенность, INDPS — косвенная принадлежность, INTJ — междометие, INTS — интенсификатор, IPFV — несовершенный вид, LOC — локатив, NEG — отрицательный (глагол, причастие), NFUT — небудущее время, NMLZ — показатель номинализации, OPT — оптатив, PART — партитив, PASS — пассив, PF — перфектное (причастие), PL — множественное число, PRGRN — перигринатив, PROL — пролатив, PRS — настоящее время, PS — посессивный показатель, PST — прошедшее время, PTCP — причастие, PURP — целевой (конверб), RFL — рефлексив, SG — единственное число, SIM — (причастие, конверб) одновременности, TEMP — временная (номинализация), VBLZ — показатель адвербиализации.

Литература

Булатова 1987 — Булатова Н. Я. *Говоры эвенков Амурской области. Материалы исследования.* Ленинград, 1987.

Варламова, Варламов 2003 — Варламова Г. И., Варламов А. Н. *Сказания восточных эвенков*. Якутск, 2003.

Василевич 1948 — Василевич Г. М. *Очерки диалектов эвенкийского (тунгусского) языка*. Ленинград, 1948.

Василевич 1966 — Василевич Г. М. *Исторический фольклор эвенков: Сказания и предания*. Москва, Ленинград, 1966.

Казакевич и др. 2023 — Казакевич О. А., Архангельский Т. А., Клячко Е. Л. *Корпус рассказов на эвенкийском языке*. 2023. URL: <http://minlang.srcc.msu.ru/>; <http://gisly.net/corpus/>

Казакевич и др. 2024 — Казакевич О. А., Клячко Е. Л., Егорова М. А. *Забайкальские эвенки (по материалам экспедиции 2023 года)*. Доклад на конференции МЯБЛ-2024, Москва, ИЯз РАН, 12.04.2024.

Коледнева 2021 — Коледнева Н. В. *Золотая нить. Эвенкийские сказки*. Хабаровск, 2021.

Корпусы 2014 — *Корпусы института этнологии и антропологии РАН. Эвенкийский корпус*, 2014. URL: <https://corpora.iea.ras.ru/corpora/texts.php>

Морозова 2021 — Морозова О. Н. *Парадигматика и синтагматика звуковых систем тунгусских языков Верхнего Приамурья (на материале эвенкийского и ороchonского языков)*. Дисс. на соиск. степени доктора филологических наук, АмГУ, 2021.

Мыреева 2004 — Мыреева А. Н. *Эвенкийско-русский словарь = Эвэды́ -лүчады́ түрэрүк*. Новосибирск, 2004.

Трофимов 1990 — Трофимов Н. Г. *Эвенкийские героические сказания*. [Грампластинка.] Ленинград, 1990.

Фольклор 2021 — *Фольклор эвенков Олекмы*. Якутск, 2021.

Цинциус 1949 — Цинциус В. И. *Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков*. Ленинград, 1949.

Däbritz, Gusev 2021 — Däbritz Ch. L., Gusev V. *INEL Evenki Corpus*. Version 1.0. Publication date 2021-12-31. Archived at Universität Hamburg. <https://hdl.handle.net/11022/0000-0007-F43C-3>. In: *The INEL corpora of indigenous Northern Eurasian languages*. <https://hdl.handle.net/11022/0000-0007-F45A-1>

References

Bulatova N. Ya. *Govory evenkov Amurskoy oblasti. Materialy issledovaniya* [Evenki dialects of the Amur region. Research materials]. Leningrad, 1987. (In Russ.)

Däbritz Ch. L., Gusev V. *INEL Evenki Corpus*. Version 1.0. Publication date 2021-12-31. Archived at Universität Hamburg. <https://hdl.handle.net/11022/0000-0007-F43C-3>. In: The INEL corpora of indigenous Northern Eurasian languages. <https://hdl.handle.net/11022/0000-0007-F45A-1>

Folklor evenkov Olekmy [Folklore of Olekma Evenkis]. Yakutsk, 2021. (In Evenki, Russ.)

Kazakevich O. A., Arkhangel'skiy T. A., Klyachko E. L. *Korpus rasskazov na evenkiyskom yazyke* [Corpus of stories in the Evenki language]. 2023. URL: <http://minlang.srcc.msu.ru/>; <http://gisly.net/corpus/> (In Evenki)

Kazakevich O. A., Klyachko E. L., Egorova M. A. *Zabaykal'skie Evenki (po materialam ekspeditsii 2023 goda)* [Transbaikal Evenks (based on materials of the 2023 expedition)]. Paper at M'ABL-2024, Moscow, IL RAS, 12.04.2024. (In Russ.)

Koledneva N. V. *Zolotaya nit'. Evenkiyskie skazki* [Golden thread. Evenki tales]. Khabarovsk, 2021. (In Russ.)

Korpusy instituta etnologii i antropologii RAN. Evenkiyskiy korpus [Corpora of the Institute of Ethnology and Anthropology RAS. Evenki corpus], 2014. URL: <https://corpora.iea.ras.ru/corpora/texts.php> (In Evenki)

Morozova O. N. *Paradigmatika i sintagmatika zvukovykh sistem tungusskikh yazykov Verkhnego Priamur'ya (na materiale evenkiyskogo i orochonskogo yazykov)* [Paradigmatics and syntagmatics of sound systems of Tungus languages of upper Amur region (based on data of Evenki and Orochon languages)]. Diss. na soisk. stepeni doktora filologicheskikh nauk, AMGU, 2021. (In Russ.)

Myreyeva A. N. *Evenkiysko-russkiy slovar' = Evedy-luchady tureruk* [Evenki-Russian dictionary]. Novosibirsk, 2004. (In Evenki, Russ.)

Tsintsius V. I. *Sravnitel'naya fonetika tunguso-man'chzhurskikh yazykov* [Comparative phonetics of Tungus-Manchu languages]. Leningrad, 1949. (In Russ.)

Trofimov N. G. *Evenkiyskie geroicheskie skazaniya* [Evenki heroic legends]. [Gramophone record.] Leningrad, 1990. (In Evenki, Russ.)

Varlamova G. I., Varlamov A. N. *Skazaniya vostochnykh evenkov* [Legends of Eastern Evenkis]. Yakutsk, 2003. (In Russ.)

Vasilevich G. M. *Ocherki dialektov evenkiyskogo (tungus-skogo) yazyka* [Studies of the dialects of Evenki (Tungus) language]. Leningrad, 1948.

Vasilevich G. M. *Istoricheskiy folklor evenkov: skazaniya i predaniya* [Historical folklore of Evenki: tales and legends]. Moskva, Leningrad, 1966. (In Russ.)

Весенняя школа «Как передать язык детям»

Елена Михайловна Будянская

Институт языкознания РАН

Москва, Россия

budyanskaya.lena@iling-ran.ru

Анастасия Павловна Евстигнеева

Институт языкознания РАН

Москва, Россия

a.evstigneeva@iling-ran.ru

Ольга Михайловна Павлова

Институт языкознания РАН

Москва, Россия

o.pavlova@iling-ran.ru

Spring School on Intergenerational Language Transmission

Elena Michaylovna Budyanskaya

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences

Moscow, Russia

budyanskaya.lena@iling-ran.ru

Anastasiya Pavlovna Evstigneeva

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences

Moscow, Russia

a.evstigneeva@iling-ran.ru

Olga Michailovna Pavlova

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences

Moscow, Russia

o.pavlova@iling-ran.ru

30–31 марта этого года в Институте языкознания РАН прошла очередная Весенняя школа, организованная Научным центром по сохранению, возрождению и документации языков России. Подобное мероприятие Научный центр проводит уже в третий раз. Первая Весенняя школа состоялась в апреле 2022 г. и была посвящена в целом вопросам сохранения, возрождения и документации языков¹. В 2023 г. тема второй Весенней школы звучала так: «Как поддержать язык на локальном уровне: анализ состояния и выбор действий»². В этом году на Весенней школе «Как передать язык детям» обсуждались общие принципы и конкретные практики, которые можно применять для сохранения и восстановления межпоколенческой передачи языка в семье, сложности, с которыми может столкнуться человек на этом пути, и истории успеха. Целью Весенней школы было обсудить со специалистами, а также родителями, бабушками, дедушками и всеми заинтересованными теорию и практику внутрисемейной передачи языков, развеять мифы и предложить работающие инструменты. А также рассказать о внесемейных практиках, которые помогают сохранять и восстанавливать межпоколенческую передачу языка. В фокусе внимания были языки России.

Школа проходила преимущественно в онлайн-формате через платформу ZOOM. Однако в этом году впервые были организованы и две офлайн-площадки: в Твери в Деловом информационном центре ТОУНБ им. А. М. Горького и в Махачкале в зале «Сарыкум» Научной библиотеки им. А. А. Абилова Дагестанского государственного университета. За два дня занятий онлайн-площадку посетило 115 человек, офлайн-площадку в Твери посетило 12 человек (30 и 31 марта), а в Махачкале — около 60 человек (30 марта). Среди участников Весенней школы были языковые

¹ Краткие заметки о первой Весенней школе можно прочитать в [Аралова и др. 2022]. Материалы школы доступны по ссылке <http://mnogo.yaz.tilda.ws/>.

² Материалы Школы доступны по ссылке: <https://mnogoyaz.iling-ran.ru/events/vesenniyaya-shkola-2023>

активисты, учителя родных языков, профессиональные лингвисты и члены языковых сообществ (родители, бабушки и дедушки, молодежь) не только из разных регионов России, но и из Молдавии (АТО Гагаузия).

Программа Весенней школы была рассчитана на два полных дня и предполагала как лекционные занятия от специалистов (этнопсихолога, билингвального логопеда, лингвистов, языковых активистов), так и проведение сессий «вопрос-ответ» с родителями, передающими язык своим детям, с бабушками и дедушками, чьи внуки говорят на этническом языке, а также с молодыми людьми в возрасте от 12 до 31 года, которые являются носителями этнических языков.

Первый день (30 марта) был посвящен теоретическим вопросам межпоколенческой передачи языков, билингвизму и мифам о нем, особенностям формирования речи у детей-билингвов, а также психологическим аспектам освоения языка и роли языка в структуре идентичности личности. На первом занятии сотрудница Научного центра Мадина Каде затронула теоретические аспекты межпоколенческой передачи языка и семейной языковой политики: как дети усваивают языки, что такое языковая политика в контексте семьи, как можно оценить языковую политику семьи и чем это может помочь для восстановления передачи языка.

Второе занятие провела Наталья Антонова, специалист по языковым проектам Карельской региональной Общественной организации «Дом Карельского Языка». Наталья рассказала о языковых практиках, которые могут помочь восстановить передачу языка детям в условиях остаточных или недостаточных языковых знаний или тогда, когда наследственный язык в семье утрачен почти полностью. Познакомиться с некоторыми из них на примере карельского языка можно в книге Натальи Антоновой «АВЃ. Шаг навстречу» [Антонова 2020]. Описанный в книге опыт применим для любого языкового сообщества.

На третьем занятии Ольга Сергеевна Павлова, заведующая кафедрой этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования факультета «Социальная психология» МГППУ, познакомила слушателей с основными компонентами этнической идентичности личности и ролью языка, которую он может играть в структуре идентичности. Непосредственно на занятии слушатели смогли выполнить несколько практических упражнений, направленных на более глубокое погружение в свой психологический контекст освоения родного языка и помогающих понять, как можно более эффективно и ресурсно вовлекать своих близких в этот процесс.

Четвертое занятие было посвящено основным особенностям речевого развития детей в условиях многоязычия. Его провела Екатерина Конюх-Синица — мама четверых детей-билингвов, билингвальный логопед, учитель русского языка для детей-билингвов, один из авторов пособия для детей-инофонов, обучающихся в русских школах, «Учусь на русском» и основатель Клуба билингвальных специалистов. Екатерина рассказала о различных стратегиях организации общения в семье в условиях многоязычия (один родитель — один язык, одна ситуация — один язык, дома — язык семьи и некоторые другие), об основных принципах, которых стоит придерживаться, развеяла некоторые мифы, связанные с билингвизмом. А также дала практические советы по сохранению и развитию языков в многоязычной среде, в том числе на собственном опыте, например, комментирование своих действий или действий ребенка, дополнение речи ребенка.

После лекционной части в первый день состоялись две сессии вопросов и ответов. На первой сессии родители, передающие язык своим детям, поделились опытом, рассказали о применяемых практиках. Участники школы увидели самые разные семейные и языковые ситуации, узнали об успехах и сложностях, с которыми сталкиваются родители, о том, что ими движет. Родители также дали множество практических советов, поделились своими находками и открытиями, которые могут помочь и другим в сохра-

нении языка в семье. В сессии приняли участие Людмила Волобуева-Нагоева (кабардино-черкесский язык), Аюна Мазурова (калмыцкий язык), Лилия Широкова (удмуртский язык), Эктор Алос-и-Фонт (каталанский и чувашский языки), Екатерина Ангели (гагаузский язык). Вторая сессия стала разговором с бабушками и дедушками, которые передают родной язык внукам, в том числе тогда, когда среднее поколение семьи уже не владеет языком. Такая ситуация, когда наиболее компетентными носителями языков (а, в некоторых случаях, и единственными) являются люди пожилого возраста, актуальна для многих языков России. На сессии бабушки и дедушки поделились своим опытом, как они стараются побольше говорить на своем языке с внуками, в том числе и через совместную деятельность. Вместе с некоторыми бабушками участие в сессии приняли и их дети и внуки, которые рассказали, насколько для них это важный и приносящий радость опыт. В сессии приняли участие Ханда Аюровна Убашеева и Владимир Лопсонович Убашеев (бурятский язык), Меньямал Шарифулловна Шайбакова с внучкой Адрияной Шайбаковой (удмуртский язык), Валентина Вячеславовна Совкина (кильдинский саамский язык), Раиса Николаевна Болотаева и ее дочь Олеся Левановна Болотаева (корякский язык).

Второй день (31 марта) был посвящен поддерживающим практикам передачи языков, которые реализуются вне семьи, но иногда при ее участии. Сотрудница Научного центра Ольга Михайловна Павлова на вступительном занятии коротко рассказала о том, какие это могут быть практики. Так, вновь была поднята тема языковых гнезд — групп для детей дошкольного возраста, где абсолютно все общение, в том числе между воспитателями, происходит на целевом языке. Первое языковое гнездо открылось в Новой Зеландии в 1982 г., после чего практика была реализована во многих странах мира. До недавнего времени в России функционировало только одно языковое гнездо «N'arukat» («Крошки») для ливвиковского наречия карельского языка в Доме карельского языка в с. Ведлозеро. В 2023–2024 учебном году группа не набралась.

Еще одной практикой, применяемой при восстановлении прерванной межпоколенческой передачи, является метод «Мастер-Ученик» (подробнее об этом см. в [Хинтон и др. 2018]). Этот метод заключается в регулярном языковом погружении, при котором Мастер (компетентный носитель языка, педагогическое образование не требуется) и Ученик (тот, кто желает усвоить язык) занимаются разноплановой совместной деятельностью (бытовой, творческой и т. д.), сопровождая ее общением на целевом языке. Ученик слушает и повторяет фразы, услышанные от носителя языка, а по мере накопления лексического и грамматического инструментария участвует в коммуникации на целевом языке все более активно и таким образом постепенно научается говорить на языке. В 2022 г. Институт языкознания РАН и Автономная некоммерческая организация «Центр «Арктические инициативы»» разработали и провели совместный проект по популяризации метода «Мастер-Ученик». В проекте приняли участие носители вепсского, эвенкийского, хантыйского и эвенского языков и желающие изучить эти языки³.

Также на занятии обсуждалось создание языкового ландшафта, который служит для «легализации» общения на целевом языке (например, в доме можно наклеить на предметы стикеры с названиями этих предметов на целевом языке), и создание контента на языке (комиксы, мультфильмы, видеоблоги). Во втором отношении интересен проект комиксов на финно-угорских языках «Живой язык»⁴.

На втором занятии Александр (Алпарух) Блинов рассказал о принципах, основных проектах и путях развития Чувашской инициативной группы «Хавал» (букв. 'жиз-

³ Информация о проекте доступна на сайте Научного центра (<https://mnogoyaz.iling-ran.ru/project/sovместnyy-proekt-s-anocentr-arkticheskie-iniciativy-po-metodu-master-uchenik>) и на портале «Дети Арктики» (<https://arctic-children.com/article/master-uchenik/>).

⁴ Сайт проекта, вместе с дополнительными материалами, доступен по ссылке: <http://www.finnougriccomics.com/ru/>.

ненная сила'), которая занимается развитием чувашского языка и культуры. Среди проектов группы стоит упомянуть следующие: «Начальная школа» (1 проектный класс в 2010–2014 гг., в котором каждый день чувашский язык преподавался как предмет, а для части предметов чувашский являлся средством обучения), Летний университет (чувашский лагерь, который проводится с 2010 г. и создает языковую среду за счет лекций, круглых столов и тренингов на чувашском языке), Форум чувашской молодежи (конференция, на которой молодые люди рассказывают о своих проектах на чувашском языке; проводилась в 2019 и 2024 гг.), онлайн-курсы чувашского языка (проводятся с 2020 г.), научно-практическая конференция (впервые проводилась для школьников в декабре 2023 г. по четырем сферам: общественно-гуманитарная, творческая, естественно-техническая, родной край), издание учебников по чувашскому языку (на чувашском языке; для начальной и средней школы), Ассоциация родителей (функционирует с 2015 г. для организации совместного досуга). Кроме того, Александр также на примере своей личной истории рассказал, как говорить с ребенком на родном языке.

Далее состоялись встречи с семейными и детскими клубами из Твери и Ижевска. Татьяна Жильцова на третьем занятии рассказала о создании и работе в г. Твери нового семейного разговорного клуба тверских карел «Tirazet» (рус. «Цыплетки») и о том, как при минимуме ресурсов начать передавать карельский язык детям в городской среде.

На четвертом занятии Светлана Зинкова рассказала об опыте этноязыкового центра «Билингва» по созданию среды для общения детей-билингвов с родным удмуртским языком, проживающих в городской русскоязычной среде, а также об организации консультационно-методической помощи специалистов (психолога, логопеда) родителям и детям.

На пятом занятии Аюна Мазурова через призму личного опыта рассказала о позитивном восприятии родного языка, которое может стать основой, точкой отсчета и опоры в эффективном его освоении.

На шестом занятии Ольга Степанова рассказала о том, как благодаря проекту «Удмуртская семейная медиастудия “Анькай”» (рус. «Матушка») формируется креативное сообщество молодых семей, воспитывающих детей-билингвов, и создаются качественные детские видеоблоги на удмуртском языке. В проекте можно и нужно принимать участие всей семьей — для детей организуются различные досуговые площадки на родном языке, что также создает естественную языковую среду для развития и популяризации удмуртского языка. Ольга также поделилась своим опытом воспитания ребенка-билингва.

На седьмом занятии Гюллю Каранфил рассказала о двух проектах, реализующихся в Молдавии для гагаузского языка: о том, как строится работа в онлайн-проекте «Tatlı dil» (рус. «Сладкий язык») для детей 4–8 лет, и о том, как проводится конкурс для детей 2–8 лет «Lafet gagauzça» (рус. «Говори по-гагаузски»).

На восьмом занятии Феликс Динчари рассказал о воскресной школе, в рамках которой удинское сообщество в г. Шахты старается передать удинский язык следующему поколению.

Завершился второй день вдохновляющей сессией вопросов и ответов с молодыми носителями языков России. Участники сессии поделились тем, как они усвоили языки, что дает им знание родного языка, где и как они его используют и планируют ли передавать дальше. Изюминкой сессии стало то, что молодые люди продемонстрировали свое знание языков, в том числе посредством диалогов. В сессии приняли участие: Фаризат Агарагимова (татский/джалганский и азербайджанский языки), Гаджикурбан Уммалатов (кубачинский язык), Абдулкадир Гаджиламаммаев (кубачинский язык), Зарина Хаконова (кабардинский и адыгейский языки), Замира Кобелева (адыгейский язык), Юлия Пею (гагаузский язык), Марина Узун (гагаузский язык).

По окончании программы состоялась свободная дискуссия, в рамках которой онлайн-участники задавали вопросы спикерам и друг другу. В обратной связи многие участники отмечали, насколько важным было узнать о

реальных примерах восстановления передачи языка в семье, получить конкретные методики и практики, которые можно применять, а также ощутить поддержку. По запросу спикерам и участникам были подготовлены сертификаты об участии в Весенней школе «Как передать язык детям» на официальном бланке Института языкознания РАН.

На странице Весенней школы по адресу <https://mnogoyaz.iling-ran.ru/events/vesennyaya-shkola-2024> доступны видеозаписи и презентации занятий. В настоящее время по итогам занятий Школы готовится брошюра с методическими рекомендациями на тему «Как передать язык детям».

Резюмируя, стоит отметить, что тематика Весенней школы вызвала живой отклик и у спикеров, и у участников, а содержание ее получилось насыщенным и разнообразным. Сотрудники Научного центра не только получили ценный опыт в организации и проведении очередного практического мероприятия, но и еще раз убедились в том, что со стороны языковых сообществ есть живой запрос на обсуждение вопросов сохранения и восстановления межпоколенческой передачи языков России.

Литература

Антонова 2020 — Антонова Н. АВС. *Шаг навстречу: практическое пособие о том, как научить ребенка карельскому языку*. Петрозаводск, 2020.

Аралова и др. 2022 — Аралова Н. Б., Будянская Е. М., Евстигнеева А. П. Весенняя школа по сохранению, развитию и возрождению языков. *Родной язык*, 2022, 1: 140–150. URL: https://rodyaz.ru/pdf/22-1/RU_221_6_Events.pdf

Хинтон и др. 2018 — Хинтон Л. и др. *Возвращение к живому языку*. Пособие для изучения языка по методу «Мастер-ученик». Хельсинки, Санкт-Петербург, 2018.

References

Antonova N. ABĀ. *Shag navstrechu: prakticheskoe posobie o tom, kak nauchit' rebenka karel'skomu yazyk* [A step forward: a practical guide on how to teach a child the Karelian language]. Petrozavodsk, 2020. (In Russ.)

Aralova N. B., Budyanskaya E. M., Evstigneeva A. P. *Vesenniyaya shkola po sokhraneniyu, razvitiyu i vozrozhdeniyu yazykov* [Spring School for the preservation, development and revitalization of languages]. *Rodnoy yazyk*, 2022, 1: 140–150. URL: https://rodyaz.ru/pdf/22-1/RY_221_6_Events.pdf (In Russ.)

Khinton L. i dr. *Vozvrashchenie k zhivomu yazyku. Posobie dlya izucheniya yazyka po metodu «Master-uchenik»* [Return to a living language]. Khel'sinki, Sankt-Peterburg, 2018. (In Russ.)

РОДНОЙ ЯЗЫК
Лингвистический журнал

RODNOY YAZYK
Linguistic Journal

Институт перевода Библии
101000 Россия, Москва, Главпочтамт, а/я 360
www.ibt.org.ru; ibt_inform@ibt.org.ru

Подписано в печать 26.06.2024
Формат 84×108 ¹/₃₂. Усл.-печ. л. 10.29
Бумага офсетная. Гарнитура «Noto»
Тираж 75 экз. Заказ №

Отпечатано в ООО «ИПП «КУНА»